

©“Адвокатская Палата”

**Официальное издание  
Адвокатской палаты Московской области  
№ 1, январь 2015  
Научно-практический журнал, выходит с  
01.01.2003**

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации  
ПИ-77-14492 от 27.01.2003 г.**

**Учредитель:** Адвокатская палата Московской области

**Издатель:** Адвокатская палата Московской области

**Главный редактор:** Ю.М.Боровков

**Выпускающий редактор:** А.А.Горшенков

**Компьютерная графика, верстка:** А.А.Исупов

**Адрес редакции и издателя:** 111020, город Москва, Госпитальный вал, 8/1, строение 2

**Телефон редакции:** (495) 360-3941, 360-8630

**E-mail:** apmo@bk.ru **Web:** www.apmo.ru

**Подписной индекс:** 82201

**Отпечатано:** ООО “Красногорская типография”

143000, Московская область, город Красногорск, Коммунальный квартал, д.2

**Объем:** 6 п.л. **Тираж** 1000 экз. **Заказ**

**Редакционный Совет  
журнала "Адвокатская палата"**

1. Председатель редакционного совета журнала **Галоганов Алексей Павлович**, адвокат, президент АПМО;
2. **Боровков Юрий Михайлович**, адвокат, первый вице-президент АПМО;
3. **Володина Светлана Игоревна**, адвокат, вице-президент ФПА РФ, член Квалификационной комиссии АПМО;
4. **Добровольская Светлана Игоревна**, адвокат, руководитель Экспертно-консультативного совета АПМО;
5. **Жаров Александр Евгеньевич**, Уполномоченный по правам человека в Московской области;
6. **Ковалева Лидия Николаевна**, адвокат, член Совета АПМО;
7. **Никифоров Александр Владимирович**, адвокат, отв. секретарь Квалификационной комиссии АПМО;
8. **Новолодский Юрий Михайлович**, адвокат, президент Балтийской коллегии адвокатов;
9. **Пепеляев Сергей Геннадьевич**, адвокат, член Совета АПМО, член Совета ФПА РФ;
10. **Пилипенко Юрий Сергеевич**, адвокат, первый вице-президент ФПА РФ;
11. **Юрьев Сергей Сергеевич**, адвокат, председатель президиума КА “Межрегион”.
12. **Яртых Игорь Семенович**, адвокат, председатель президиума КА “Яртых и коллеги”;

## Содержание

<b>События</b>	
<b>Калейдоскоп событий</b>	2
<b>Обмен опытом</b>	
<b>А.П. Галоганов</b> Суд присяжных: в поисках справедливости	3
<b>О.Д. Ярошик</b> О некоторых проблемах современной следственной и судебно-экспертной практики	4
<b>М.И. Фёдоров</b> Дело о недействительности протокола собрания участников общества	6
<b>Дискуссия</b>	
<b>Д.В. Сотников</b> Революция адвокатуры глазами рядового революции	10
<b>Философия права</b>	
<b>Е.В. Ушакова</b> Исторический очерк развития российского уголовного законодательства о похищении человека	14
<b>Зарубежное право</b>	
<b>К. Н. Соловов</b> Средства правовой защиты в рамках одобрения европейскими антимонопольными регуляторами сделок по слияниям и поглощениям	19
<b>История адвокатуры</b>	
<b>Н.А. Сафронов</b> Над Подольском безоблачное небо	21
<b>Наследие</b>	
<b>И.Д. Брауде</b> Убийство или самоубийство?	34
<b>Немного юмора</b>	
Немного юмора...	47

*Дата выхода в свет: 06.03.2015*

*Цена свободная*

## КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

**"Несчастливый" съезд с большими перспективами**

В одном из конференц-залов гостиничного комплекса "Измайлово" в Москве 5 декабря состоялся XIII съезд Федерального союза адвокатов России. В нём участвовало свыше пятидесяти делегатов со всех концов страны, в основном, первых вице-президентов и вице-президентов союза. Были избраны секретариат, счётная, редакционная и финансовая комиссии, а также президиум. Собрание почтили минутой молчания ушедших за минувшие два года со времени предыдущего съезда соратников-известных адвокатов В.В. Зенина, А.В. Денисова, С.Н. Малцова, Т.В. Акимцеву, В.Х. Ананова и С.М. Фликера.

Затем подробный доклад о работе президиума Федерального союза за отчётный период сделал президент ФСАР А.П. Галоганов. Он, в частности, с удовлетворением отметил, что все решения предыдущего съезда этой общественной организации реализованы. Так действует и взаимодействует с ФПА и Минюстом комиссия ФСАР по разработке поправок в адвокатское законодательство. А главное, зримы результаты решения активно идти на выборы всех уровней членам ФСАР. Так сам Алексей Павлович избрался, позиционируя себя именно как представитель союза, в состав Общественной палаты Центрального Федерального округа России, А.Ю. Кирьянов возглавил комиссию по ЖКХ в Общественной палате РФ, А. Лукин вошёл в Законодательное собрание в Ногинске и т.д. Всё это поможет на действенном уровне отстаивать интересы как адвокатуры, так и граждан во властных структурах.

Председатель комиссии по защите прав адвокатов ФСАР Ю.В. Щиголев рассказал о своей деятельности в этой сфере, предложив организовать центр психологической поддержки коллег. Первый вице-президент ФСАР, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Г.К. Шаров поведал о ситуации в российской адвокатуре в связи с прибавлением полуторатысячного отряда крымских коллег и об изменениях в адвокатском законодательстве. Планами переориентации международных визитов российских адвокатов с дальнего зарубежья на СНГ в связи с антироссийскими санкциями и вызовыми трудностями поделился с собравшимися президент Международного союза (содружества) адвокатов Г.А. Воскресенский. А глава Гильдии российских адвокатов Г.Б. Мирзоев высказал пожелание, чтобы адвокат с помощью общественных адвокатских организаций превратился, наконец, из бесправного просителя в активно действующего участника судопроизводства. Председатель Ревизионной комиссии ФСАР В.А. Фомин доложил о материальном состоянии союза, которое, к сожалению, остаётся весьма скромным. Одоблив в целом законопроект об изменениях в адвокатское законодательство, первый вице-президент Федерального союза, вице-президент АП Удмурдской Республики Д.Н. Талантов остановился между тем на некоторых вызывающих вопросы новеллах. Председатель Московской муниципальной коллегии адвокатов В.В. Федосеев предложил провести ревизию членов ФСАР. На то, что обсуждающиеся "адвокатские" изменения в ГК фундаментально меняют основу сложившейся в последние годы отечественной адвокатуры, просил обратить внимание участников съезда председатель президиума коллегии адвокатов "Яртых и партнёры" АПМО И.С. Яртых. Гость мероприятия, руководитель правозащитной организации "Гра-

жданский контроль", советник Уполномоченного по правам человека в РФ В.Г. Габисов также посетовал с трибуны выступающего на дефицит равноправия в судебных, особенно уголовных, процессах. Представитель Ногинского отделения организации А.В. Лукин ратовал за то, чтобы адвокатские общественные организации были полноценными дискуссионными площадками, восполняя понятный "официоз" палат.

Выступления завершились презентацией известным политиком, с недавних пор ещё и адвокатом АПМО, членом ФСАР, И.Б. Мироновым своей новой книги, на этот раз о суде присяжных.

В ходе мероприятия состоялись награждения ряда адвокатских руководителей, в том числе знаком ФПА к 150-летию российской адвокатуры. Съезд одобрил отчёты о работе Президиума и Ревизионной комиссии ФСАР, утвердил исполнение приходно-расходной сметы за два прошедших года и проект сметы на два будущих. Среди решений, определяющих основные направления работы Федерального союза адвокатов России на 2015-2016 гг., в частности, содействие укреплению единства адвокатского сообщества и усилению его авторитета в стране, реформированию законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в рамках государственной программы "Юстиция", защите профессиональных и социальных прав адвокатов; содействие в реализации Федерального закона "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" и взаимодействию в этом с ФПА, госорганами и общественными правозащитными организациями; продолжение выступлений с инициативами по различным вопросам общественной жизни и привлечение адвокатов к участию в деятельности органов законодательной власти, Общественных палат и различных Общественных советов, а также активизация методической и издательской работы союза.

**Пушкин, Омар Хайям и подмосковные адвокаты**

Всероссийская общественная организация "Трудовая доблесть России" издала к грядущему 70-летию Победы в Великой Отечественной войне примечательную книгу. Она называется "Поэзия труда" и богата, с иллюстрациями, издана в столичном издательстве "РБП Групп" двухтысячным тиражом. Руководителем издательского проекта является председатель Центрального правления "Трудовой доблести" А.Г. Лёвин, руководителем редакционного совета сборника народный артист России и поэт М.И. Ножкин, а автором-составителем Б.Н. Голосной.

В книге кропотливо собраны произведения, воспевающие труд, самых различных авторов, российских и зарубежных, классиков и современников. Здесь и Пушкин, и Омар Хайям, и современные поэты, некоторые из них, впрочем, такие как Евгений Примаков, известны в первую очередь в иной сфере деятельности.

Есть в сборнике и стихи наших коллег, воспевающих, среди остальных, и адвокатский труд! В "Поэзии труда" представлены произведения известных адвокатов АПМО и поэтов Ю.В. Слоновского, В.М. Шеркера и Е.А. Цукова. Остаётся пожелать им дальнейших творческих успехов и иметь рядом с собой столь же достойную компанию.

*(по материалам нашего спецкора)*

А.П. Галоганов - президент АПМО, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ

## Суд присяжных: в поисках справедливости

Один из самых острых вопросов отечественного правосудия - нужен ли обществу суд присяжных, которому в 2014 году исполнилось сто пятьдесят лет. Институт присяжных заседателей, более полувека являвшийся основой судебной системы Российской империи, в наши дни был встречен настороженно-холодно. Судейский корпус увидел в присяжных посягательство на монополию профессиональных приговоров. От государственного обвинения и следствия возрождённый институт требовал тщательного соблюдения законных прав подсудимых и качественной доказательной базы. Но если судьи и правоохранительные органы дружно не благоволили присяжным, то общественное мнение оказалось неоднозначным в оценках "народных судей".

Критики суда присяжных чаще всего утверждают, что непрофессиональный юрист не сможет объективно разобраться в обстоятельствах дела, роли и степени виновности подсудимого. Во-вторых, они считают, что присяжных можно легко купить или запугать. И, в-третьих, полагают, что сердобольность, особенно присущая женщинам-присяжным, способна взять верх над справедливостью и позволить преступнику избежать заслуженного наказания. Однако подобные аргументы на деле не выдерживают никакой критики. Как правило, в коллегию присяжных попадают люди зрелые, состоявшиеся, с серьёзным житейским опытом. Они стараются досконально и скрупулёзно изучать материалы дела, ведут записи, задают через председательствующего важные вопросы. Да и на излишнюю милость или доброту народных судей подсудимым рассчитывать особо не приходится. В восьми из десяти случаев присяжные выносят обвинительный вердикт, при этом снисхождение встречается очень нечасто. Можно ли купить или запугать присяжного, заставив его голосовать за несправедливый вердикт? Можно. Но кого легче склонить к бессовестному решению - семерых народных судей (именно столько достаточно для вынесения обвинительного вердикта) или одного профессионального судью, который также бывает одержим страстями, страхами и алчностью? Нельзя отрицать, что были случаи, когда преступникам благодаря мастерству адвокатов и слабым позициям прокуроров удавалось добиваться от присяжных оправдательного вердикта. Однако впоследствии приговоры, постановленные на основании подобных нечестных вердиктов, как правило, отменялись, и дела отправлялись на новое рассмотрение. К тому же на сегодняшний день профессионализм и опыт государственных обвинителей, постоянно оттачивающих искусство убеждения присяжных, не часто уступают адвокатским талантам.

Книга И.Б. Миронова сбрасывает завесу мифов и тайн с суда присяжных. Автор показывает механику работы как защиты, так и обвинения. На примере резонансных уголовных дел он раскрывает способы манипуляции сознанием народных судей, к чему активно прибегают участники процессов. Выстраивание линии защиты, участие в допросе, подготовку судебной речи, тактику рабо-

ты со свидетелями, взаимодействие с судьёй и обвинением автор детально прорабатывает с точки зрения новейших исследований нейролингвистического программирования, что придаёт особую практическую ценность данной монографии.

И.Б. Мироновым проделана огромная работа по изучению проблемы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Исследование затрагивает как теоретические основы данной формы судопроизводства, так и многолетний практический опыт. Автор использует богатый и яркий материал громких процессов последнего десятилетия, привлекая в качестве источников стенограммы и протоколы судебных заседаний. И.Б. Миронову удалось получить комментарии лиц, оправданных и осуждённых присяжными, представителей государственного обвинения и защиты, а также бывших присяжных заседателей, что придаёт исследованию объективность, полемичность, остроту и актуальность. Немаловажно, что в своём исследовании автор опирается на личный выстраданный опыт: почти десять месяцев присяжные заседатели судили И.Б. Миронова по обвинению в покушении на А.Б. Чубайса, и ему удалось добиться оправдательного вердикта.

Вскрывая пробелы в "присяжном" законодательстве, которые для подсудимых (на примерах конкретных судеб) зачастую становятся ловушками и тупиками, автор указывает на необходимость реформирования суда присяжных, с тем, чтобы сделать его более прозрачным и доступным для обвиняемых.

Значимость исследования И.Б. Миронова невозможно переоценить. Автор искусно сочетает в своей работе изучение вопросов правоприменения и психологических техник, иллюстрированных ярчайшими примерами из судебных процессов. Написанная живым, афористичным языком книга будет интересна широкому читателю. Представители адвокатского сообщества и те, кто обвиняется в совершении преступлений, смогут почерпнуть практические рекомендации по всем вопросам защиты прав и законных интересов в суде присяжных.

Каков суд, такое и государство. Мы хотим видеть справедливый и милостивый суд, в котором граждане находят правду и защиту. Появление этой книги в год 150-летия Судебной реформы Александра II, учредившего суды присяжных, является добрым знаком преемственности опыта и традиций великого завоевания гражданского общества.

*(Предисловие к книге: И.Б. Миронов. Суд присяжных. Стратегия и тактика судебных войн. "Книжный мир", М., 2015)*

О.Д. Ярошик - заведующий филиалом №30 МОКА, почетный адвокат МОКА и АПМО

## О некоторых проблемах современной следственной и судебно-экспертной практики

В следственной практике органов внутренних дел в течение длительного периода времени существуют весьма серьезные проблемы, связанные с рассмотрением материалов и расследованием уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях. Эти проблемы и особенности рассмотрения материалов, проведения проверок и расследования уголовных дел о дорожных происшествиях нарушают права и законные интересы граждан.

Так, в производстве 3-го отдела СЧ СУ при УВД ЮАО ГУ МВД России по Москве находится материал проверки в отношении водителя Соболева по факту наезда на пешехода Стрюкову со смертельным исходом. В ходе осмотра места совершения ДТП в интересах водителя Соболева инспектором ДПС были допущены грубые нарушения требований ст. 24.1 КоАП РФ и п.214 Административного регламента, утвержденного Приказом МВД РФ №185 от 2.03.2009 года, не принято никаких мер к установлению очевидцев и места наезда на пешехода, не зафиксированы следы на месте происшествия, не осуществлена привязка имевшихся следов к стационарным объектам, что свидетельствует о безусловной заинтересованности сотрудников ДПС в исходе дела в интересах водителя Соболева. Кроме того, понятой Амосов пояснил, что во время осмотра места происшествия потерпевшей на месте не было. Это значит, что схема с указанием расположения тела потерпевшей без привязки к стационарным объектам и каких-либо замеров действительности не соответствует. Таким образом, место наезда, положение потерпевшей на месте происшествия, иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, необходимо устанавливать следственным путем, т.е. в рамках уголовного дела, а не в ходе доследственной проверки.

Однако данных, необходимых и достаточных для возбуждения уголовного дела, нет прежде всего потому, что эти данные отсутствуют на схеме дорожного происшествия. Этот порочный замкнутый круг существует по многим материалам о дорожных происшествиях. Уголовные дела при этом не возбуждаются, объективное расследование обстоятельств дорожных происшествий не проводится в связи с необходимостью сохранения и улучшения отчетных показателей следственной деятельности, а также с целью не допустить "нарушений законных прав и интересов водителя".

При этом уголовные дела по факту ДТП также не возбуждаются из боязни их последующего прекращения и нежелания таким образом ухудшения отчетных показателей следственной деятельности.

Все это сопровождается серьезными следственными ошибками и происходит в течение длительного периода времени по многим делам: по фактам ДТП с причинением тяжкого вреда здоровью водителю Староверову (Домодедово Московской области), гибелью водителей Мишутина (СЗАО Москвы) и Демина (Тульская область) и многим другим.

Так, по материалу проверки в отношении водителя К.,

проводимой в порядке статей 144, 145 и 148 УПК, следователь дважды выносил постановление о возбуждении перед начальником Следственного управления ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении (ч.3 ст. 264 УК РФ) и трижды отказывал в возбуждении уголовного дела.

В первом ходатайстве он указывал о необходимости приобщения фототаблицы к протоколу осмотра места происшествия (прим. авт.: Это очень трудно сделать!), получения заключения судебно-медицинской экспертизы и проведении САТЭ, после чего - принятии законного и обоснованного решения.

При этом указание о необходимости принятия законного и обоснованного решения в данном случае выглядело как издевательство над законом.

В постановлении об отмене первого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела начальник СУ, ссылаясь на требования п.2 ч.1 статьи 39 и статьи 148 УПК, указал, что решение принято преждевременно, так как проверка проведена не в полном объеме; по материалу необходимо назначить и провести САТЭ, после чего принять законное и обоснованное решение.

Руководствуясь статьями 195, 196 и 199 УПК РФ, следователь вынес постановление о назначении автотехнической экспертизы, при этом эксперту были разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст.57 УПК, и он был предупрежден об уголовной ответственности в соответствии со ст.307 УПК за дачу заведомо ложного заключения.

Участник происшествия (водитель) и представители сторон с постановлением следователя о назначении САТЭ ознакомлены не были.

Таким образом, участники процесса были лишены возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности свои права, закрепленные статьей 198 УПК.

Что написал следователь в своем постановлении, какие исходные данные он представил эксперту, какие вопросы поставил на разрешение, известно не было. Все это было тщательно покрыто мраком следственной тайны.

В постановлении об отмене второго постановления об отказе в возбуждении уголовного дела начальник СУ, опять ссылаясь на требования п.2 ч.1 статьи 39 и статьи 148 УПК, вновь указал, что решение принято преждевременно, так как проверка проведена не в полном объеме; по материалу на этот раз необходимо приобщить заключение автотехнической экспертизы, после чего принять законное и обоснованное решение.

В этом случае указание о необходимости приобщения заключения АТЭ, а потом - принятия законного и обоснованного решения в данном случае со стороны выглядело не просто как издевательство над законом, а как-то странно.

Приобщив заключение САТЭ, следователь вновь принял законное и обоснованное решение - в третий раз отказал в возбуждении уголовного дела по тем же основаниям, что и ранее (пункт 2 часть 1 статьи 24, статей 144,

145, 148 УПК).

Кому нужна такая игра с процессуальными сроками при проведении таких проверок и манипулирование законом в принятии таких "законных и обоснованных решений"?

При этом следователь планировал провести проверку показаний на месте водителя, совершившего наезд на пешехода, оформить эту проверку как дополнительный осмотр места происшествия с участием водителя, но потом, выслушав возражения адвоката, отказался от этого мероприятия, проводимого вне рамок уголовного дела.

Водитель выехал самостоятельно на место происшествия, после чего обратился к следователю с заявлением, в котором уточнил свои показания по обстоятельствам наезда на пешехода. Это заявление было приобщено к материалу проверки сообщения о преступлении.

Устранение существенных противоречий по обстоятельствам происшествия (наезда, столкновения) необходимо осуществлять как следственным, так и экспертным путем. Однако вне рамок уголовного дела это происходит зачастую непонятно как.

Иногда доходит до абсурда. Так, в недавнее время сложную комплексную комиссионную экспертизу по делу о наезде на пешехода Глебову в рамках административного производства назначал инспектор по ИАЗ 6-го Отдела ДПС на спецтрассе, а дальнейшую проверку проводил инспектор по розыску(!?) этого же отдела. Потом в Басманном суде Москвы возникли проблемы с рассмотрением этого уголовного дела; адвокаты подсудимого при этом совершенно справедливо и обоснованно утверждали о недопустимости доказательств, полученных ненадлежащими лицами незаконным путем вне рамок уголовного дела

При этом никто из должностных лиц следствия почему-то не знакомит заинтересованных лиц (участников происшествия и их представителей) с постановлением о назначении САТЭ, от результатов которой в дальнейшем и зависит процессуальное решение о движении дела (материала). Они забывают (или наоборот, слишком хорошо помнят), что результаты САТЭ зачастую определяют исход дела о ДТП.

Зачастую такие же проблемы существуют и при расследовании уже возбужденных уголовных дел, чем грубо нарушаются требования Конституционного и Верховного Судов России, законные права и интересы участников производства, а также принципы состязательности и равноправия сторон, декларированные Уголовно-процессуальным кодексом.

Между тем, следователь с постановлением о назначении судебной экспертизы знакомит подозреваемого обвиняемого до начала производства экспертизы, в противном случае участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия (определение Конституционного Суда РФ по делу Шилова от 22 апреля 2014 года). В соответствии с разъяснением Верховного Суда РФ не ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы и отсутствие разъяснения его прав до того, как это постановление будет передано эксперту, признается судом нарушением уголовно-процессуального закона и приводит к тому, что заключение эксперта следует признавать недопустимым доказательством.

"В соответствии с частью третьей статьи 195 УПК РФ следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст.198 данного кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. Это процессуальное действие, которое по смыслу норм, рассматриваемых в системной связи, должно быть осуществлено до начала производства экспертизы; в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности права, закрепленные статьей 198 УПК РФ. Данное требование носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом" (из определения КС РФ от 22.04.2014 г. по делу Шилова).

Но есть и другая проблема, теперь уже судебная, замалчиваемая всеми должностными лицами, от которых зависит принятие решений. Нужна политическая воля?

Настойчивый гражданин Шилов показывал судьям Мосгорсуда постановления ВС и КС РФ, приводил им разъяснения Верховного Суда, согласно которым: "неознакомление обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы и разъяснение его прав до того, как это постановление будет передано эксперту, признается судом нарушением уголовно-процессуального закона и приводит к тому, что заключение эксперта следует признавать недопустимым доказательством", однако "на них эти документы не произвели никакого впечатления. Шилов, будучи очень настойчивым, на днях обратился снова в Конституционный суд. На это раз уже с жалобой - как же так, ваши постановления судами на местах не исполняются. На что ему высший орган судебной власти посетовал, он не обладает возможностью контроля исполнения своих постановлений". Зачем вообще нужны высшие судебные органы - Верховный и Конституционный суды, - если их решения можно вот так легко игнорировать? И как тогда вообще добиваться справедливости? (см.: "Фемиде наступил на ухо. Московские суды делают вид, что не слышат вышестоящие инстанции", "МК", 24.10.2014 г., "Закон к делу не относится. Судья Московского городского суда отклонила решение Конституционного суда", "НГ", 27.10.2014 г.).

Изложенные проблемы и особенности рассмотрения материалов, проведения проверок и расследования уголовных дел, прежде всего о дорожных происшествиях, нарушают права и законные интересы граждан, создают основу и являются первопричиной даже различных злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Автор обратился к Министру внутренних дел России с просьбой дать указание о проведении проверки и соответствующих разъяснений для применения в следственной практике органов внутренних дел, принятии на местах "законных и обоснованных решений".

Автор не видит никого практического смысла в обращении к председателю ВС РФ, так как достаточно острые и очень проблемные статьи в прессе остаются не только без надлежащего разрешения, но даже ответа.

М.И. Фёдоров - адвокат, преподаватель Воронежского экономико-правового института

## Дело о недействительности протокола собрания участников общества

Третье лицо: Л....

Адрес: г. Воронеж....

ДЕЛО А14-.../2012

Назначено на 10 декабря 2014 года

### Письменные пояснения

#### на кассационную жалобу гр. Л... на постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2014 года по делу №А14-.../2012

На протяжении нескольких лет адвокат Федоров оказывал юридическую помощь гр. А., которая владела 33 % процентами Уставного капитала общества, и без ведома которой владелец такой же доли гр. Л. продал недвижимость общества. Третьим участником общества был гр. П., который владел 34% Уставного капитала общества, но впоследствии продал свою долю гр. А.

Когда гр. А. узнала о том, что в обществе недвижимость отсутствует, она много сил потратила на то, чтобы выяснить, как произошло отчуждение. Оказалось, был составлен протокол собрания общества, которым разрешалась сделка по продаже недвижимости.

На протоколе стояла подпись П., который на указанную в протоколе дату собрания являлся директором общества.

Поняв, как ее обманули, гр. А. обратилась в правоохранительные органы, которые длительное время "футболили" её дело.

Также она обратилась в арбитражный суд области с требованием признать протокол собрания, на основании которого была оформлена сделка по отчуждению, недействительным.

После длительного рассмотрения дела арбитражным судом области в иске гр. А было отказано.

Но гр.А. обжаловала решение арбитражного суда области в суд апелляционной инстанции.

В рамках рассмотрения апелляционной жалобы гр. А было собрано значительное количество доказательств, свидетельствующих о недействительности спорного протокола собрания.

На основании их суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил и удовлетворил иск гр. А.

Участник спора третье лицо гр. Л., к тому времени находящийся под домашним арестом по возбужденному в отношении него уголовному делу по ч.4 ст. 159 УК РФ, обжаловало постановление апелляционного суда в суд кассационной инстанции.

10 декабря 2014 года суд кассационной инстанции рассмотрел кассационную жалобу третьего лица гр. Л. и в ее удовлетворении отказал.

Предлагаем читателям письменные пояснения представителя истца адвоката Федорова, прозвучавшие в заседании суда кассационной инстанции 10 декабря 2014 года, из которых видно, как гр. Л. уже в суде кассационной инстанции пытался ввести суд в заблуждение, прибегая к подлогу даже в мелочах.

Арбитражный суд Центрального округа

Адрес: Калуга, ул. Кирова, д. 4

Истец: А...

Место жительства: г.Воронеж...

Ответчик: ООО...

Адрес: г. Воронеж...

Гражданка А. обратилась Арбитражный суд Воронежской области с иском заявлением к Обществу с ограниченной ответственностью... о признании недействительным решения общего собрания участников от 22 февраля 2011 года №2-н.

Решением Арбитражного суда Воронежской области от 22.02.2013 г. в удовлетворении иска ей было отказано.

Гр. А. и ответчик ООО... обжаловали решение Арбитражного суда Воронежской области от 22.02.2013 года в Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд, который своим постановлением от 11.08.2014 года апелляционные жалобы А. и ООО... удовлетворил, решение Арбитражного суда Воронежской области от 22.02.2013 г. отменил, исковые требования гр. А. удовлетворил, признал решение внеочередного общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью..., оформленное протоколом №2-н от 22.02.2011, недействительным.

Третье лицо гр. Л. с постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда не согласился и обжаловал его в Федеральный арбитражный суд Центрального округа, прося постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2014 года отменить, оставить в силе решение Арбитражного суда Воронежской области от 22.02.2013 года.

Считаю кассационную жалобу третьего лица Л. не подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

#### 1.1. Третье лицо гр. Л. в обоснование жалобы указывает:

"Суд апелляционной инстанции не указал, нарушения каких именно требований действующего законодательства были допущены при проведении указанного собрания и принятия решения".

То есть гр. Л. указывает на якобы имевшие место нарушения при проведении собрания и при принятии решения.

Но в иске А. говорится об *иной повестке собрания и об иных принятых решениях, а не о нарушениях при проведении собрания и принятии решения.*

А именно: в оспариваемом протоколе №2-н от 22 февраля 2011 года внеочередного общего собрания участников ООО... указано, что в повестку дня внеочередного собрания включены три вопроса:

- принятие решения об отчуждении недвижимого имущества, принадлежащего Обществу;

- принятие решения об одобрении крупной сделки по продаже административно-производственного корпуса., расположенного по адресу г. Воронеж., общей площадью... кв.м., этаж...;

- принятие решения об одобрении сделки по приобретению офисных помещений, находящихся по адресу: г. Воронеж...

Приняты решения:

- по первому вопросу: продать недвижимое имущество, принадлежащее Обществу. Голосование участников: П... (Участник общества) - "за" 34%, Л... (Третье лицо по иску) - "за" 33%, А... (Истец) - "против" 33%;

- по второму вопросу: одобрить сделку по продаже... административно-производственного корпуса., расположенного по адресу: г. Воронеж... общей площадью ... кв.м., этаж ..., по цене ... рублей. Голосование участников: П... - "за" 34%, Л... - "за" 33%, А... - "против" 33%;

- по третьему вопросу: одобрить сделку по приобретению помещений по адресу г. Воронеж., ... этаж, площадью... кв.м. по цене... рублей. Привлечь в качестве агента., которому поручить приобрести данные помещения от имени и за счет ООО... . Голосование участников: П... - "за" 34%, Л... - "за" 33%, А... - "против" 33 %.

Истец А. в иске указала, что вместо указанных вопросов на собрании обсуждался вопрос возможности продажи активов, принадлежащих ООО... и что приняты отличные от указанных в протоколе решения:

- нецелесообразно отчуждать недвижимое имущество, принадлежащее обществу, до проведения рыночной оценки его стоимости;

- назначить оценку рыночной стоимости недвижимого имущества, принадлежащего Обществу.

*То есть в иске А. говорится об иной повестке собрания и об иных принятых решениях, а не о нарушениях при проведении собрания и принятии решения.*

### **1.2. Третье лицо Л. в обоснование жалобы указывает:**

"суд вправе с учетом всех обстоятельств оставить в силе обжалуемое решение, если голосование участника, подавшего заявление, не могло повлиять на результаты голосования, допущенное нарушение является существенным и решение не повлекло причинение убытков данному участнику общества (п.2. ст. 43 Федерального закона №14-ФЗ".

Как следует из материалов дела:

Голосование истца А могло повлиять на результаты голосования. На 22.02.2011 года у истца, как участника ООО... была доля в размере 33% Уставного капитала общества; у другого участника П. была доля 34% Уставного капитала общества, который при допросе в суде 07.06.2013 года (Т.4, л.д. 61) пояснил, что на собрании участников 22.02.2011 года рассматривался вопрос об оценке здания, решения о продаже здания не принималось.

То есть голосование истца А. могло повлиять на результаты голосования относительно вопроса об отчуждении.

Включение в повестку собрания иных вопросов и иных решений являются существенными нарушениями.

В результате сфабрикованного протокола 2-н от 22.02.2011 г. истец А. понес убытки в виде неполучения

доходов от продажи здания по заниженной цене и неполучения доходов от арендной платы от сдачи в аренду отчужденного здания.

### **1.3. Третье лицо Л. в обоснование жалобы указывает:**

"Если решение общего собрания участников общества обжалуется по мотивам нарушения установленного Закона №14-ФЗ порядка созыва собрания (несвоевременно направления информации участникам, нарушения порядка и сроков формирования повестки дня собрания и т.п.), следует учитывать, что такое собрание может быть признано правомочным, если в нем участвовали все участники общества (пункт 5 ст. 36 Закона №14-ФЗ).

Вместе с тем истец не доказал факта проведения собрания в его отсутствие.

Более того, из материалов дела следует и истцом не оспаривается, что 22.02.2011 г. состоялось общее собрание участников ООО., в котором участвовали все три участника общества - А (истец)..., П... и Л... (третье лицо)...".

Но п.5 ст. 36 Федерального закона №14-ФЗ касается порядка созыва общего собрания участников общества.

Повторюсь: в нашем случае предметом спора является содержание протокола №2-н от 22 февраля 2011 года внеочередного общего собрания участников ООО., в котором указано, что в повестку дня внеочередного собрания включены вопросы и принятые решения (см. п. 1.1 письменных пояснений), отличавшиеся от действительно рассмотренных и принятых.

Истец А. в иске заявил, что вместо указанных в спорном протоколе вопросов на собрании обсуждался вопрос возможности продажи активов, принадлежащих ООО...; что приняты отличные от указанных в протоколе решения:

- нецелесообразно отчуждать недвижимое имущество, принадлежащее обществу, до проведения рыночной оценки его стоимости;

- назначить оценку рыночной стоимости недвижимого имущества, принадлежащего Обществу.

**ТО ЕСТЬ собрание 22.02.2011 г. состоялось, но было по иной повестке, и приняты иные, чем указанные в протоколе 2-н от 22 февраля 2014 года решения; данный спор никак не связан с порядком созыва собрания, тем более с явно надуманными возражениями третьего лица Л. относительно того, что истец А. якобы должен доказывать факт проведения собрания в его отсутствие, тем более, что там (как указало третье лицо) он был.**

### **1.4. Третье лицо Л. в обоснование жалобы пишет:**

"Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции посчитал, что суд первой инстанции не указал, какими доказательствами подтверждается нарушение порядка созыва и проведения собрания, что это были за нарушения, являются ли они существенными".

**Надуманность данного тезиса опровергается ранее изложенными в п. 1.3 моими пояснениями-возражениями.**

**1.5. Третье лицо Л., обосновывая жалобу, ссылается на факт установления выполнения подписи в спорном протоколе от имени П. (другой участник,**

директор), как на единственное доказательство, установленное судом апелляционной инстанции, которое влечет недействительность решений, оформленных протоколом от 22.02.2011 г. №2-н.

Данное утверждение не соответствует действительности и свидетельствует о стремлении третьего лица Л. ввести суд в заблуждение.

Так, во время рассмотрения апелляционной жалобы истца получены многочисленные доказательства недействительности протокола №2-н от 22.02.2011 года:

- соглашение между истцом и ответчиком о признании фактических обстоятельств по делу;

- заключение судебно-почерковедческой экспертизы №9082/4-3 от 11.11.2013 г., согласно которому подпись от имени П., расположенная в спорном протоколе 2-н от 22.02.2011 г. после слов "Председатель собрания П." выполнена самим П. (выводы т.5 л.д. 91);

- заключение судебно-технической экспертизы №9083/1-3 от 13.12.2013 г., согласно которому подпись от имени П. в спорном протоколе выполнялась на листе бумаги до того, как на нем был исполнен печатный текст (т.5 л.д. 100-106);

- заключение №4324/4-1 от 03.06.2014 г. о том, что в выписке из протокола внеочередного собрания от 22.02.2011 г. подпись от имени П. выполнена до того, как исполнен печатный текст (т.6 л.д.112-113);

- заключение 4935/1-1 от 24.12.2013 года о том, что давность выполнения оттисков печатей ООО... в агентском договоре (заключен на основании спорного протокола), актах приема-передачи векселя (взаиморасчеты прошли якобы векселем), выписке из протокола 2-н не соответствуют датам, указанным в документах, кроме того выписка подвергалась агрессивному световому воздействию, а определить давность нанесения оттисков печатей на документы не представилось возможным из-за оказанного на документы термического воздействия (т.6 л.д. 122-135);

- допрос в суде эксперта, обосновавшего выводы проведенной экспертизы;

- допрос П. в суде, пояснившего, что у Л. (третьего лица) имелись чистые листы бумаги с его подписью, и вопросы, отраженные в спорном протоколе 2-н, не рассматривались (Т.4, л.д. 61) и др.

**То есть многочисленные доказательства свидетельствуют о недействительности спорного протокола.**

#### **1.6. Третье лицо Л. в обоснование жалобы пишет:**

Из обстоятельства о наличии у Л. (третьего лица) чистых листов с подписью П. (другого участника общества) "никак не следует об отсутствии воли П. (участник общества) в принятии решений на собрании 22.02.2011 г., оформленных данным протоколом".

Это опять явно надуманное заявление.

То, что у П. (третий участник общества) отсутствовала воля на принятие решений, изложенных в спорном протоколе, следует из его показаний в суде, кроме того в деле имеется изготовленный П. протокол 2/1 внеочередного общего собрания участников ООО..., проводимого 22 февраля 2011 года, где им отражены имевшие место рассмотренные 22 февраля 2011 года иные вопросы

и иные принятые решения.

Также из того, что П. с самостоятельным требованием о признании спорного протокола недействительным не обращался, не следует, что спорный протокол не может быть признан недействительным по заявлению другого участника общества А.

#### **1.7. Третье лицо Л., обосновывая жалобу, пишет:**

"Истец в суде апелляционной инстанции о фальсификации протокола от 22.02.2012 не заявлял".

Сразу замечу, протокол от 22.02.2012 года не оспаривается.

Кроме того, истец в суде апелляционной инстанции заявил о фальсификации протокола от 22.02.2011 г. (см. пр. с/з от 07.06.2013 г. т. 4, л.д. 61), где указано:

**"Представитель истца А. поддерживает ранее поданное заявление о фальсификации протокола 2-н от 22.02.2011 г. и для его проверки заявляет ходатайство о назначении судебно-почерковедческой и технической экспертизы и передает его суду с приложением на 34 листах".**

Это свидетельствует об очередной попытке третьего лица Л. ввести суд в заблуждение.

#### **1.8. Третье лицо Л., обосновывая жалобу, пишет:**

"Утверждение истца А. о том, что собрание якобы состоялось 22.02.2011 г. с иной повесткой, является полностью голословным, поскольку никем из лиц, участвующих в деле, не было представлено никакого другого протокола собрания от 22.02.2011 г."

**Данным заявлением третье лицо Л. в который раз пытается ввести суд в заблуждение.**

**То, что было собрание с иной повесткой, следует из пояснений истца А.; показаний П. (участник общества) в суде; составленного П. протокола собрания с действительно рассмотренными вопросами и принятыми решениями.**

#### **1.9. Третье лицо Л., обосновывая жалобу, заявляет, что П. составил протокол 2/1 от 19.11.2012 незаконно.**

Но это тоже не соответствует действительности.

В силу п.6 ст. 37 Федерального Закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" исполнительный орган организует ведение протокола общего собрания участников общества. На момент проведения внеочередного общего собрания участников ООО... 22.02.2011 г. исполнительным органом ООО... являлся директор П.

**Таким образом, П. как директор ООО... являлся лицом, которое ответственно составил протокол общего собрания участников ООО..., а дата составления протокола не может опровергать обстоятельство, изложенных в протоколе, составленном уполномоченным лицом.**

Законодательство РФ и судебная практика не содержит запрета и не устанавливает пресекающего срока на составление протокола общего собрания участников.

При этом третье лицо Л. не возражал против приобретения протокола №2/1 внеочередного общего собрания участников ООО фирма "ЭФА", проводимого 22

февраля 2011 года, к материалам дела.

**1.10. Заявление третьего лица Л. о том, что суд не указал на то, какое именно решение, изложенное в спорном протоколе, признано недействительным** - снова свидетельствует о стремлении третьего лица Л. ввести суд кассационной инстанции в заблуждение.

Из оспариваемого Постановления апелляционного суда следует:

"Признать решение внеочередного общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью фирма "ЭФА", оформленное протоколом №2-н от 22.02.2011, недействительным".

**ТО ЕСТЬ, ПРИЗНАНЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ВСЕ ТРИ РЕШЕНИЯ по сфальсифицированному протоколу.**

**1.11. Что касается восстановления нарушенных прав истца А.**, то они после признания протокола 2-н от 22.02.2011 года недействительным, восстанавливаются путем признания заключенных на основании признанного недействительным протокола договоров недействительными и применения последствий недействительности сделок, а именно возвращения недвижимости в ООО., основным участником которого А. является и сможет пользоваться своими правами, получать причитающуюся прибыль, которой истец был лишен неправомерными действиями третьего лица Л.

**Таким образом, жалоба третьего лица Л., привлеченного в данный момент к уголовной ответственности за мошенничество, надуманы, противоречат обстоятельствам дела, не основаны на законе, поданы с целью ввести суд кассационной инстанции в заблуждение.**

## **2. О несоблюдении порядка подачи кассационной жалобы**

Третье лицо Л. при подаче кассационной жалобы в нарушение ст. 277 АПК РФ не направило копии кассационной жалобы с прилагаемыми к ней документами сторонам заказным письмом с уведомлением о вручении либо путем личного вручения под расписку.

Кроме того третье лицо Л. проигнорировало определение Арбитражного суда Центрального округа от 30 октября 2014 года об оставлении кассационной жалобы без движения, предлагавшее третьему лицу устранить нарушения требований ст. 277 АПК РФ и направить сторонам копии кассационной жалобы с прилагаемыми документами.

В суд поступило ходатайство представителя третьего лица о приобщении квитанций о направлении кассационной жалобы истцу и ответчику.

При проверке на сайте "Почта России" действительности направления третьим лицом Л. кассационной жалобы сторонам выяснилось следующее:

- почтовое отправление с номером почтового идентификатора 39400978248039 направлено **ООО АРГУС** получателю А., при этом проверить адрес получателя невозможно ввиду отсутствия уведомления (см. распечатку с сайта "Почта России").

То есть третьим лицом Л. по приложенной квитанции письмо истцу А. не направлялось.

Оно, если и направлялось, то ООО АРГУС.

- Почтовое отправление с номером почтового идентификатора 39400978248046 направлено **ООО АРГУС** получателю ООО..., при этом проверить адрес получателя невозможно ввиду отсутствия уведомления (см. распечатку с сайта "Почта России").

То есть третьим лицом Л. по приложенной квитанции письмо ответчику ООО... не направлялось.

Оно, если и направлялось, то ООО АРГУС.

Истец А. от третьего лица Л. копию кассационной жалобы не получил.

**То есть привлекаемым к уголовной ответственности за совершение мошенничества третьим лицом Л. копии кассационных жалоб с прилагаемыми документами ни истцу, ни ответчику не направлялись, что свидетельствует о его неправомерных действиях и стремлении даже и тут ввести суд в заблуждение.**

## **3. О неуплате госпошлины**

Определением Арбитражного суда Центрального округа от 30 октября 2014 года об оставлении кассационной жалобы без движения третьему лицу было предоставлено время для устранения нарушения требований ст. 277 АПК РФ и предоставление подтверждающего доказательства оплаты госпошлины.

Поступивший вместе с ходатайством от представителя третьего лица Л. документ не является доказательством оплаты госпошлины, так как не подписан уполномоченным лицом и не заверен печатью производящего прием и перечисление госпошлины банковского учреждения.

**То есть привлекаемым к уголовной ответственности за совершение мошенничества Л. не представлено надлежащего доказательства оплаты госпошлины, что свидетельствует о его очередном стремлении ввести суд в заблуждение.**

Исходя из вышеизложенного,

ПРОШУ:

В удовлетворении кассационной жалобы Л. отказать.

Приложение:

- копии пояснений,
- распечатка с сайта "Почта России" отслеживания почтового отправления с почтовым идентификатором 39400978248039,
- распечатка с сайта "Почта России" отслеживания почтового отправления с почтовым идентификатором 39400978248046,
- копия доверенности.

Представитель истца  
по доверенности

Федоров М.И.

*Данное решение явилось одним из тех, которые восстанавливали в правах обманутого участника общества.*

Д.В. Сотников - адвокат АБ "Норма" АПМО

## Революция адвокатуры глазами рядового революционера

То движение, которое мы можем сегодня наблюдать в адвокатуре, в общественной и законотворческой дискуссии вокруг ее будущего смело можно называть революцией.

Сегодня адвокат не имеет практически никаких рычагов влияния на государственные органы, кроме тех, которые отведены ему процессуальным законодательством и достаточно скудным Федеральным законом 2002 г., написанным также в спешке.

Но реформа адвокатуры назрела. Она обусловлена тем, что с момента прихода демократии в Россию прошло уже более 20-ти лет. Демократия смогла укорениться и развиться как в общественных, так и в политических кругах. Вот почему дискурс об изменении роли адвокатуры как посредника между правами и интересами граждан как индивидуумов и общества в целом с одной стороны и государства с другой так активно обсуждается сегодня. И это обсуждение должно прийти к своему логическому завершению.

Очень жаль, что дискуссия в своем большинстве сводится лишь к созданию адвокатской монополии. В этом ключе она бессмысленна. Создается впечатление, что адвокаты, прошедшие беспристрастный экзамен в адвокатских палатах, подтвердившие свою квалификацию, просто боятся конкуренции со стороны "вольных" юристов, которые подчас даже не имеют высшего профессионального образования. Границы монополии теряются где-то вдаль: одни говорят, хотим, чтобы все юристы стали адвокатами, другие - хотим, чтобы остались только юристы, работающие в организациях по трудовому договору, а все остальные должны иметь статус. Резонный вопрос поступает в Интернете на всех юридических форумах от "вольных" юристов: "А какова конечная цель?". И тут же ответ: "Обязать всех юристов платить взносы в палаты и таким образом обогатить их руководство!" Реформа в таком ключе не просто непродуктивна, а дискредитирует адвокатуру в глазах общества, так как цели монополии действительно размыты. Все прекрасно понимают, что юрист, даже не имея адвокатского статуса, если заключил гражданский договор на представление интересов лица в суде, и несет по нему ответственность. В судах в равной степени рассматриваются иски как о привлечении к гражданской ответственности адвокатов, так и "вольных" юристов.

Нужна не реформа, нужна правовая революция.

Для того, чтобы ответить на вопрос, в каком русле данная революция должна происходить и почему именно "революция", следует рассмотреть, как понятие самой монополии, ее границы, так и роль адвокатов в судебных процессах и методы повышения эффективности данной роли.

Монополия - инструмент, противоречащий рыночной экономике. Однако на сегодняшний день в России уже существует несколько профессиональных монополий:

монополия нотариусов, арбитражных управляющих, регистраторов владельцев ценных бумаг.

Есть также отрасль права, в которых имеется и монополия адвокатов - уголовный процесс.

При этом уголовный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс и административный процесс существенно отличаются друг от друга, в том числе и в плане роли представителя, участвующего в них.

Так в уголовном процессе, в котором, как я уже отмечал выше, имеется адвокатская монополия, адвокат, который в качестве стороны защиты обязан на стадии предварительного расследования оппонировать дознавателю и следователю как представителям стороны обвинения, абсолютно не равен с ними в правах, не имеет возможности фиксировать доказательства; и в случае их получения обязан для их легитимации обращаться к представителям обвинения с ходатайством о приобщении или о проведении дополнительных следственных действий.

Так ст. 86 УПК РФ не устанавливает обязанности лиц, ведущих предварительное расследование приобщать доказательства, собранные защитником. Ст. 151 УПК РФ прямо указывает, что предварительное расследование проводится следователями и дознавателями. Понятие адвокатского расследования в УПК РФ и в Федеральном законе 2002 г. отсутствует.

Адвокатский опрос, предусмотренный п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, не регламентирован, ни по форме, ни по степени обязанности органа предварительного расследования приобщить данный опрос к материалам уголовного дела. Проводя адвокатский опрос свидетеля, защитник всегда рискует быть уличенным в оказании на него давления. В связи с этим опрос свидетеля обвинения, даже при его согласии, крайне нежелателен, так как орган предварительного расследования может вызвать его в любой момент и произвести его допрос таким образом, что факт давления будет в нем установлен. При адвокатском опросе опрашиваемое лицо также не предупреждается об уголовной ответственности, которой просто не существует за сообщение адвокату ложных фактов, в связи с чем оно может полностью менять свои показания на допросах, и протоколы допросов в этом плане будут иметь более высокую доказательную силу.

П. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ при ближайшем рассмотрении дублируют друг друга, кроме того, истребовать документы и справки по существующему законодательству адвокат может только в отношении своего доверителя. Если адвокат при изучении материала дела находит по тексту ФИО важного свидетеля, которого следствие считает не установленным лицом, он не может самостоятельно обратиться в ФМС и МВД с запросом о предоставлении по нему информации, не может обратиться к оператору мобильной связи с запросом о предоставлении данных на владельца телефонного номера, не может обратиться в банк с запросом о предос-

тавлении выписки по счету, не принадлежащему его доверителю.

При этом следователь надежно защищен от адвоката ст. 17 УПК РФ, которая предоставляет следователям и дознавателям - стороне обвинения - такую же свободу оценки доказательств, как суду и присяжным заседателям. На основании процессуальной независимости следователя любая жалоба в порядке ст. 124 и ст. 125 УПК РФ, поданная адвокатом, превращается в пустой звук. В связи с этим, следователи и дознаватели вправе свободно отказывать адвокату в вызове свидетелей защиты, обосновывая это тем, что данные свидетели не могут предоставить информации, необходимой для проведения предварительного расследования, и, таким образом, преодолевают ч. 2 ст. 159 УПК РФ.

Революционным со стороны адвокатуры было бы не расширять адвокатскую монополию, а попытаться усилить свою роль в уже отвоеванных границах - в уголовном процессе. В частности:

1. внести предложение о введении в УПК РФ нового раздела об адвокатском расследовании;

2. ввести понятия адвокатского действия (по аналогии со следственным действием);

3. разрешить адвокату на основании постановления следователя о его допуске в уголовный процесс в качестве защитника собирать любые доказательства, в том числе не касающиеся на прямую доверителя и составляющие персональные данные, а также иную охраняемую законом тайну;

4. ввести уголовную ответственность за незаконное использование адвокатом сведений, полученных в ходе адвокатского расследования;

5. утвердить форму адвокатского опроса, адвокатского запроса и другие формы закрепления адвокатами доказательств, собранных в ходе защиты по уголовному делу, административную ответственность для организаций и должностных лиц, отказавшихся предоставлять по адвокатскому запросу информацию и иные доказательства;

6. внести изменения в ст. 217 УПК РФ, дающие адвокату право на приобщение собранного адвокатского досье, при этом у органа предварительного расследования должны отсутствовать основания для отказа в таком приобщении.

И это будет революцией - так еще никогда в истории России адвокат не уравнивался в правах с органом предварительного расследования. Но данного уравнивания требует от нас новый демократический режим и необходимость повышать значимость адвокатуры как органа общественного контроля за законностью и правосудием.

Теперь перейдем к другим видам процесса, в которых у адвокатов пока еще нет монополии.

Оживленные дискуссии идут по арбитражному процессу. Там уже есть достаточно много коммерческих структур, занимающихся юридическим обслуживанием хозяйственного сектора, много и штатных юристов организаций.

Здесь же и огромное поле для юридической работы - договора, корпоративное право, налоги, административный проверки. Имеются также и существующие монополии, такие как арбитражные управляющие. Поэтому

введение монополии адвокатов на участие в судебном представлении по арбитражным делам нисколько не повредит правам участников хозяйственных правоотношений и ускорит рассмотрение арбитражных дел, которых год от года становится все больше и больше. Кроме того, монополия адвокатуры на представление лиц в арбитражном процессе воспрепятствует реализации различных полулегальных схем, использующих судебное решение как инструмент для легитимации, например, схем преднамеренного банкротства, вывода имущества с организаций и т.п.

Правда есть один достойный аргумент "вольников" - большие расценки на юридические услуги адвокатов. Однако при этом нельзя забывать, что с одной стороны процессуальные расходы подлежат взысканию с проигравшей стороны, а с другой - выигравшая сторона получит от дела экономическую выгоду. Здесь не идет речи об основных правах и свободах человека.

В этой связи разумно было бы адвокатским палатам устанавливать твердую сумму оказания адвокатских услуг (возможно в процентном соотношении от суммы иска или в зависимости от предмета иска, где установить такую сумму не представляется возможным) в арбитражном суде, а списки адвокатов передавать в суд. Так сторона, если желает быть представленной в экономическом споре, выбирает адвоката из списка арбитражного суда своего субъекта; суд утверждает его определением, прописывая его гонорар, а сторона, ходатайствующая о назначении адвоката, вносит его на расчетный счет суда, откуда суд перечисляет его адвокату. После вынесения судебного решения данный гонорар подлежит взысканию с проигравшей стороны в пользу стороны, выигравшей спор.

Однако монополизация арбитража не должна быть односторонней. Следует, с одной стороны, ограничить представление интересов лиц в арбитражном процессе исключительно адвокатами, а с другой стороны - запретить адвокатам оказывать другие виды юридической помощи хозяйствующим субъектам. Таким образом, на рынке юридических услуг произойдет лишь перераспределение функций. Но такое перераспределение повысит статусность адвокатуры, так как адвокат станет необходимым для бизнеса, желающего иметь собственного представителя в суде. Статус адвоката станет необходимым для лиц, желающих посвятить себя судебному представительству по экономическим спорам.

Опыт такой монополии имеется в Германии, где адвокат является независимым органом правосудия и вправе оказывать иной юридической помощи, кроме судебного представления, аналогично и другие юристы вправе оказывать любую квалифицированную помощь, кроме представления интересов в суде.

Гражданский процесс отличается от арбитражного прежде всего тем, что споры, рассматриваемые в нем, затрагивают не столько экономические права, сколько личные. Труд, жилище, семья, социальное обеспечение - все это тематика гражданского процесса.

Здесь адвокат также, как и в иных видах судебных процессов, лишен возможности запрашивать документы, имеющие прямое и важное значение для дела, но прямо не относящиеся к доверителю. Так при разделе совмест-

но нажитого имущества адвокат лишен возможности запрашивать информацию об имуществе процессуального противника, по наследственным делам - знакомиться с документами, поданными в нотариальное дело иными лицами.

Встает вопрос, а нужны ли такие права адвокату? Нужны! Ведь адвокат оказывает профессиональную юридическую помощь и должен отстаивать лишь законные права и интересы доверителя. Как же без документов можно определить степень законности данных прав?

Можно справедливо заметить, что по объему правомочий в гражданском процессе адвокат ничем не отличается от лица, не имеющего адвокатского статуса.

Кроме того, Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в РФ" дает право на ее оказание практически неограниченному кругу лиц, включая студентов (без обозначения курса, с которого можно оказывать юридическую помощь) в рамках юридических клиник. Принятие данного Закона можно рассматривать как сдачу адвокатурой своих исконных позиций - монополии на КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ юридическую помощь.

Основная задача адвокатуры как профессионального сообщества на сегодняшний день в области гражданского процесса заключается в том, чтобы непременно добиться редакции Закона № 324-ФЗ.

Однако, следует также понять причины принятия и его действующей редакции. Дело в том, что сами адвокаты не горят желанием оказывать бесплатную юридическую помощь. Почему? Да потому что, во-первых, отсутствует эффективный механизм ее оплаты государством, а, во-вторых, ставки, предлагаемые государством, ниже рыночных расценок на аналогичные услуги. Вместе с тем именно государство в лице Президента является гарантом права на квалифицированную юридическую помощь. В связи с этим необходим ряд политических решений, который позволял бы адвокатам, оказывающим юридическую помощь бесплатно на постоянной основе или согласно графику, получать вознаграждение от государства (так как заказчиком в данном случае выступает именно оно) сравнимое с окладами судей - госслужащих, работающих также, как и адвокаты, в сфере правосудия.

Вместо этого государство предлагает дилемму: не хотите работать за копейки - мы пригласим студентов. При этом права граждан на квалифицированную помощь просто попираются - "но мы же дали вам бесплатных студентов-третьекурсников, чего же еще желать?". Чья эта проблема? Конечно, адвокатуры как общественной организации, защищающей законные права граждан, в том числе и на бесплатную юридическую помощь. Вопрос, относящийся к политике - вопрос, относящийся к революции.

Теперь вернемся к гражданскому процессу. Все, что связано с простыми гражданами, не имеющими профильного образования, но нуждающимися в помощи, всегда разжигает амбиции аферистов. Адвокатура должно стать заслоном перед ними. Не так давно законодатель решил выделить кучу составов из ст. 159 УК РФ. На мой взгляд, одного среди них не хватает: мошенничество в сфере оказания юридической помощи - так как та-

кие преступления встречаются достаточно часто и требуют особого подхода, ввиду того, что высока вероятность того, что субъект имеет высшее юридическое образование или хотя бы юридически подкован, что требует от следователя более высокой квалификации, чем у преступника. Сейчас аферисты отделяются лишь гражданской ответственностью и, поскольку все они входят в качестве сотрудников в юридические фирмы, а юридические лица отвечают по своим обязательствам только в объеме своего имущества, то реально взыскать с них что-либо практически невозможно.

Это должно стать определяющим фактором для введения адвокатской монополии в гражданском процессе. При этом, если гражданин хочет, чтобы ему составил иск не адвокат, либо лично представлять свои интересы - он имеет на это право. Вопрос заключается именно в представлении интересов через представителя на стадии судебного рассмотрения. Кроме лиц, чьи интересы затрагиваются делом, а также законных представителей, неадвокаты в судебном рассмотрении участвовать не должны. Только таким образом можно добиться получения действительной гарантии на квалифицированную юридическую помощь, так как статус адвоката - это на 80 % подтверждение квалификации.

К сторонникам укрупнения адвокатуры за счет присоединения к ней "вольных" юристов, кстати, напрашивается и следующий вопрос: готовы ли они принять на свой счет ту дурную репутацию, которая идет за многими фирмами, оказывающими юридические услуги? Если сегодня мы можем говорить о том, что адвокатура обеспечивает путем дисциплинарного разбирательства очищение в своих рядах от аферистов и можем сравнить ситуацию, складывающуюся в адвокатуре и неадвокатской среде, то в случае присоединения к адвокатуре "вольных" юристов, особенно не добровольно, особенно через упрощенный экзамен, сравнивать будет уже не с чем; и в определенный момент из уст Президента или уполномоченного по правам человека или иных лиц мы услышим слова: "Адвокатская монополия себя не оправдала!" Может, к этому нас пытаются столкнуть те "товарищи", кто ратует за абсолютную монополию адвокатов на рынке юридических услуг, без выделения из него рынка услуг судебных представителей, присоединение всей серой массы юристов к адвокатуре, да еще и на привилегированных началах?

Говоря об административном процессе, нужно обратить внимание на то, что административное право также, как и уголовное, является публичным. Это, прежде всего, говорит о том, что в части исполнения п. ст. 48 Конституции РФ гарантии квалифицированной юридической помощи должны обеспечиваться в административном праве наряду с уголовным.

Между тем, ч. 2 ст. 25.5 КоАП РФ прямо указывает на то, что в качестве защитника или представителя к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается адвокат или иное лицо.

Здесь также прослеживается сдача адвокатурой своих позиций. И если интересы потерпевшего защищает государство, то интересы правонарушителя должны защищаться не менее квалифицированными специалистами. В административном праве есть немало составов, схо-

жих с уголовными, такие как: ст. 7.27 - мелкое хищение, ст. 20.1 - мелкое хулиганство, ст. 12.24 - нарушение ПДД или правил эксплуатации ТС, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, и многие другие. Грань данных деяний между административными и уголовными очень тонка. В качестве наказаний КоАП РФ предусматривает такие достаточно серьезные последствия как административный арест до 15 суток, лишение специального права, дисквалификацию, выдворение за пределы РФ.

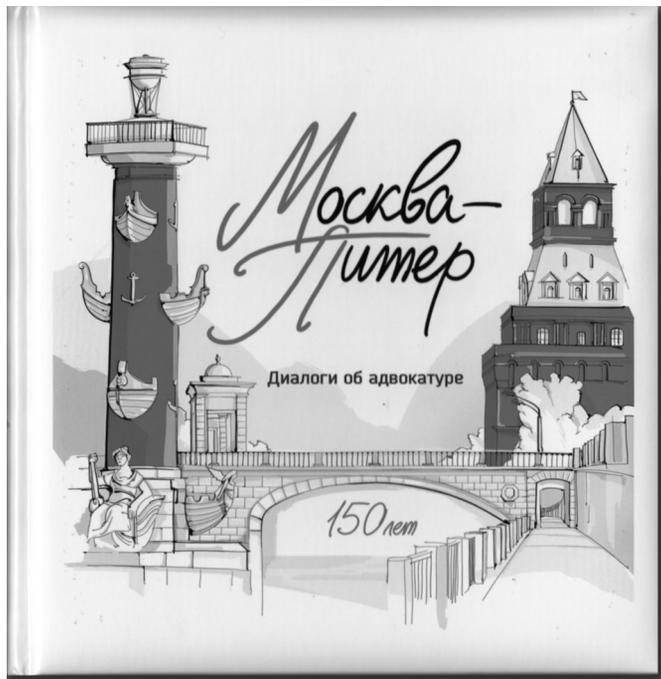
Вместе с этим государство склонно принижать значение административных правонарушений перед уголовными преступлениями.

Несомненно, общественная опасность правонарушений ниже, чем преступлений, но последствия, возникающие для правонарушителя от применения к нему мер административной ответственности и выраженные в изменении объема его конституционных прав с исправительной целью, а также сам факт нарушения норм права (неважно каких - все нормы должны охраняться принудительной силой государства - это его основная функция) вполне сопоставимы.

Поскольку государство проводит административную проверку, то потерпевшего может представлять и лицо, не имеющее статус адвоката, но защита правонарушителя должна осуществляться, как и в уголовном процессе, силами адвокатуры. Иначе критериев квалифицированной юридической помощи просто не существует. При этом наряду с адвокатом и законным представителем могут быть допущены и иные представители лица, но то же самое можно наблюдать и в уголовном праве.

Кроме того, в административном праве, поскольку оно является публичным, адвокат также должен иметь возможность вести адвокатское расследование и приобщать его результаты, которые должны иметь равную юридическую силу с доказательствами, приводимыми государственными органами.

Таким образом, адвокатуре необходимы не реформы, а коренные изменения, а монополизация должна быть выверенным шагом, с использованием опыта иностранных правовых систем, в частности, Германии. Она должна быть двусторонней: закрыть для юристов рынок судебного представительства и закрыть для адвокатов иные юридические рынки, кроме судебного представительства. Адвокат должен стать частью системы правосудия (не путать с судебной системой, так как правосудие выше государства и тяготеет к истине и справедливости), получить расширенные права в области сбора доказательств через адвокатские запросы, получить возможность проведения адвокатского расследования. Государство должно научиться уважать адвокатуру, финансируя труд адвокатов, оказывающих помощь неплатежеспособным нуждающимся гражданам, по рыночным расценкам. Любые реформы в ином ключе, в том числе направленные на "подтягивание" "вольных" юристов до адвокатов, имеют вектор не вперед, а назад, к разрушению адвокатуры, стиранию значимости статуса адвоката, утрате его уникальности и элитарности.



**Москва - Питер. Диалоги об адвокатуре:  
Сборник статей  
отв. ред. М.В.Петелина.**

Сборник подготовлен к 150-летию российской адвокатуры. Включенные в него статьи представляют собой записи бесед, состоявшихся в канун этого юбилея между яркими, интересными, талантливыми представителями адвокатского сообщества. Их диалоги посвящены наиболее важным проблемам адвокатуры и некоторым страницам ее истории. Сборник подготовлен журналистами, связавшими свою профессиональную жизнь с адвокатурой, и проиллюстрирован рисунками талантливого петербургского художника Алексея Курбатова, а также фотографиями московских и петербургских фотохудожников и корреспондента "Новой адвокатской газеты" Екатерины Горбуновой. Издание предназначено для всех, кто интересуется историей и сегодняшним днем адвокатуры в России.

Е.В. Ушакова - адвокат коллегии адвокатов "Филиппов и партнеры" АПМО, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения деятельности РСЧС ФГБОУ ВПО "Академия гражданской защиты МЧС России"

## Исторический очерк развития российского уголовного законодательства о похищении человека

*Римское право причисляло похищение человека (plagium) к тяжким преступлениям, понимая под ним обращение человека свободного в состояние несвободы.*

Наиболее действенным методом познания в юридической науке, как известно, является исторический метод, основанный на сравнении ретроспективных особенностей законодательства прошлых лет с современной системой нормативного регулирования определенных элементов социальных отношений. Такой метод, как правило, позволяет устанавливать сходства и различия в регламентации схожих социальных отношений и, тем самым, продвигаться в познании предмета исследования.

Похищение человека как правовое явление известно человечеству с давних времен. Еще в Библии определено понятие данного преступления и мера наказания за него: "Кто украдет человека и продает его, или найдется в руках у него, то должно предать его смерти". (Исх. 21:16) Похищение и насильственное рабство, как правило, наказывались смертной казнью. Библейский закон строго запрещает недобровольную зависимость, за исключением, если она является наказанием.

Кроме отмеченного, анализ Библии свидетельствует о том, что похищение человека признается преступлением против личности и приравнивается по степени общественной опасности к убийству. Такая позиция авторов Библии, видимо, основывается на том, что похищение человека посягает на наивысшую жизненную ценность - свободу<sup>1</sup>.

В общей шкале социальной опасности похищение человека ставится на третье место после убийства и такого деяния, как побои (включая злословие), направленные против родителей. (Исх. 21:16; Втор. 24:7)

По канонам Библии причинять зло ближнему строжайше запрещено. Считалось, что такие действия - это не что иное, как форма разрушения нормального уклада жизни и свободы человека.

Авторами Библии особо выделялись случаи похищения однополовцев с целью продажи последних в рабство (т.е. иностранцу или в чужую страну, так как дома его нельзя продать на законных основаниях). Такие деяния признавались наиболее тяжкими преступлениями и, соответственно, во всех случаях они карались смертью.

Смертная казнь применялась не только к похитителю, но и к его соучастникам, оказавшим содействие как в похищении, так и в продаже похищенного человека. Интерпретация древними летописцами общественной опасности похищения человека становится предельно ясной, если вспомнить что в Библии не предусмотрено наказание в виде тюремного заключения. Виновные либо подвергались смертной казни, либо возмещали причиненный ущерб.

Нельзя не подчеркнуть, что Библия имеет не только важную концептуальную и духовно-нравственную основу, но и притягательную силу. В частности, следует признать, что анализируемый свод законов и жизненных правил предлагает нам идею общественного устройства из свободных людей, чья свобода базируется на ответственности всех и каждого.

По смыслу, изложенному в древнем писании, человек свободен, если его личность и его имущество находятся под его контролем. В какой степени его личность свободна и в какой степени его собственность свободна от помех, в такой степени свободен сам человек.

За похищение человека смертная казнь виновному назначалась, например, в виде: сожжения; избияния камнями; повешения и посредством меча. Таким образом, основным требованием был сам факт реализации смертной казни в отношении виновного, а не форма его исполнения. Вместе с тем, смертная казнь в данном случае была обязательна. Иными словами, никакая свобода действий суда в данном случае не позволялась.

Важно также отметить, что в восьмой заповеди авторы Библии вновь обращаются к проблеме похищения, но только несколько под иным углом. Пишется: "Не кради свободу другого человека, насильственно поработав его личность или его собственность". Похитить человека и поработить его - значит украсть у него его свободу.

Запрещение похищать людей относилось первоначально к похищению свободной личности. (Исх.21:16; Втор.24:7)<sup>2</sup> Здесь же повествуется, что некоторые люди - рабы по своей природе. Рабство может быть только добровольным, а недовольный раб мог уйти, и его нельзя было принудить вернуться, другим людям запрещалось приводить его к хозяину. Таким образом, можно резюмировать, что Библия запрещает похищение с любым социальным статусом, как израильянина, так и раба.

Огромная практика похищения людей известна с античных мифов Древней Греции. Так, Посейдон похитил у Атласа прекрасную дочь Нерею, Зевс похитил дочь сидонского царя Европу, а братья Диоскуры (сыновья Зевса) Кастор и Полидевк похитили невест своих двоюродных братьев.

В Древнем Риме были известны факты похищения со времен Республики до правления Юстиниана в VI в.н.э. Во времена императора Константина (315 г.н.э.) был издан закон, оговаривавший такого рода преступление в контексте того времени: в письмах к Викарию Африки император обвинял преступников в жестокости и выражал сочувствие преступникам жертвы в их страданиях. Он писал, что рабы, осужденные за похищение людей, были отданы на растерзание диким зверям, а свободные люди, независимо от их положения, должны быть преданы суду и казнены. Похищение с целью выкупа в те времена практически не встречалось, жертвы обычно продавались в рабство.

Согласно древнеримской легенде, для укрепления связей с соседними племенами Ромул, первый правитель Рима, направлял к ним посольства с предложением заключить брачные союзы между женщинами из этих племен и его подданными. Однако соседи, считая римлян неимущими беглецами, отказывались выдавать своих девушек за "подозрительный сброд". И тогда Ромул прибегнул к хитрости. Он устроил праздничные игры в честь бога хлебных запасов конса (консуалии) и пригласил на них всю округу. На праздник явилось много гостей, в том числе соседних сабинян с женами и дочерьми. По условному знаку римские юноши бросились к сабинянкам и похитили их, после чего в срочном порядке сыграли свадьбы (сам Ромул женился на сабинянке Герсильи) и позаботились о том, чтобы Рим не остался без потомства.

Римское право причисляло похищение человека (*plagium*) к тяжким преступлениям, понимая под ним обращение человека свободного в состояние несвободы.<sup>3</sup>

Что касательно Руси, то похищение людей всегда относилось к суровому преступлению, еще со времен договора с греками (911 г.) Об этом свидетельствуют древнейшие памятники русского феодального права (Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты).

Названные выше источники права также закрепляли существовавшие феодальные отношения и были направлены на защиту господствующего класса. В данных источниках определенные социальные группы населения (холопы, смерды и челядь) рассматривались как собственность хозяев.<sup>4</sup> В связи с этим похищение таких людей квалифицировалось как посягательство на имущественные интересы представителей высшего сословия. Так, размер штрафа - 12 гривен - за увод, похищение холопа в два с половиной раза превышал сумму штрафа за его убийство (ст.15, 17). Подобное различие в размерах штрафа, видимо, объясняется тем, что живой холоп или смерд был более полезен, чем мертвый. Можно также предположить, что "уводились", как правило, те, которые владели ремеслом, в связи с чем стоимость их была гораздо выше.

Более того, анализ ст.31 Русской Правды (краткая редакция) и ст.38 Русской Правды (пространная редакция) свидетельствуют о том, что разница между украденным скотом и челядином состояла лишь в том, что последний владел языком, и это позволило установить, кто был его предыдущим владельцем. Однако показания челядина не имели самостоятельной ценности. В случае обнаружения похитителя последний возмещал убытки, понесенные потерпевшим в результате отсутствия у него челядина, и платил штраф.

Русская Правда в число преступлений против семейного права и нравственности включала также похищение девиц. В указанном нормативном документе предусматривались также квалифицированные виды похищения людей. Таковыми признавались, например, неоднократные похищения, совершаемые на конях ("коневая татьба").<sup>5</sup> За них устанавливалось самое строгое наказание: виновный предавался смертной казни, а его имущество переходило к князю.

Первые кодексы Русского централизованного государства - Судебники 1497 г. (ст.9) и 1550 г. (ст. 61) - уста-

навливали смертную казнь за "головную татьбу" - кражу холопов. Холоп считался наиболее ценным имуществом.<sup>6</sup> В то же время за похищение татар, калмыков и других "инородцев" взыскивался только штраф. Видимо, таким образом в нормах права отразился присущий господствующему классу национализм. Только впоследствии был принят указ, в котором не проводилось различие между кражей людей различных национальностей.

Соборным уложением царя Алексея Михайловича (1649 г.) начинался новый период истории уголовного законодательства. В данный нормативный документ императрица Елизавета специальным указом в 1750 году внесла статью о краже младенца, предусматривавшую лишение всех прав состояния и наказание виновного кнутом.<sup>7</sup> В свою очередь, указом императора Павла I от 31 июля 1799 г. к существовавшим на тот период наказаниям за похищение человека было добавлено еще одно, в виде ссылки на каторжные работы.

Все три перечисленных вида наказания в Своде законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича, составленном в 1842 г., были предусмотрены за похищение свободных людей и кражу младенцев (гл. 6, s 1, ст. 429). О тяжести наказания свидетельствует, например, то, что для дворян предусматривалось лишение потомственного или личного дворянства и сопряженных с ним прав, для духовенства - низложение духовного сана. Кроме того, наказания сопровождалось лишением чинов, чести, доброго имени и знаков отличия.

Уложение 1854 г. предусматривало смертную казнь за похищение женщин и младенцев, относя это преступление к нарушению прав личности. В главе XXII говорилось, за какие преступления (вины) и кому "чинить смертную казнь, а за какие смертью не казнить, а чинить наказание". Покушение на целомудрие женщины и ее похищение каралось смертной казнью, а слуги, которые вместо того, чтобы защищать свою госпожу, оказывали преступникам помощь, тоже подвергались смертной казни.

"Уложение о наказаниях уголовных и исправительных" подразумевало под похищением физический захват личности и, в зависимости от целей, квалифицировало его, в том числе, и как работорговлю, сокрытие или изменение происхождения младенца. Похищение взрослых в свою очередь рассматривалось в различных аспектах:<sup>8</sup>

- как преступление против семейного союза: а) похищение незамужней (вдовы) с ее согласия с целью вступления с нею в брак, вопреки воле родителей (наказание для похитителя - тюремное заключение на два-четыре месяца, для похищенной - монастырь на тот же срок или уединенная жизнь в доме родителей); б) похищение незамужней женщины с ее согласия с целью прелюбодеяния;
- как преступление против свободы;

- как приготовление к другому преступлению: а) похищение незамужней для вступления с нею в брак против ее воли; б) похищение с целью обольщения; в) похищение с целью изнасилования.

Изменения в социально-экономическом строе общества настоятельно требовали обновления и упорядочения уголовного законодательства, что это понимали не толь-

ко представители буржуазии, но и дворянство. "Недостатки узаконений уголовных были известны и часто в судебной практике" - такой вывод сделан в "Кратком обозрении хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях"<sup>9</sup>. Необходимость новой систематизации уголовного законодательства была связана с реформами государственного аппарата, развитием системы полиции и политического сыска, с более точным обозначением правового статуса различных социальных групп в Своде законов и более четким определением компетенции судебных и судебно-административных органов.

Усиление уголовной политики во второй половине XIX в. и распространение похищения людей, особенно детей, по корыстным мотивам привели к принятию Россией закона - Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Анализ норм Уложения 1845 г. позволяет выделить следующие виды похищения человека.

Во-первых, рассматриваемые в разделе "О преступлениях и проступках против законов и состояниях" собственно похищения человека. Законы предусматривали как простые, так и квалифицированные виды похищения. Квалифицированным считалось "похищение и подмена младенца с намерением скрыть его настоящее происхождение или состояние" (ст.1407). Санкции за это преступление предусматривали наказание в виде лишения всех прав состояния и каторжные работы сроком от четырех до шести лет. Во-вторых, похищения людей, включенные в раздел "О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц" (гл.УІ "Об оскорблении чести"). Данные преступления характеризовались такой целью, как похищение женщины с намерением изнасиловать ее (ст.1529).

Предусматривался и ряд квалифицированных признаков: похищение замужней женщины, совершенное "насилованно для лишения чести" (ст.1580); "для вступления с похитителем или другим лицом в противозаконный брак" (ст.1581), а также похищение замужней женщины с ее согласия (ст.1582).

После отмены крепостного права в 1861 г. и с развитием общественных отношений похищения людей, особенно детей, по корыстным мотивам, получили, наряду с другими преступлениями, широкое распространение. В результате усиления уголовной политики во второй половине XIX века в "Уложение о наказаниях уголовных и исправительных" 1885 г. был включен ряд специальных статей, в которых были выделены простые и квалифицированные виды похищения людей.

Квалифицирующими считались следующие признаки похищения:

- "похищение и подмена младенца с намерением скрыть его настоящее происхождение или состояние" (ст. 1407). Наказание за совершенное преступление предусматривалось в виде лишения всех прав состояния и ссылка на каторжные работы от 4 до 6 лет;

- "похищение женщины или девицы с намерением изнасиловать ее" (ст.1529);

- похищение замужней женщины, совершенное "насилованно для лишения чести" (ст. 1580);

- похищение замужней женщины "для вступления с

похитителем или другим лицом в противозаконный брак" (ст.1581);

- "похищение с согласия замужней женщины" (ст. 1582).

Новая редакция Уложения была осуществлена в 1866 г. в связи с проведением в стране крестьянской реформы, реформы полиции, судебной реформы и некоторыми изменениями карательной политики.

В 1885 г. появилась очередная редакция Уложения, в котором предусматривались уголовные наказания за похищение человека. Согласно Уложению похищение и продажа в рабство лиц, состоящих в подданстве России или находящихся под ее покровительством (ст. 1410), а также участие в торговле африканскими неграми квалифицировались как преступление.

В 1903 году было принято новое Уложение, где получили развитие нормы, предусматривающие наказание за похищение людей. Большею частью это касалось объективной и субъективной сторон рассматриваемого деяния. Например, закон выделял разновидности посягательства на свободу ребенка: похищение, сокрытие, подмена, невозвращение, несмотря на законное требование родителей. В ст. 503 Уголовного уложения указывались мотивы и цели похищения: "нищенство или иное безнравственное занятие", "с корыстной целью", "с намерением лишить ребенка прав его состояния".

Таким образом, сравнительный анализ источников уголовного права, действовавшего в России в досоветский период, и аналогичных источников мусульманского и адатного права свидетельствует об определенном сходстве регулирования вопросов, связанных с похищением людей. Прежде всего, эта близость подходов обнаруживается в определении непосредственного объекта, т.е. субъективного состава похищаемых людей, а также мера воздействия, применяемых к виновным лицам.

Похищения людей квалифицировались как преступления и после революции 1917 г. По крайней мере, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал уголовную ответственность за похищение, сокрытие или подмену чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных соображений. По данным статистики 1920-1950-х гг., на данном этапе развития российского общества случаи похищения людей, в том числе детей, были крайне редки. Так, по данным ЦСУ РСФСР, в 1928 г. было зарегистрировано всего 19 случаев похищения, сокрытия и подмены ребенка, подпадающих под действие ст.149 Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.).<sup>10</sup> Мотивами преступлений чаще всего были получение незначительного выкупа, завладение носильными вещами и др.

Кроме того, похищение людей, как правило, является одним из элементов организованной преступности. В условиях тоталитарного государства существование организованной преступности было крайне затруднено. Человек был беззащитен перед репрессивной машиной диктатуры пролетариата, преступления совершались высшим руководством государства при помощи правоохранительных органов. Миллионы людей бесследно исчезали в лагерях ГУЛАГа и тюрьмах НКВД. Похищение людей было уделом государства, а зачастую единственной платой за это была жизнь похищенного.

Так, УК РСФСР 1922 г. предусматривал уголовную ответственность за похищение, сокрытие или подмену чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных мотивов. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был дополнен главой девятой "О бытовых преступлениях", предусматривающей уголовную ответственность за преступления, составляющие пережитки патриархально-феодалного быта. В девяти автономных республиках и областях эта глава УК РСФСР была введена в действие 16 октября 1924 г.

После этого только в 1926 г. Россией была подписана Конвенция относительно рабства и Протокол к ней от 7 декабря 1953 г., Конвенция относительно принудительного или обязательного труда от 28 июня 1930 г.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал ст.125 "Похищение или подмена ребенка". Объективную сторону данного преступления составляли действия, направленные на тайное или открытое похищение чужого ребенка. Кроме указанных двух способов (тайный или открытый) преступление могло быть совершено путем обмана или злоупотребления доверием. В качестве самостоятельного вида похищения ребенка закон выделял и подмену его, т.е. умышленную замену одного ребенка другим. Потерпевшим от такого преступления могло быть только лицо, не достигшее 14-летнего возраста.

И только в связи со значительным распространением в обществе таких особо опасных деяний, как похищение людей с целью выкупа или залога, законодатель был вынужден в 1993 г. внести в действующий уголовный закон норму, устанавливающую уголовную ответственность за похищение человека (ст.125 1 УК РСФСР).

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в главе XI "Преступления, составляющие пережитки местных обычаев", также предусматривал ответственность за похищение женщины с целью вступить в брак.

В ч.4 ст.233 УК РСФСР предусматривалась ответственность за похищение женщин для вступления в брак как посягательства на права и свободы человека на основе пережитков местных обычаев. Хотя данные преступления носят печать патриархально-родовых отношений, укоренившихся в условиях дореволюционного республик Кавказа, их нельзя в полной мере отнести к общественно опасным деяниям, основывающимся на этнокультурных обычаях прошлого.

Здесь можно отметить, что имеет место единый подход в правовом регулировании идентичных общественных отношений как нормами уголовного закона, так и нормами адата и шариата. При этом адат запрещал и увоз с согласия женщины, тогда как ст.233 УК РСФСР 1960 г., как и нынешнее законодательство, не признает преступлением так называемое "символическое похищение", осуществляемое в случае согласия девушки, действующей вопреки воле родителей, которые противились выдать ее замуж за "похитителя". В связи с этим, в соответствии с пунктом 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1969 г. № 47 (в редакции постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11) "О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев" уголовная ответственность за похищение женщины для вступления с

ней в брак наступает тогда, когда похищение совершено вопреки воле и желанию женщины.

Данное преступление считается оконченным с момента совершения акта похищения независимо от того, удалось похитителю или лицу, для которого женщина, вопреки ее воле, была похищена, вступить с ней в брак или нет. Согласно ст. 233 УК РСФСР, последующее согласие похищенной на вступление в брак с похитителем либо лицом, для которого она была похищена, не освобождает от ответственности этих лиц.<sup>11</sup>

В данном случае было бы уместно вспомнить замечание Б. Сарыева,<sup>12</sup> который порой считает, что женщина соглашается на похищение, руководствуясь личными мотивами (желание скрыть за формой похищения выход замуж по своей воле, но против воли и желания родителей и т.п.). В подобных случаях имеет место мнимое похищение, не являющееся похищением.

Таким образом, кроме вышеназванных составов, самостоятельная норма о похищении человека в УК РСФСР 1960 г. отсутствовала: в нем предусматривалась ответственность лишь за незаконное лишение свободы (ст.126).

Законом от 18 февраля 1993 г. в УК РСФСР была включена ст. 1251 "Похищение человека".

Как показывает практика, до введения уголовной ответственности за похищение человека случаи похищения людей квалифицировались в зависимости от условий и характера совершаемого преступления. Так, при похищении ребенка - ст. 125; при похищении иностранца - 1261 (захват заложников); при немотивированном похищении - 126 УК РСФСР (незаконное лишение свободы).

Таким образом, получалось, что похищениям людей как отдельно взятому составу преступления внимания вообще не уделялось.

Начиная с 80-х годов шло активное становление организованных преступных формирований, распространение их влияния на различные сферы бизнеса, поиск новых, более эффективных способов преступного промысла. В связи с этим и отсутствием необходимой правовой базы для борьбы с похищением людей в рассматриваемый период работники МВД и прокуратуры испытывали определенные затруднения, которые и побудили заняться исследованием проблемы похищения людей организованными преступными группами.

Данный вид преступления получил развитие после произошедшего в 1992 г. осетино-ингушского конфликта. Впоследствии на территориях этих республик были зарегистрированы случаи исчезновения людей, оказавшихся в заточении у той или иной стороны. Значительное распространение деяний, связанных с похищением людей, вызвало необходимость принятия самостоятельной уголовно-правовой нормы. Такой нормой в УК РСФСР стала ст. 1251 (29 апреля 1993 г.), а в УК РФ - ст. 126 (13 июня 1996 г.).

Немаловажное значение в правотворческом процессе обуславливается также и тем, что проведение экспериментов по внедрению тех или иных законодательных новелл далеко не всегда возможно. Из анализа исторических событий, произошедших в нашей стране, можно сделать вывод о том, к каким непредсказуемым последствиям могут привести революционные нововведения в

нормотворческой сфере. Более того, непродуманность в вопросах широкого использования репрессивных уголовно-правовых средств, в том числе направленных на борьбу с похищениями человека, может привести к дестабилизации целых регионов. При разработке указанных норм необходимо, во-первых, соблюсти условие взвешенности предлагаемых законодателем норм, во-вторых, необходимо использовать исторический опыт законодательства.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что история становления России, ее законодательства и системы уголовно-правовой защиты несоизмерима богата и многопланова. Весь накопленный исторический опыт развития уголовного законодательства вполне заслуживает того, чтобы не только быть воспринятым современным законодателем, но и стать ценнейшим источником преемственности традиций для отечественного правоприменителя.

*e-mail: ushakova19@mail.ru*

**СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:**

1. Nashville: Abington, 1968.
2. Knappen, Tudor Puritanism, p.447.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. СПб., 1901. С.94.
4. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство XX - X веков. Т.6. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1998. С. 78.
5. Владимиров-Богданов М.В. Хрестоматия по истории русского права. СПб, 1989. С. 47.
6. Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982. С. 136.
7. Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV-XVI в.в.) М., 1971. С.222-225.
8. Свод законов Российской империи... Свод Законов уголовных. СПб., кн.1 С.129-130.
9. Таганцев Н.С. Курс Российского уголовного права. Часть Особенная: Лекции. М., 1994. С. 191.
10. Русская Правда. Российское законодательство X - XX веков. Т. 6. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1998. С.162.
11. Преступность и репрессии в РСФСР. М., 1930. С.26.
12. Сборник Постановлений Пленумов Верховного суда РФ 1961-1993. М., Юрид.лит.1994. С.181-182.
13. Сарыев Б.А. Ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев. М., 1970. С.41.

**Ссылки**

- <sup>1</sup> Nashville: Abington, 1968.
- <sup>2</sup> Knappen, Tudor Puritanism, p.447.
- <sup>3</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. СПб., 1901. С.94.
- <sup>4</sup> См. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство XX - X веков. Т.6. / Под ред. О.И. Чистякова М., 1998. С. 78.
- <sup>5</sup> См.: Владимиров-Богданов М.В. Хрестоматия по ис-

- тории русского права. СПб, 1989. С. 47.
- <sup>6</sup> См.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV- XVI столетий. М., 1982. С. 136. Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV-XVI в.в.) М., 1971. С.222-225.
- <sup>7</sup> См.: Свод законов Российской империи... Свод Законов уголовных. СПб., кн.1 С.129-130.
- <sup>8</sup> См.: Таганцев Н.С. Курс Российского уголовного права. Часть Особенная: Лекции М., 1994. С. 191.
- <sup>9</sup> Русская Правда. Российское законодательство X - XX веков. Т. 6. / Под ред. О.И. Чистякова М., 1998. С.162.
- <sup>10</sup> См.: Преступность и репрессии в РСФСР. М., 1930. С.26.
- <sup>11</sup> См.: Сборник Постановлений Пленумов Верховного суда РФ 1961-1993. М., Юрид.лит.1994. С.181-182.
- <sup>12</sup> Сарыев Б.А. Ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев. М., 1970. С.41.

К. Н. Соловов - руководитель отдела гражданско-правового регулирования группы компаний "Волга-Днепр", LL.M.

## Средства правовой защиты в рамках одобрения европейскими антимонопольными регуляторами сделок по слияниям и поглощениям

Средства правовой защиты являются основополагающими механизмами при осуществлении антимонопольными регуляторами контрольных функций при одобрении сделок по слияниям и поглощениям и носят "двойную" пользу - с одной стороны, они дают зеленый свет участникам рынка на реализацию сделки, с другой - являются ключевыми механизмами для сохранения конкурентной среды.

Одна из основных функций средств правовой защиты - предотвратить, а не ликвидировать, нарушение конкуренции как результат планируемых сделок. Грамотные средства правовой защиты - это своевременное реагирование и залог успешного функционирования рынка с точки зрения конкурентоспособности его участников и защиты интересов потребителей. Предотвращение позволяет избежать риски, связанные с вмешательством регулятора на последующих этапах функционирования компаний - в период пост совершения сделки, в том числе финансовые затраты, а также чрезмерное либо недостаточное вмешательство регулятора при разрешении спорных вопросов.

В международной антимонопольной практике принято выделять два основных типа средств правовой защиты - структурные и поведенческие. При определении конкретных форм средств правовой защиты следует учитывать особенности рынка.

Структурные средства правовой защиты являются наиболее предпочтительными со стороны европейских регуляторов и направлены на структурные изменения бизнеса, например, отсоединение отдельных операционных направлений. Преимуществом структурных средств правовой защиты является то, что они не требуют длительного контроля за их применением. Основная задача при разработке данных мер - сохранение статуса - кво структуры рынка, а именно, как это было до момента совершения сделки по слиянию и соглашению. Тем не менее, вопрос улучшений рынка остается открытым. По мнению автора, регуляторы должны рассматривать свои функции не только как функции стража существующего рынка, но и как сподвижника к изменениям и улучшениям его условий. Если от сделки определенные участники рынка получают выгоду, то и сам рынок, на паритетных началах, может улучшить условия своего функционирования, а не просто сохранить "баланс" конкурентной среды.

В рамках структурных средств правовой защиты, отчуждение отдельного бизнеса является весьма распространенным механизмом при одобрении сделок по слияниям и поглощениям. Предполагается, что отчуждаемый бизнес должен быть жизнеспособным, передан независимо-

му покупателю и иметь возможность быть конкурентоспособным на рынке. Применение данного механизма должно проходить под надзором администратора, курирующего процесс. Бизнес может отчуждаться как в пользу существующего конкурента на рынке, так и его нового участника, а также в пользу независимого органа, способного на недискриминационной основе предоставлять доступ к данному бизнесу.

В соответствии с Рекомендациями Европейской комиссии<sup>1</sup>, обязательства по отчуждению бизнеса являются наилучшим способом ликвидации антимонопольных рисков. В свою очередь, поведенческие средства защиты могут применяться только в исключительных случаях, с учетом возможности их практического применения и последующего мониторинга, а также отсутствия риска негативного эффекта на конкуренцию<sup>2</sup>.

Что касается регулирования данного вопроса на национальных уровнях, то ситуация выглядит аналогично. Так, например, во Франции, Антимонопольный орган (Autorite del a concurrence) также отдает предпочтение структурным средствам защиты, делая исключения только в единичных случаях, хотя, с другой стороны, Антимонопольный орган Великобритании (в настоящий момент Competition and Markets Authority) подходит к вопросу выбора средств правовой защиты при одобрении сделок по слиянию и поглощению не столь однозначно. Несмотря на предпочтения в сторону структурных средств защиты, поведенческие средства защиты применяются в случае, если структурные изменения непропорциональны, негативные последствия от сделки краткосрочны, а также, если имеют место существенные преимущества для потребителей, в сравнении с негативными последствиями от сделки<sup>3</sup>.

Что касается поведенческих средств правовой защиты, то они могут быть представлены в форме ограничений по повышению цен, уменьшения объема продукции, наложенных обязательств по заключению определенных соглашений и др. Так, например, возможно прямое вмешательство в ценовую политику либо результаты деятельности компаний. Примером является одобрение со стороны антимонопольного органа Великобритании сделки Drager Medical / Air-Shields при условиях сохранения существующего объема, цен, а также скидок на отдельную категорию продукции.

Также, возможно наложение обязательств по недопущению дискриминации при ведении бизнеса. Так, Антимонопольный орган Италии (Autorita Garantedella Concorrenza e del Mercato) одобрил сделку в сфере информационных технологий Reti Televisive Italiane / Ramo Di Aziendadi Europa TV по приобретению дополнитель-

ных пропускных мощностей, под условием предоставления доступа к сети участников сделки для любых операторов и поставщиков<sup>4</sup>.

Поведенческие меры, направленные на установление ограничений по объемам зависят от целей вмешательства со стороны антимонопольного органа. Так, например, увеличение объемов может быть условием при наличии рисков снижения объемов в результате сделки. Аналогично и применение механизмов по установлению ограничений объемов либо цен. Вопрос эффективности данных мер весьма неоднозначный, т.к. установление ограничений может вызвать как трудности развития бизнеса, так и спровоцировать применение "обходных" путей со стороны участников сделки.

Другими формами поведенческих средств являются расторжение действующих эксклюзивных соглашений либо наложение запрета на включение оговорок об эксклюзивности во вновь заключаемые, как это было сделано при рассмотрении сделки Fenaco/Steffen-Ris Анти-монопольным органом Швеции<sup>5</sup>.

Несмотря на общую тенденцию предпочтения структурных средств защиты, в отдельных случаях только применение поведенческих мер способно разрешить опасения антимонопольного характера. Так, при рассмотрении Анти-монопольным органом Франции сделки CCIP/Unibail применение структурных мер не разрешало основных опасений, и именно внедрение поведенческих мер позволило установить "конкурентный баланс" - дело касалось формирования совместного предприятия между двумя крупными компаниями, осуществляющими контроль за торговыми выставками в Париже. Структурные изменения не позволили бы разрешению вопросов, связанных с недостаточностью выставочных площадей. Обязательства, одобренные антимонопольным органом Франции, включали в себя увеличение строений в Париже под выставочные залы, сохранение арендных платежей с учетом индекса стоимости строительных работ, а также ограничение в проведении собственных выставок на уровне 50% от общего объема площадей. Более того, срок действия данного рода мероприятий был установлен в 25 лет<sup>6</sup>.

Следует отметить, что применение различных типов средств защиты не является взаимоисключающим и структурные и поведенческие средства могут дополнять друг друга, с целью сохранения "конкурентного баланса" на рынке. Так, в сделке LVMH/LesÏchos<sup>7</sup> по слиянию двух издательств, с целью снижения горизонтальных пересечений на рынке деловых ежедневных изданий, со стороны Анти-монопольного органа Франции были сформулированы условия по отделению одного из существующих изданий, а также наложению запрета на объединение рекламных мест изданий новой компании.

Что касается последствий несоблюдения средств защиты, то они могут носить весьма серьезный характер для нарушителя. Показательным решением является отзыв в 2011 году со стороны Анти-монопольного органа

Франции своего раннего решения по одобрению сделки TPS Canal Sat / Canal+ и Vivendi Universal<sup>8</sup> под условия применения поведенческих средств защиты. Более того, помимо отзыва решения, CanalPlusGroup были оштрафованы на сумму в размере 30 миллионов Евро и обязаны заново уведомить факт совершения сделки.

В заключение необходимо еще раз отметить, что средства правовой защиты являются практическими рычагами защиты конкуренции на рынке. Применение конкретных средств антимонопольными органами должно происходить дифференцированно, в зависимости от конкретных обстоятельств сделки, положения сторон, а также общей ситуации на рынке, при этом не забывая и о наиболее чувствительной группе - потребителях продукции. Тем не менее, следует помнить, что средства правовой защиты носят обеспечительный, а не карательный характер и должны учитывать интересы всех участников рынка, в том числе и сторон сделки.

### Ссылки

<sup>1</sup> Commission Notice on remedies acceptable under Council Regulation (EC) n 139/2004 and under Commission Regulation (EC) n 802/2004 ( OJ C 267, 22.10.2008)

<sup>2</sup> Commission Notice on remedies acceptable under Council Regulation (EC) n 139/2004 and under Commission Regulation (EC) n 802/2004 ( OJ C 267, 22.10.2008)

<sup>3</sup> Решение со стороны Анти-монопольного органа Великобритании (ранее Office of Fair Trading) по сделке MidKentWater / SouthEastWater (2007)

<sup>4</sup> Merger remedies and competition law: An overview of EU and national case law. February 29, 2012. e-Competitions, No. 43382

<sup>5</sup> Merger remedies and competition law: An overview of EU and national case law. February 29, 2012. e-Competitions, No. 43382

<sup>6</sup> Charlotte Beauchataud, The French Minister of Economy authorizes the creation of a quasi-monopoly on the markets of exhibition site management and organisation of trade exhibitions following 25 years duration remedies concerning, inter alia, increase of services (Unibail Holding/CCIP), 13 November 2007, e-Competitions, n 15519

<sup>7</sup> Lettre du 19 juillet 2012 du President de l'Autorite de la concurrence a LVMH

<sup>8</sup> [http://www.autoritedelaconurrence.fr/user/standard.php?id\\_rub=389&id\\_article=1697](http://www.autoritedelaconurrence.fr/user/standard.php?id_rub=389&id_article=1697)

Н.А. Сафронов - адвокат АПМО

## Над Подольском безоблачное небо (дело Ивакова и других) (из рассказов об уголовных делах 1980-х гг.)

*Так называлось уголовное дело, по которому в 1980-го по август 1982-го года в Московском областном суде шел процесс по обвинению 14 человек. Основным фигурантом по этому делу проходил Станислав Борисович Иваков (фамилия изменена). Это был самый длинный процесс, в котором я участвовал. Дело состояло более чем из 150-ти томов. А проходило по этому делу около полутора тысяч свидетелей.*

*Мне было поручено осуществлять защиту одного молодого парня, фамилия которого была Евгений Лукошников. О нем следует рассказать отдельно. Поскольку процесс был очень длительным, то и рассказ о нем не может быть очень коротким.*

### Часть первая

Евгений Лукошников не пил, не курил, профессионально занимался спортом. Окончил автомобильный техникум, жил в городе Подольске. Он занимался боксом. И к тому времени, о котором я рассказываю, это уже был человек, отслуживший армию. В армии он служил в Москве, в одном из подразделений ЦСКА, и был к тому времени мастером спорта СССР по боксу, завоевал звание чемпиона Вооруженных Сил СССР по боксу в среднем весе.

Поскольку он служил в спортивной роте ЦСКА, соответственно режим его службы был такой, что позволял приезжать только на сборы, на тренировки в Москву. Практически каждый день он возвращался к себе домой, в Подольск. За время службы он женился, у него даже ребенок родился. То есть у него было такое привилегированное положение, которое позволяло ему в армии присутствовать только фактически и номинально.

На самом деле, конечно, достаточно легкая служба в армии, при том что он постоянно находился дома, у многих его сверстников вызывала зависть. Когда служба в армии в 1972 году закончилась, Евгений Лукошников решил завершить свои взаимоотношения со спортом и найти работу себе по специальности в сфере автомобильной промышленности. Естественно, в Подольске такой работы не было, а чтобы устроиться на работу в какой-либо станции технического обслуживания стоило очень больших денег.

В то время сами автомобили были в дефиците, а работники, которые работали на станциях техобслуживания, были прямо как небожители. Они получали чаевые и справа, и слева. И очередь на ремонт стояла огромная, и запчастей не хватало. В общем, это было золотое дно, и устроиться туда было невозможно. Поэтому Лукошников устроился работать таксистом в Москве.

Машины он любил, работа ему нравилась, а заработка, чаевых хватало на жизнь в относительном достатке. И в семье был полный порядок.

Но Лукошников по своему складу характера был человек, из которых обычно получаются Герои Советского Союза. Это был человек резкий, импульсивный, взрыв-

ной, рисковый и авантюрный, то есть увлеченный приключениями.

Именно такие люди сначала что-то делают, руководствуясь интуицией, а уже потом анализируют и просчитывают варианты альтернативного поведения с учетом его пользы для себя.

Наверное, так и Александр Матросов сначала кинулся на дзот грудью, а потом подумал, что смысла никакого в его поступке нет. Его просто должно было отбросить этим крупнокалиберным пулеметом, от него самого только куски полетят.

Евгений Лукошников, естественно, осознавал свою силу, понимал, что его преимущества заключаются в неожиданности и дерзости. Он понимал, что люди, которые являются его противниками, не устоят против него в кулачном бою. Поэтому, естественно, и вел себя соответственным образом, никого и ничего не боялся.

Вот характерный пример его необдуманного поведения. Однажды зимой вечером он по улице вез своего сынишку на саночках за веревочку. На улице стояла какая-то толпа человек семь-восемь, все были выпившие, демонстративно выказывающие пренебрежение ко всему их окружающему. Это происходило в городе Подольске. Когда Евгений попытался мимо них проехать, то один из них как-то неудачно шагнул назад и саночки задел. Саночки опрокинулись. Евгений снова ребенка посадил на саночки и подошел к этой шумной компании, чтобы разобраться и выяснить, кто это сделал. На его претензии компания выказала агрессию - на него сразу начали цыкать: да ты чего, да ты знаешь, с кем ты связался. А это действительно стояли какие-то местные подольские авторитетные деятели преступного мира, отсидевшие все неоднократно, привыкшие вести себя так, как вели себя на зоне, так же дерзко. Каждый из них вполне мог чем попало в лицо ударить, а то и ножом ткнуть.

А вот Лукошникову даже в голову не пришло то, что его могут прямо здесь зарезать или просто сделать инвалидом. Он их всех сразу дисциплинировал.

Когда ему представили одного, самого авторитетного: - Ты на кого тянешь? Ты знаешь, кто это такой? Это сам Червонец.

Кто такой был этот Червонец, Лукошников не знал. Видимо, потому, что с преступниками и с хулиганами он не общался и занимался своим делом. Он просто не придавал никакого значения, что этот Червонец может представлять какую-либо опасность для него и его сына.

А Червонец этот привык, что к нему относятся как к авторитету при упоминании только его кликухи, все должны были вздрагивать и все его должны бояться.

А Евгений Лукошников его и всю компанию сразу взял и дисциплинировал. Он переспросил так: "Кто - Червонец? Ты - Червонец?", а потом и итог подвел: "Да будь ты хоть Четвертак".

Размахнулся и ударил этого Червонца. Так, что тот с первого удара ушел в глубокий нокаут. Остальных, кото-

рые чуть было попытались дернуться, он несколькими движениями положил на землю. Пинать, правда, их не стал. Несколько человек убежали. А одному, который это сделать не успел, потому что Евгений его схватил за шиворот, он сказал:

- Если я еще раз услышу здесь плохое про себя или кто-то будет вести себя недостойно, поубиваю всех на х...!!!

И пошел. Взял саночки за веревку и поехал дальше. Вот такая с ним история произошла. А ведь его очень легко могли просто зарезать. Или сына ударить. Он просто об этом даже не подумал. Но с ним ничего не произошло ни тогда, ни позже. Видимо люди поняли, что на их наглость есть еще более дерзкая и наглая личность. А поскольку он ударил кулаком так, как, видимо, лошадь копытом бьет, или можно сравнить с ударом кувалдой по лицу, так многие быстро и сразу поняли, что лучше с этим парнем не связываться. Люди стали стараться его обойти стороной. Вот такая поучительная для очень многих в славном городе Подольске история произошла с Евгением Лукошниковым.

Однажды Лукошников ехал на своей машине такси по Москве. И обратил внимание, что стоит какая-то группа подвыпивших мужчин, обнимаются, целуются. Но как-то они не так целуются, и не так они обнимаются, не товарищески. Это сразу ему бросилось в глаза. Но тогда он этого не знал и не понимал, что это такое, молодой был. И слово "гомосексуализм" тогда было мало употребляемым как ругательство. Все, что этому слову сопутствовало, было под запретом. К тому же за гомосексуализм существовала статья в Уголовном кодексе и за него сажали в тюрьму. Так она и называлась - мужеложство. Статья 121-я Уголовного кодекса РСФСР.

Двое мужчин из этой компании остановили машину, подняв руку, сели к нему в такси и попросили отвезти его в Покровку. Покровка это как раз между Москвой и Подольском. Сейчас это уже Москва, а тогда это был пригород Москвы.

Вот и поехали пассажиры с водителем Евгением Лукошниковым в этом направлении.

Они подъехали все вместе к частному дому с садиком в деревне Покровка, который принадлежал одному из пассажиров. Сейчас ни дома, ни самой деревни уже нет. Ее снесли уже, и на её месте стоят многоэтажные жилые дома.

Двое мужчин-пассажиров вышли и потом говорят: "Шеф, зайди сюда". Когда Евгений Лукошников зашел к ним в дом, как его попросили, они стали угощать его коньяком, шоколадками, один пытался его обнять, совсем вроде как не по-дружески. Но Лубошников, во-первых, и не пил, а, во-вторых, все это казалось ему как-то диковатым.

Он сказал: "Нет, нет, я, ребята, не пью, я за рулем и давайте я поеду назад". Тогда один из них сказал: "Ладно, тогда я тоже здесь не буду оставаться, я тоже с ним поеду назад. Воспользуюсь случаем".

Впоследствии выяснилось, что этот, которого оставили дома - хозяин дома по фамилии Огарев, работал метрдотелем в ресторане "Берлин". Сейчас это ресторан "Савой". В то время это был один из лучших московских ресторанов. "Берлин" находился в самом центре столицы, в соприкосновении с "Детским миром" на Дзержинской площади. Попасть туда было практически невозможно.

Он фактически был предназначен только для обслуживания иностранцев. Так вот Огарев работал именно в этом ресторане.

А второй мужчина, который хотел вернуться в Москву вместе с Лукошниковым, был по фамилии Прилуцкий. Прилуцкий, как выяснилось впоследствии, являлся заведующим производством кафе "Валдай" и пивного зала "Жигули". Оба эти заведения находились один над другим на Калининском проспекте, в промежутке между проспектом и Арбатом. Там внизу находился пивной зал "Жигули", а на втором этаже кафе "Валдай". Все это был один комплекс в новом доме.

Прилуцкий таким случаем, чтобы вернуться с Москву, и воспользовался. Евгению Лукошникову он сделал предложение, от которого было очень трудно отказать: "Ладно, отвези меня назад. Я тебе четвертак даю".

Устоять было трудно. Водитель такси Лубошников понимал, что четвертак это сумма очень и очень приличная. На самом деле они доехали до того места, откуда он их захватил, до Покровки; и назад его отвезти примерно к тому же месту, как тот обещал, это максимум 5-7-8 рублей, а ему дают целых 25.

Сдался он сразу же и предложил: "Садись, поехали".

Дальше я излагаю последовательность и существо событий со слов Евгения Лукошникова. Это все было записано в его показаниях на допросах. Ничего не придумываю, привожу лишь выдержки из показаний.

Лукошников: "Когда я ехал, и скорость была уже приличная, я о чем-то задумался. И вдруг чувствую, что этот пассажир мне ширинку расстегивает (...) Когда приехали, он мне отдал 25 рублей и вышел, поблагодарил, сказал "спасибо" - и все... Случилась вот такая история. (...) Вроде бы, живи да радуйся. Я уже и забыл об этом случае..."

Но тут через некоторое время, буквально месяца через 2-3, произошел такой случай, который и напомнил Евгению об этом неординарном событии.

Случилось так, что тренер боксерской команды ЦСКА, с которым Евгений Лукошников еще поддерживал отношения, узнал, что очень хорошим приятелем Лукошникова был готовый спортсмен - Виктор Степкин, мастер спорта СССР по боксу Виктор Степников. Он был моложе Лукошникова на три года.

Но в описываемое время Степников уже был чемпион Советского Союза среди юниоров по боксу и, в общем-то, наша олимпийская надежда на 76-й год. Все надеялись, что Степников будет участвовать в Олимпиаде 76-го года, и именно он должен был достойно представить СССР на предстоящей Олимпиаде.

И когда тренер ЦСКА узнал, что Степников Витя живет недалеко от Евгения Лукошникова, в Подольске, что они хорошо знакомы, потому что они вместе тренировались еще в одном спортивном подольском клубе, то он предложил: "Этому парню в армию надо призываться. Зачем ему идти в армию неизвестно куда? Мы ему сейчас дадим повесточку. Будет служить у нас в ЦСКА, так же как и ты. На сборы будет приезжать, на самом деле дома будет сидеть".

Именно эти доводы Евгений Лукошников передал Виктору Степникову и фактически сделал ему предложение от имени тренера ЦСКА. Степников подумал, подумал, все взвесил и решил согласиться. И после этого они

вдвоем поехали вместе на встречу с тренером ЦСКА. Тренер ЦСКА не нашел ничего лучшего, как позвать их в ресторан посидеть, обсудить подробности.

Там они действительно крепенько посидели, выпили, поговорили и, в общем-то, договорились о том, что Степников действительно в случае его призыва в дальнейшем будет служить в ЦСКА, в Москве, и будет представлять Вооруженные Силы на всех соревнованиях и даже в сборной страны. Всех это решение устроило.

Но дело-то в том, что у заслуженного тренера огромной страны, который обладал и большими данными психолога, здесь ошибочка вышла. Виктор Степников, хотя и был выдающийся спортсмен, но как парень большим умом не отличался и был совсем недалек. Возможно, это происходило от того, что его ежедневно били в голову.

Он, несомненно, имел одно неоспоримое достоинство - такой кулак, как если бы сложить два кулака обыкновенного человека. Вот такой у него был веский аргумент в спорах. А таких кулака у него было два.

Физически развитый, крепкий, здоровый. Но, как было сказано, - голова слабая. Как это всем известно: где тонко - там и рвется. А самое главное несовместимость с алкоголем. Проще сказать - ему совсем нельзя было пить. Как только он выпивал, то становился совсем дурак - дураком. И так, трезвый-то, плохо соображал, а после приема алкоголя это становилось очень заметно.

И вот после этой встречи в ресторане с тренером ЦСКА двое спортсменов, и Евгений Лукошников и Виктор Степников, сели на электричку на Курском вокзале и поехали в свой родной город Подольск. А для того, чтобы им было удобно выйти из вагона прямо к автобусной остановке, они решили пройти по вагонам электрички.

И тут, когда они шли по вагонам электрички, Евгения Лукошникова вдруг остановил тот самый Валерий Огарев, который в памятный известным нам с вами событием день с участием Прилуцкого, оставался в своем доме на Покровке.

Валерий Огарев обратился к Евгению, как к своему старому знакомому: "О, привет, как у тебя дела? Как ты живешь? Как, чего и что?"

Евгений Лукошников был парень совсем неглупый. Как только увидел радостное лицо Огарева, сразу понял, что его приятель Прилуцкий рассказал ему про свои взаимоотношения с шофером-таксистом, то есть с ним.

Виктор Степников, конечно, ничего этого не знал. Он просто стоял рядом, выпивший, и наслаждался своим состоянием. Но когда Огарев предложил: "О, привет, а почему бы вам вместе ко мне не заехать в гости? Я вот здесь, на Покровке, недалеко от станции живу. Сейчас мы еще с вами выпьем. У меня там и закуска есть, и выпивка..."

Степников принял предложение выпить с большим воодушевлением. Он оживился и сразу дал на это свое согласие.

Но Лукошников понимал, что его совсем не выпить зовут, а совсем для другого дела, но со Степниковым своими догадками не поделился и ничего об этом не сказал.

А Степников загорелся как выпить сейчас да вроде бы на халяву, он уже готов был догнаться побольше. Он сказал: "А чего? Поехали, хороший парень, давай заедем..."

Да и Лукошников находился в эйфорическом состоянии под влиянием алкоголя. Он сразу догадался, что

происходить будет примерно то же самое, что происходило между ним и Прилуцким. Каждый имел в виду свои резоны для принятия приглашения Валерия Огарева, но согласились и его приняли оба спортсмена.

Вышли они на станции Покровская. Там пешочком дошли немного до дома Огарева. Огарев привел их к себе домой, достал сразу на стол какие-то яблоки, консервы, какие-то закуски и выставил водку. А сам ушел в другую комнату и заявился одетым уже только в халат, а под халатом ничего и не было. Но Лукошников-то понял, о чем идет речь, и не удивлялся этому, а Степкин не удивлялся, потому что смотрел на стол да наливал водочку.

Когда они еще махнули и выпили, то Огарев посадил Лукошникова на диван (...) Вот тут пришло время удивляться и Виктору Степкину. Он даже трезвель от удивленного начал.

И когда Огарев свое дело сделал, а Лукошников все свое хозяйство заправил назад в брюки, то Валерий стал весьма благожелательным. Он начал ходить вокруг Лукошникова и, поглядывая на Степникова, говорил: "Может быть, Витек мне тоже так вот?"

"Конечно, Витек - отличный парень, - согласился Лукошников, - Подойди к нему, он сделает, как тебе хочется".

Как развивались события дальше - я могу только привести показания Степникова и показания Лукошникова. Правда, показания не совсем полностью совпадают и значительно разнятся между собой.

Из показаний Лукошникова следовало, что Степников такими круглыми глазами смотрел на происходящее на диване, глаза были больше пятака. И при этом еще сучил кулаками. У Степникова челюсти сводило от удивленного. Он никогда такого прежде не видел.

Сам же Лукошников для себя сделал вывод, что здесь никакой опасности ни для кого нет. Вот тогда он и сказал Валерию Огареву: "Да вот, подойди, Витька сейчас тебе тоже так позволит сделать".

А сам Валерий Огарев не понял, что можно делать, а что делать нельзя. Он подошел сзади к Степникову, который еще махнул водочки, а свои кулаки-кувалды держал на столе. Огарев решил подойти к нему сзади и позаигрывать с ним... Лучше бы он этого не делал...

Это и стало той каплей, которая переполнила чашу терпения Степникова и привела к трагедии.

Из дальнейших показаний Е. Лукошникова: "Я спросил Степникова: "За что его ударил?" А он мне отвечает: "А чего, - говорит, - он, сука, целоваться полез?"

Если как мозаику сложить все факты вместе и сопоставить их между собой, то в результате получилось так, что, когда Валерий Огарев подошел к Степникову и стал с ним заигрывать - наклонился, чтобы его, видимо, поцеловать, - Степников его и ударил, а пока тот падал, Виктор успел провести вдогонку короткую серию ударов в голову. Тот потерял сознание и упал на кровать, то есть прямо на тот же диван, на котором он только что совершал свои похотливые действия.

А в это время открылась дверь, и в комнату, где происходило все мероприятие, зашла мать Огарева, видимо, услышавшая нехарактерные посторонние звуки и шум падения тела своего любимого чада.

В дальнейшем показания и Виктора Степникова, и Евгения Лукошникова расходятся диаметрально.

Степников утверждал, что, когда зашла мать Огарева, то Лукошников стал ее бить смертным боем. Из показаний Лукошникова следовало совершенно обратное: когда зашла мать Огарева, то бить ее стал именно Степников.

При этом более красочными были показания Лубошникова. Он говорил, что, когда Степников нанес ей два-три удара в голову, она упала на пол, но потом, когда они собирались уже уходить, она снова поднималась и пыталась встать. В это время Степников подскакивал, наносил ей еще пару ударов в голову, она снова падала. Более достоверной общую картину делали несколько циничные слова Лукошникова: "Из нее хороший спарринг-партнер получился бы. Он ее бьет, а она встает и встает все время".

Уйти сразу им мешало то, что уличная дверь была закрыта, и убежать они не могли. Много времени заняли поиски ключа. Тут рядом, перед выходом находился топор, а на столе крепкий нож, но взламывать дверь они не стали. В результате поиска и обыска одежды Валерия Огарева им удалось найти ключи, но перед тем, как выйти из квартиры, точнее из этого жилого дома, оба увидели, что продолжавший находиться без сознания Валерий Огарев захлебывается собственной кровью.

Думали оба совсем недолго: "Смотри, пидор-то этот лежит, а у него изо рта и из носа кровь идет. Он может захлебнуться сейчас. Давай его перевернем в обратную сторону".

И они его перевернули. Раньше он на спине лежал, а они его взяли, перевернули и положили на живот. И, выскочив, выбежали из дома, добрались до платформы, сели на электричку и уехали в свой родной город Подольск.

Соседи этого дома весь следующий день видели, что все светлое время суток горит свет в доме у Огаревых. Сначала этому обстоятельству значения не придали, а потом через некоторое время решили все-таки выяснить, что и почему. В результате женщина - мать Огарева еще через двое суток оказалась жива. Вызвали ей "Скорую помощь", отвезли в больницу Склифосовского. Там положили под аппарат искусственной вентиляции легких. Но в сознание она так и не пришла и еще через сутки скончалась. Допросить ее не смогли.

И, как выяснила потом экспертиза, у нее нижняя челюсть оказалась сломана в двух местах, верхняя челюсть сломана в двух местах, нос сломан... в общем, все кости на лице сломаны. И даже более того, сломана подъязычная кость. А сын ее Огарев, Валерий Огарев, умер там же, в своем доме из-за того, что захлебнулся собственными выделениями, слюной, кровью, соплями... И задохнулся из-за того, что потерял сознание и не смог нормально дышать, произошла аспирация, при которой он вдохнул себе в легкие собственные выделения, поэтому и смерть его наступила из-за асфиксии. Как констатировали врачи, повреждения, которые он получил, у живых лиц относились бы к легким, не повлекшим расстройства здоровья...

На место происшествия немедленно прибыла следственная группа. Такие события в Москве происходили нечасто. Следственную группу тогда возглавлял, как следовало из материалов дела, следователь по особо важным делам при Прокуратуре Российской Федерации Зверев. Он находился на очень хорошем счету этого

следственного органа, и многие его считали просто гениальным, супер-следователем. Создали и довольно большую следственную группу.

Было необходимо понять, кто это и из-за чего мог такое сделать. Всем бросилось в глаза, что в действиях виновных лиц не имелось корысти. На видном месте в шкафу лежала большая сумма денег, ювелирные изделия и даже золотая проволока, нашли и валюту. Золотая проволока и валюта повели следствие в направлении поиска валютчиков и расхитителей социалистической собственности, но потом завели в тупик.

Мы-то теперь уже знаем, что причиной смерти Валерия Огарева и его матери на самом деле оказались совершенно случайные для Огаревых люди. Найти их в то время так и не удалось, но при этом, как следует из материалов уголовного дела, была исследована очень тщательно вся жизнь Валерия Огарева. Она заслуживает особого интереса, и потому считаю необходимым рассказать о ней подробнее.

Валерий Огарев действительно, как это установили, являлся гомосексуалистом. Дважды болел сифилисом. В ходе проведенного в его квартире обыска у него обнаружили дневник. Из этого дневника, который был приобщен к материалам дела, следовало, что он вступил за последний в его жизни год в интимную связь более чем со ста пятьюдесятью мужчинами. Причем он в этом дневнике этих мужчин описывал, кто они такие, давал им характеристики, правда, вкратце. Например, там были такие записи: "Такое-то число. Два солдата - Иван и Вячеслав, познакомился в сквере возле Ивана Федорова..." Мало того, каждому из своих половых партнеров он еще и оценки выставлял по пятибальной системе. Далее в записи: "Один из них, Вячеслав - хорошо, другой, Иван - удовлетворительно".

И так их более полторы сотни записей в течение одного года. Нехорошо, конечно, об этом говорить, но очень интересно, какую бы он поставил оценку после встречи с Лукошниковым и со Степниковым каждому из них, если бы жив остался? Исследованный следователями дневник был посвящен его случайным связям, и по тем данным, которые там содержались, оказалось практически невозможно установить мужчин, с которыми он в такие половые связи вступал.

Большую пищу для рассуждений и действий вызвало исследование его записной книжки.

В качестве свидетелей допросили огромное количество людей из его окружения, данные о которых были вычерпнуты из его телефонных и записных книжек. В основном, они все оказались примерно такого же поведения: гомосексуалисты, лесбиянки, другие извращенцы, проститутки, сутенеры... и другие им подобные деятели. Их было допрошено огромное количество. Допросы заносились в протоколы, на несколько томов уголовного дела накопилось, в которых и содержались их показания. Но расследованию эти показания ничем не помогли.

Однако, многие показания создали более полный образ нашего пострадавшего, и кроме того что просто сами по себе интересны, привели следствие к неожиданному выводу.

Установили, что Валерий Огарев в действительности являлся очень тщеславным человеком и снобом. Ему нра-

вилось, несмотря на всю его закулисную и тайную часть жизни, находившуюся под запретом уголовного закона, находится у всех на виду и чтобы все о нем говорили.

Только из-за того, что билеты в театры или на концерты популярных исполнителей было практически невозможно достать, он любил рассказывать, как он ходил именно туда, куда мечтали попасть очень многие, но никому не удавалось этого сделать.

И это вовсе не из-за того, что он числился большим любителем искусства, поклонником эстрадных звезд, а просто для того, чтобы показать, какой он крутой. Вот вы не могли туда попасть, я же достал туда билеты.

Из показаний нескольких свидетелей, в том числе одного гомосексуалиста и проститутки, которые вспомнили события многолетней давности, следовало, что Огарев просто мечтал повидаться с Владимиром Высоцким, который в середине 60-х годов стал очень популярен. Через третьих и пятых лиц он предпринимал усилия, чтобы пригласить к себе домой на Покровку популярнейшего тогда актера и барда. Ведь его песни, записанные на катушечные магнитофоны, кричали из каждого раскрытого окна.

Люди из богемы, получив от Валерия щедрое вознаграждение, пошли навстречу его чудачеству и тщеславию, уговорили уже тогда великого барда прийти на банкет.

Огарев специально для этого пригласил своих подружек - красивых девок-проституток, друзей, товарищей по работе и устроил роскошный банкет. Стол оказался на загляденье, ломился от деликатесов, яств и напитков.

Действительно, ему удалось под предлогом празднования дня рождения привезти Владимира Высоцкого в дом на Покровке. Действительно, Владимир Высоцкий, когда выпил пару стаканов водки, стал по просьбе присутствующих играть на гитаре, петь песни... Но потом все пошло не так, как оказалось задумано ранее. Чего-то ему в этой компании не понравилось.

Возможно, по их поведению заподозрил в некоторых гостях лиц, как сейчас говорят, с нетрадиционной сексуальной ориентацией... Факт остается таким, что он начал буянить, развязался конфликт, который перерос в драку. И поскольку он был пьяный и агрессивный, да еще стал хватать со стола столовые приборы и те предметы, которые он намеревался использовать в качестве оружия, его связали. Дали еще выпить, а, потом, когда он уже совсем успокоился, потихоньку стали освобождать. Потом на такси отвезли назад.

После изложения в протоколах допросов этой истории свидетели добавили, что вскоре после этого в репертуаре Владимира Высоцкого появилась песня "Ой, где был я вчера...". Видимо, для такого вывода у них имелись основания. Ведь они там находились и обнаружили явное сходство с описанной великим бардом ситуацией.

Видимо, события того праздничного вечера поэтом оказались не очень сильно приукрашены. Могу их напомнить:

*Ой, где был я вчера - не найду, хоть убей!  
Только помню, что стены с обоями.  
Помню Клавка была - и подруга при ней.  
Целовался на кухне с обоими.*

*А наутро я встал - мне давай сообщать,  
Что хозяйку ругал, всех хотел застращать,  
Будто голым скакал, будто песни орал,  
А отец, говорил, у меня - генерал!*

*А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,  
Говорил, будто все меня продали.  
И гостям, говорят, не давал продохнуть -  
Донимал их своими аккордами.*

*А потом бросил пить - потому что устал,  
Начал об пол крушить благородный хрусталь,  
Лил на стены вино, а кофейный сервиз,  
Растворивши окно, взял и выбросил вниз.*

*И никто мне не мог даже слова сказать,  
Но потом потихоньку оправились -  
Навалились гурьбой, стали руки вязать,  
И в конце уже все позабавились.*

*Кто плевал мне в лицо, а кто водку лил в рот,  
А какой-то танцор бил ногами в живот...*

*И бледнел я на кухне с разбитым лицом,  
Делал вид, что пошел на попятную.  
"Развяжите, - кричал, - Да и дело с концом!"  
Развязали - но вилки попрятали...*

На мой взгляд, весь сюжет этой песни очень укладывается в ту норму поведения и в то событие, которое произошло со слов свидетелей в доме Огарева на банкете.

Тщательно копаясь в личной жизни покойного Валерия Огарева, следователь Зверев вдруг обнаружил, что довольно часто Огарев ездил отдыхать на курорты в Сочи и в Ялту вместе с одной гражданочкой - Клавой Засохиной. И эта Клавдия Засохина и стала подозреваемой в его убийстве. Установили, что эта яркая и молодая, красивая женщина зарабатывала себе на вполне обеспеченную жизнь проституцией. Это плохо вязалось с ее тесными отношениями с убиенным Огаревым, потому что были установлены его гомосексуальные интересы. Стали разбираться, в чем заключалась их дружба, которую нельзя даже сексом испортить.

А ездил Валерий Огарев с этой Клавой Засохиной на курорты и все время и путевки, и билеты приобретал на свои деньги. Хочется еще раз напомнить, что в советское время было очень трудно достать и то и другое. Он использовал для этого свои материальные возможности и деловые связи.

Выяснили, что Клавдия Засохина находилась замужем. И тогда этому знаменитому следователю по особому важному делу при Прокуратуре Российской Федерации Звереву пришла в голову мысль, что Валерия Огарева убил муж Клавдии Засохиной, узнавший о ее неверности. Заодно в том же убийстве обвинили и саму Клавю. Так по этому делу оказались арестованы и Клавдия Засохина, и ее муж.

Не знаю, какие методы применяли к этим людям, могу лишь только догадываться, однако они сознались в этих преступлениях, к которым не были причастны. Оба признались, что это они убили и Огарева, и его мать. Муж

рассказывал, что все происходило на почве ревности, из-за того, что он узнал о связи Огарева со своей женой, и поэтому он предпринял такие меры. И она ему помогала, и она тоже в этом созналась. Их продержали полтора года в тюрьме.

Потом выяснилось, что Клавдию Засохину Валерий Огарев брал совсем для других целей. Она была роскошной проституткой и очень красивой, обаятельной женщиной. Ее муж прекрасно знал о том ремесле, которым занималась его супруга, даже жил на добытые ею средства.

А Огарев ее с собой брал, чтобы она привлекала к себе мужчин и приводила их к себе в номер. А тут как раз удавалось подсуетиться и Валерию Огареву, и ему тоже перепало в результате ее сексуальных затей. (...) В общем, он оставался доволен полностью таким групповым времяпрепровождением.

И, более того, он ни у кого не вызывал подозрения, что он гомосексуалист.

Ведь он находился с женщиной. А еще раз повторю, что мужеложство тогда было уголовной статьей и за это следовало наказание, связанное с посадкой в тюрьму.

Только потом, когда супруги Засохины отреклись от своих признаний, а в распоряжении следствия кроме их показаний не оказалось никаких доказательств, сроки же расследования уже истекли, их выпустили на свободу.

О компенсации за моральные и физические страдания не могло идти никакой речи, поскольку их самих же и обвинили в том, что их продержали в тюрьме. А как же? Ведь если бы они не признавались и не ввели следствие в заблуждение, обманывая следователей, то и ничего бы не произошло...

События в доме Огарева на станции Покровская происходили в 1975 году. Следствие по делу продолжалось на протяжении 1975-1976 годов.

А то, как все это было самом деле, выяснилось уже гораздо позже - в 1978 году. Материалы уголовного дела, на которые я ссылаюсь, мне стали доступны уже после окончания следствия по делу Лукошников и других в 1979 году. Материалы дела, согласно действовавшему тогда уголовно-процессуальному закону, давались для ознакомления адвокату и обвиняемому только после окончания следствия.

Как в действительности обстояло дело, я излагаю, исключительно основываясь на его материалах. Действительно, причиной смерти Валерия Огарева и его матери в той или иной степени явились Евгений Лукошников и Виктор Степников.

Другое дело, что следствие, а вслед за ним и суд дали их действиям неправильную квалификацию. Для правильной оценки их действий требовалось установить, хотели они лишить жизни умышленно Огарева и его мать или нет. Присутствовал ли при этом хотя бы косвенный умысел?

Никакого умысла на лишения жизни у них не имелось. В отношении Валерия Огарева оба, и Степников и Лукошников, сделали все из добрых побуждений. Кровь и иные выделения никто ему внутрь специально не заталкивал, чтобы он ими задохнулся. Повернули, наоборот, чтобы вытекало все наружу. Как у нас позднее сказал В.С.Черномырдин: "Хотели, как лучше, а получилось, как всегда".

Для вывода о намерении лишить его жизни не было представлено никаких доказательств. Однако, оба были осуждены за то, что умышленно удушили Огарева.

Доказательств того, что Огарев задохнулся соплями и слюнями, при том что его специально головой держали в подушке, не было представлено.

Доводы осужденных о том, что Огарева они в суматохе перевернули вниз лицом, чтобы избежать его смерти, поскольку он захлебывался кровью из разбитого носа и губы, были отвергнуты без достаточных оснований.

Смерть матери Огарева следовало расценивать как причинение тяжких телесных повреждений, которые впоследствии повлекли смерть. Такая квалификация стала бы справедливой, при том что и Степников и Лукошников безразлично относились к наступлению вредных последствий, которые могли с ней произойти. В этом случае надо было исходить из фактических событий. А она еще была жива более трех суток. Если бы захотели ее убить, то есть лишить жизни, то для осуществления таких намерений не имелось никаких препятствий. Рядом на столе лежал большой и острый нож. Недалеко, прямо у выхода, лежал топор. Ее достаточно было ударить только один раз. Да еще могли бы убедиться, что достигли желаемого результата.

Нет же, ничего этого не произошло. Поэтому, исходя из того, что утверждения Степникова и Лукошникова при помощи каких-либо достоверных доказательств опровергнуты не были, и более того, объективно их показания подтверждались осмотром места происшествия с приложением фотографий и другими доказательствами, то смерть Огарева следовало расценивать как убийство, причиненное по неосторожности. Все повреждения, которые оказались у него обнаружены, у живых лиц расценивались бы как легкий вред здоровью.

А смерть матери Огарева, которой действительно умышленно наносились тяжкие телесные повреждения, и уже эти повреждения впоследствии, по истечении нескольких суток, повлекли смерть, несмотря на мероприятия, которые проводились в институте Склифосовского, следовало расценивать как причинение тяжких телесных повреждений, которые повлекли смерть потерпевшей, по части 4 статьи 111 действовавшего тогда УК РСФСР.

Вместо этого оба оказались осуждены по статье 102 УК РСФСР (Убийство, совершено приотягчающих ответственность обстоятельствах) пунктам "г" (с особой жестокостью), "з" (убийство двух и более лиц) и "е" (убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление).

Это одна часть уголовного дела, а теперь и

## Часть вторая

Рассказанная выше история произошла с Евгением Лукошниковым еще до того, как он познакомился со Станиславом Иваковым.

События, о которых описано выше, происходили в 1975-м году. Евгений Лукошников и Виктор Степников уже и забыли про эту произошедшую с ними в деревне Покровское историю.

Они, правда, даже и не знали, что там кто-то умер. Сначала, правда, оба боялись ездить на электричках,

опасаясь встретиться с Валерием Огаревым. Но потом успокоили себя, что этот гомосек не станет поднимать шума, потому что сам за свои делишки может оказаться в тюрьме. То есть, было такое происшествие и забылось.

Оба продолжали жить своей жизнью и работать. Словом, все как положено. Но вот оба вскоре они попали в зону видимости другого человека из Подольска. Этот человек был Станислав Борисович Иваков.

Станислав Борисович Иваков - про него будет уже отдельный рассказ, то есть не совсем отдельный, ведь это получилось их общее уголовное дело.

Сейчас бы все уголовное дело с их участием объединили бы одним словом банда - то есть организованная преступная группа. Для признания организованной группы бандой необходимы такие признаки как устойчивость (более одного преступления), сплоченность, распределение ролей, то есть определенная иерархия и подчиненность одних другим, наличие оружия...

Тогда же советская власть руководствовалась политическими соображениями. Не могут одновременно сосуществовать и "развитой социализм" и наличие организованных преступных групп.

И тогда всех четырнадцать находящихся на скамье подсудимых человек и все это большое уголовное дело объединили 14-ю статьями Уголовного кодекса и множественным эпизодом.

Только у одного Евгения Лукошникова, который участвовал во многих делах, и оказался полный набор - все 14 статей Уголовного кодекса, и вменено много-много эпизодов преступной деятельности.

Руководство деятельностью всей этой команды следствие возложило на Станислава Ивакова.

По тогдашним меркам он считался богатейшим и влиятельнейшим человеком в Подольском районе. Благодаря стараниям следователей его наделили еще большим влиянием и богатствами.

Жил Иваков в отдельном доме в Подольске на отшибе. Дом был построен богато. Но у нас еще любят приукрасить. Дом с бассейном. Бассейн построили известно как. Бригада каменщиков пришла и выкопала яму, положили кирпич, положили опалубку, облицевали все это плиткой, вот тебе и бассейн. И сварные две лестницы поставили туда вниз. Но всё преподнесли как какую-то виллу с бассейнами. В действительности этот бассейн построили фактически за три ящика водки строителям, сюда можно приплюсовать и стоимость строительных материалов.

Но, тем не менее, Станислав Иваков действительно любил выпендриться. Например, когда умерла его мать, Иваков бросил в могилу растрепанную пачку сотенных купюр, хотя обычно принято бросать туда монеты. Это произошло не от большого ума. Ведь даже алкаши могли выкопать могилу только ради того, чтобы достать деньги. Но, тем не менее, вот таким демонстративным жестом, приведенным в материалах дела, он отличился.

Да еще почему-то вместо иконки своей матери в руки он тоже положил пять сотенных купюр. Наверно, как пропуск, а может, чтобы на тот свет ее пустили, подкупить Господа Бога хотел, никто не знает зачем. Какими соображениями он руководствовался, тут трудно понять. Но поступок был очевидно показательным, о котором потом свидетели давали показания в процессе.

Станислав Иваков действительно имел огромное количество денег, в народе говорят, "как у дурака махорки". Причем выставлял свое богатство напоказ. А этого делать во времена советской власти не следовало. Не известно зачем, у него имелось четыре автомашины - "Форд-Матадор", "Бьюик-Электра", "Жигули". А еще у него была полугрузовая машина УАЗ.

По тогдашним временам иномарки вообще являлись редкостью. В то время для того, чтобы приобрести иностранную автомашину, требовалось получить разрешение от руководства ГАИ областного уровня. Люди недоумевали: зачем одному человеку четыре машины? Ведь у него нет четырех задниц, чтобы съездить на четырех машинах одновременно.

Станислав Иваков являлся не только человеком, у которого имелось очень много денег, но он был еще и очень тщеславным. Вот он и решил, что ему, кроме денег, еще необходима власть. Любил он это дело - власть. Поэтому он стал себя окружать такими ребятами, которые могли быть его телохранителями. С ними можно было получить уважение остальных граждан. Уважение, основанное на страхе. Они оказывались способны решить многие, поставленные им задачи, и не позволяли с ним спорить, поскольку сразу же могли представить весомые аргументы с пользой Ивакова кому угодно.

Они помогали разрешить очень многие проблемы, которые не под силу решать даже при помощи официальных влиятельных структур.

В число таких телохранителей попали уже известные нам Евгений Лукошников, Виктор Степников и два брата Забуренины - также мастера спорта СССР по боксу в тяжелом весе.

Но вскоре Виктор Степников попал в совершенно другую историю и в другое место. Как уже было сказано раньше, Степников был тем человеком, которому нельзя пить. Но, тем не менее, он пристрастился к алкоголю и стал прикладываться к рюмочке все чаще и чаще.

Он стал завсегдатаем в ресторане "Космос" в своем славном городе Подольске. И причем все знали, что если пришел Степников, то к нему лучше не цепляться, его нужно обходить стороной, потому что он также, не думая, может легко стукнуть один раз по лицу, а человек может попасть в больницу.

Однажды случилось так, что в том ресторане сидела хорошо знакомая ему проститутка. Было время, когда они даже дружили организмами. Но теперь рядом с ней сидели два кавказца - будущие её клиенты.

Степников не имел по данному поводу к своей бывшей подружке никаких претензий и не мешал ее работе. Просто, когда проходил мимо, он ей кивнул: "Танька, привет. Как дела?"

Но кавказцы решили показать себя настоящими джентльменами и стали разбираться: "А ты кто такой, не видишь, девушка с мужчинами сидит, ты чего так с ней обращаешься?" По этим фразам сразу было видно, что они не местные. Они просто не знали, что так со Степниковым нельзя разговаривать.

А ведь Степников словно намекал им, что не следует его задевать. Он в спортивном костюмчике пришел. Тогда это модно было, шерстяные олимпийки тогда носили. Такой прикид для ресторана являлся совсем несвой-

ственным, и других людей, кроме Степникова, никого бы не пустили в ресторан, но его пустили, потому что с ним лучше не связываться - себе будет дороже. Но кавказцы такое несоответствие истолковали неправильно. Они решили, что какой-то оборванец здесь ошивается на свою беду. Да еще и проститутка проявила халатность, не объяснив им ситуацию.

Степников не стал на них реагировать, потому что чувствовал себя здесь хозяином и считал ниже своего достоинства общаться с чужаками. Не стал он с ними вступать в дискуссию. Но кавказцы, тем не менее, на свою голову пообещали ему, что они его подождут на выходе. Лучше бы они этого не делали. Ведь Виктор Степников, изрядно выпив, уже забыл об их существовании, а тут как раз на выходе и обнаружил, что его действительно ждут вот эти двое кавказцев.

А тут они еще и первые начали выяснять отношения. Они стали спрашивать: "А ты чего собственно имел в виду, когда с девушкой вот так разговаривал?"

Степников не стал им объяснять, чего он имел в виду, а чего в виду не имел. Он сначала ударил одного в лицо и тут же и другого. Они оба упали без сознания.

Здесь бы ему, дураку, пройти бы дальше. Но тут он почему-то подумал, что раз они такую тяжелую психическую травму ему нанесли, да еще причинили моральный ущерб, то он решил его компенсировать. Он снял с них золотые цепочки и перстни и пошел.

А они заявили в милицию. Не сразу, правда, уже потом, когда очухались через некоторое время. Милиционеры нашли эту девушку-проститутку. Через девушку, которая указала, кто это был, нашли Виктора Степникова. А у Степникова и нашли как раз эти самые побрякушки, которые стали уликами и доказательствами грабежа. Ведь кавказцы изобразили все таким образом, что стали объектами нападения со стороны преступника. Завели уголовное дело по грабежу. Но в это время за Степникова очень активно стал ходатайствовать Спорткомитет страны, Федерация бокса. Кричали, что это наша олимпийская надежда, что он такой хороший парень, что с ним просто такой срыв произошел.

Шумели, шумели, в результате этого Степникову дали 2 года условно и вроде бы оставили его в покое за этот проступок.

Но прошло еще совсем немножко времени после этого суда над ним, а Степников опять зашел в тот же роковой "Космос".

Там он решил познакомиться с какой-то девушкой. Начал за ней ухаживать в свойственной ему манере: хватать за разные места. Она ему грубо ответила, он ее ударил. Как-то неловко ударил. Ударил таким образом, что совсем случайно у него в руке тоже оказалась ее золотая цепочка. Цепочку он зачем-то, машинально, положил в свой карман, и, когда его задержали, цепочка все еще находилась там. Совершенно случайно у Степникова нарисовалась еще одна история с грабежом. Снова следствие и суд.

Здесь, раз уже наличествовал условный срок, ничего сделать было нельзя, нужно давать только лишение свободы, к которому присовокупить еще и тот назначенный условный срок.

Но опять начал ходатайствовать Спорткомитет, Федерация бокса, Олимпийский комитет... ходатайства на-

правили в суд. И судья Лепыкин, ничего не увидев в материалах дела о предыдущей его судимости, снова дал ему условный.

По делу установили, что от Станислава Ивакова судье Лепыкину передали определенную и весьма значительную сумму денег, которая и залепила ему глаза и уши.

Судья Лепыкин был потом осужден за получение взятки, а Иваков, от которого передавались множество взяток, никогда за дачу взятки не отвечал. Но об этом будет сказано несколько позднее...

Но Степников, как мы уже знаем, все-таки человек неугомонный. Он опять пошел в пьяном виде, ввязался в какую-то историю, снова кого-то избил. И снова отобрал ценные вещи и деньги... В третий раз никто уже не стал ввязываться в это дело. Ни Спорткомитет, ни Федерация бокса уже не стали за него заступаться и ничего не подписали в его интересах. Но судья Лепыкин, благодаря Ивакову, опять, несмотря на два предыдущих условных приговора, дал ему третий срок, направив его на стройки народного хозяйства. Тогда называлось "на химию".

Однако когда его направили отбывать "химию" в Ростовскую область, на этом его криминальная судьба не закончилось. Он жил там в общежитии в городе Шахты, работать его прикрепили к какому-то предприятию. Но он опять выпил, опять пошел и на автобусной остановке встретил какого-то мужика, который шел домой с полученной зарплатой и стоял в ожидании автобуса. Степников ударил этого мужчину, а деньги, которые у того имелись в кошельке, все забрал себе. На сей раз ему местный суд дал уже реальный срок лишения свободы. С учетом всех его предыдущих заслуг ему присудили шесть лет колонии. В той, местной колонии, он и остался. И сидел там до тех пор, пока его не вывезли на следствие, которое началось в Прокуратуре РСФСР, а потом на этот суд, который рассматривал в Московском областном суде это общее дело.

А на следствии выяснились еще и другие эпизоды его противоправных действий. Выяснилось, например, что Степников любил в подвыпившем состоянии покататься на такси по Подольску. Странная у него была привычка, но это еще не преступление. Но и такая манера, как кататься в пьяном виде на такси, может привести к большой беде.

У него не имелось водительских прав, и, когда он шел к стоянке такси, таксисты разбегались, потому что все знали: когда он садится в такси, он не платит. Хорошо, если просто его довезут и он не заплатит. Но он еще любил выгнать водителя с его места, сесть за руль и кататься сам. И при одном из таких случаев Степников разогнался ночью по городской улице Подольска в пьяном виде на машине такси и сбил насмерть женщину. Таксист же сидел на его месте, куда его пересадили, пригрозив мордобоем.

Это уже выяснилось потом на следствии в Прокуратуре РСФСР. И в суде Московском областном ему тоже предъявили этот эпизод.

У женщины, которую он сбил насмерть, рос ребенок-инвалид, страдающий ДЦП. Этот ребенок находился под наблюдением своей мамы, которая души в нем не чаяла. И как только женщину похоронили, умерла от сердечного приступа мать погибшей, бабушка больной де-

вочки. Саму девочку, страдающую ДЦП, как сироту отправили куда-то в дом для инвалидов.

Все трагические обстоятельства озвучили в судебном заседании, и звучали они в суде очень и очень нехорошо и некрасиво. Те слова сожаления, которые Степников произносил во время процесса, как-то не очень хорошо оказались восприняты судьей и вообще всеми участниками по делу.

Получалось так, что он фактически из баловства убил несколько человек по причине своей глупости.

Здесь надо продолжить с того места, как в 1976-м году Евгений Лукошников стал работать в свите Станислава Борисовича Ивакова.

У Станислава Борисовича Ивакова имелось всего три класса образования, поэтому он писал слово из трех букв "еще" с четырьмя ошибками. Он писал "исчо". Это можно установить из тех его записок, которые оказались перехвачены и приобщены к материалам уголовного дела. Дословно, записки были такого содержания: "исчо чивойто на миня плитеть Лукошник"... Примерно в таком вот духе и остальные. Однако, хотя человек он был совсем неграмотный, но очень неглупый.

При тщательной проверке выяснили, что он тоже когда-то работал таксистом.

В качестве водителя такси Станислав Иваков достаточно часто возил инкассаторов. В то время не имелось специальных инкассаторских машин, кроме тех, что ездили в системе государственного банка, и поэтому инкассаторы просто нанимали такси - чаще всего, одну и ту же машину, чтобы знать шофера. На этой машине инкассаторы совершали объезд магазинов, где и собирали выручку. Такой машиной такси и управлял таксист Иваков.

И вот однажды случилось, что он заболел, и вместо него за руль его машины сел другой таксист. И произошло именно так, что на это такси совершили нападение вооруженные люди в масках. Двое инкассаторов и тот сменик, который сел вместо Ивакова за руль его автомашины, были убиты. И оказалась похищена очень крупная сумма денег. Так и не нашли ни нападавших, ни пропавших денег. Так ничего и не выяснили, кто причастен к преступлению.

Славу Ивакова задерживали, держали полгода под арестом в тюрьме, явно подозревали, что он к этому делу имеет отношение, но ничего доказать не смогли, выпустили. И был ли он причастен в действительности или нет, до сих пор не знает никто.

При новом следствии тот эпизод ему доказать снова не смогли. Поэтому он в суде прозвучал как-то слабо, из характеризующего материала, но никакого развития в суде не имел. Разве что, может быть, у кого-то в подсознании что-то застряло.

Как вдруг, по странному стечению обстоятельств, после освобождения из следственного изолятора, где он провел полгода, Слава Иваков стал жить довольно богато. Он занялся бизнесом. В то время это было запрещено, тех людей, которые занимались запрещенным бизнесом, называли "цеховиками". Они организовывали не совсем легальные цеха.

Они опередили свое время и именно на тот срок, который им определяли суды и сажали их в тюрьму.

На самом деле суть их работы, в частности, в бизнесе Иванова, заключалась вот в чем. Цеховики закрывали те прорехи, которые образовались из-за недосмотра или недальновидности государственных органов.

Незаметно до того времени, как Иваков открывал "цеха", Советский Союз закупил, например, текстильные машины, которые назывались "Текстима", в Германской Демократической Республике.

Но и, как всегда, хорошая задумка продумана до конца она не была. У всех машин по истечении 2-3-летнего срока начали выходить из строя нитепроводники и нитеводители. Такие запчасти, которые сами за себя говорят, - или нить идет, или нить сопровождает. Это крючочки, которые из стальной проволоки сделаны с завитушками. Закупать их следовало опять там же, в ГДР. Их требовалось закупать за валюту, поскольку сделки регулировались международными отношениями как торговля с другой страной. Валюты же в стране не хватало, поскольку она вся шла на гонку вооружений. Либо нужно было делать требуемое самим внутри страны.

Но, поскольку в этой стране все хорошие начинания ничем не заканчивались, пошли большие трудности. Например, одному Серпуховскому заводу, который выпускал тогда еще инвалидные мотоколяски, поручили сделать именно эти нитепроводники и нитеводители. Заводчане стали, используя многдумные головы, изготавливать эти изделия методом литья. И каждый из получающихся нитеводителей и нитепроводников стал стоить 2 рубля 16 копеек, что по тогдашним временам выходило сумасшедшие деньги. Ведь надо принять во внимание, что требовалось изготовить сотни тысяч и миллионы этих нитепроводников.

Поэтому затея оказалась абсолютно невыгодной, лучше было закупать новые станки.

Вот тогда Иванов понял, что на этом можно заработать большие деньги. Но как начать самому выпускать нитепроводники и нитеводители и продавать их? Он сам и при помощи других людей открыл подсобные цеха в близлежащих областях - в Смоленской, Тверской (Старицком районе), в Брянской (Почепском районе), в колхозах.

Колхозы тогда сколько засеивали в землю, столько и выкапывали. Поэтому доходов у них практически никаких не получалось. И председатели этих колхозов с удовольствием завели бы вот такое подсобное хозяйство, которое приносило бы им прибыль и деньги, и больше им ничего было не нужно. Продукции никакой нет.

Они должны были предоставить только помещения и возможность ставить на документы свою колхозную печать. А в колхозных помещениях должны были производиться именно эти изделия для текстильной промышленности.

Иваков быстренько сообразил, что к чему и пообещал приличные деньги взамен только лишь сдачи ему помещения и возможности пользования колхозной печатью. Так и создали требующиеся подсобные цеха. Туда пригласили рабочих. Условие поставили такое: рабочие должны написать заявление о приеме в члены колхоза. Потом им уже, как членам колхоза, и предоставлялись помещения.

В эти помещения привозили стальную проволоку, оборудование, ванны для хромирования изделий. После

все необходимое оборудование закупили и привезли. Возникли вопросы еще и такого свойства: нужно найти хорошую, квалифицированную рабочую силу - колхозники сами не могли выполнять такую работу. Возникшую проблему Иваков решил достаточно просто. По государственному, нормальному заводу, где работали хорошие токари, слесари, другие профессионалы, были отправлены ребята, которые обещали специалистам приличную заработную плату.

Допустим, хороший рабочий в то время получал около 200 рублей, а ему пообещали 800 рублей в месяц. Это была зарплата колоссальная. Академик получал 800 рублей в месяц. А всего-навсего, в каждом из этих цехов требовалось по 5-6 человек, которые бы и делали настоящую работу. И действительно, нашлись специалисты, которые изготавливали по несколько тысяч пружинки и нитеводителей за смену.

При помощи обыкновенных токарных станков навивали на готовую болванку стальную проволоку в виде пружины. Одни ее тут же обрезали, другие загибали концы, и получались эти самые нитепроводники и нитеводители. Они получались ничуть не хуже, чем немецкие. И, что самое важное, себестоимость их составляла сущие копейки.

Понятное дело, что вырученные за них средства получить на 5-6 человек оказалось нельзя. Всех бы сразу арестовали и посадили. Достаточно представить, как миллионные прибыли распределялись бы по ведомостям на 5-6 человек. Зарплаты составляли бы десятки тысяч рублей в месяц.

Поэтому придумали такую схему, где на помощь призывались люди с презрительным наименованием "ротик". Ротики - это подставные лица.

Для их привлечения такие, как Лукошников, братья Забуренины приходили в пивнушку, где стояли алкоголики, и тем предлагалось так: "Кто хочет заработать просто так 25 рублей за один день?" 25 тогдашних рублей - очень большие деньги. Даже их пропить - не очень просто. Потому что портвейн стоил за бутылку 1 рубль 87 копеек, бутылка водки 2 рубля 87 копеек.

Так вот, алкашам из пивной предлагалось завтра всем с утра в 9 часов появиться вот здесь в трезвом виде с паспортами. Для них специально подгонялся автобус. Их на автобусе везли в Калужскую, Тверскую, Брянскую область. Везли почти полным автобусом, человек по сорок.

Там, на месте, в колхозе по образцам они все писали заявление о приеме в колхоз со своими паспортными данными. Потом, когда они все это напишут, им показывали место работы: вы работаете вот здесь. Вот здесь вы работаете. Бригадир у вас вот этот и вот этот. Запомнили? Запомнили. Одного зовут Вася, другого зовут Петя. Делаете вы вот такие штуки. А как вы их делаете? А вот так вы их делаете. Видите, вот смотрите, Вася, покажи им. И Вася показывал, как это делается.

А после этой экскурсии каждому давали расписываться в ведомости. Но в ведомости расписываться им давали напротив своей фамилии особым способом. Складывали ведомость таким образом, что сразу непосредственно после напечатанной фамилии оказывалось место для подписи. Все же, что внутри, скрыто, и не понятно, за что псевдо колхозники расписываются.

Как потом выяснилось, в ведомостях они расписывались за суммы от 480 до 600 рублей, зарплаты по тем временам тоже очень высокие.

Разумеется, такие действия запрещал уголовный закон и они квалифицировались как незаконное предпринимательство. Причём всем соучастникам была определена "расстрельная" статья 93-прим "Хищение в особо крупных размерах". Она предусматривала от восьми до пятнадцати лет лишения свободы, либо смертную казнь с конфискацией имущества.

В действительности взамен выплаченных денег государство получало качественную продукцию в виде тех же нитепроводников и нитеводителей сопоставимую с затратами на ее приобретение или изготовление, даже сэкономило на этом.

Под признаки "хищения", где взамен похищенного ничего не дается, это явно не походило. Но, тем не менее, действия подсудимых расценили именно как хищение.

А расписавшихся в ведомостях на получение денег подставных лиц, как их называли, "ротиков", бригадиры Лукошников и Забуренины грузили в автобус и везли обратно в Подольск.

Кроме этого им записывали два-три ящика водки в автобус, чтобы хватило на всю дорогу, и везли до того места, до пивнушки, откуда их забрали с самого утра. Они приезжали уже в дребадан, все довольные, счастливые и пьяные. И так периодически, ежемесячно повторялось с этими подписями и с получением денег по ведомости.

А по мнению следственных органов сумма похищенных денежных средств продолжала расти...

Сам Станислав Иваков, несмотря на то, что являлся малограмотным, деньги считать умел очень хорошо. Так, отчитываясь по авансовому отчету за денежные средства, полученные у колхоза, вместе с приобретенными инструментами, материалами, оборудованием, указывал также и вещи, приобретенные лично для своего дома, пришивая чеки, квитанции и накладные. Например, учинял в квитанции на приобретение себе домой нескольких полок путем внесения небольших изменений получал уже не "Полки", а "Полхины токарного станка". Его надежда на то, что никто не поймет, что "Полхины токарного станка" в природе не существует, полностью оправдалась.

И Евгений Лукошников и братья Буренины играли большую роль в возрастании мощи нового предпринимателя нового типа.

Иваков, который все это организовал, имел огромные деньги, но был человек тщеславный, хотел еще получить власть. Вот это его как раз и сгубило.

Чтобы занять какую-либо должность, необходимо иметь образование. После окончания трех классов и будущей абсолютно неграмотным, высшее образование получить невозможно. Тем не менее, Станислав Иваков получил аттестат об окончании общеобразовательной школы экстерном. Причем не поддельный, фудфлыжный, а настоящий, подлинный.

За аттестат в тюрьму сел директор школы, потому что документ он выдал настоящий, только человеку, который никогда в школе не учился.

Самому же Ивакову ничего за это не сделали.

Он рассказал, что в ресторане познакомился с мужчи-

ной среднего роста, среднего возраста, с усами. Звали его Василий. "Если вы его предъявите, я сразу его узнаю. И когда мы с ним разговорились, я ему сказал, что у меня нет высшего образования, хотя очень хотелось бы, но вот не получилось, а он сказал: "В чем дело? Я, - говорит, - помогу тебе это организовать". И вот он мне организовал. А как он это сделал, я даже ничего не знаю. Я взятки никому не давал. Он ведь точно не должностное лицо. Я ему ничего не давал. Вот он мне все это сделал и все. Я сказал "спасибо", мы пожали друг другу руки и все. Поэтому я не знаю, кто мне делал, как мне делал, ничего не знаю".

Зато никого не привлекли к ответственности за то, что Иваков поступил в Московский авиационно-технологический институт и уже числился там студентом пятого курса.

Но как он поступил в Московский авиационно-технологический институт? Опять-таки на этот раз никого не удалось привлечь, несмотря на то, что он по бумагам везде прошел, числился и учился уже на последнем курсе, несмотря безграмотность. Кто вместо него учился, так выяснить и не удалось. И как он поступил в институт, он тоже хорошую историю рассказал. Он рассказал, что, как обычно, зашел пообедать в ресторан, познакомился там за столиком с мужчиной среднего роста, среднего возраста, без усиков. Звали его Петром. И когда Иваков сказал, что хочет поступать в институт, тот тоже заявил, что хотел бы поступить именно туда же. "Петр предложил: "Пойдем вместе со мной туда поступать". И вот мы вместе подали документы в Авиационно-технологический институт. Но только случалось так, что он вместо меня садился и сдавал все экзамены, писал, а мне ставили оценки. Но в результате так получилось, что этот Петр, видать, не поступил. Я потом не помню, как его фамилия, в списках его не оказалось, точно помню, и я его больше не видел, я же поступил. Видать, не получилось у него. Вот и все. А дальше там мне помогали разные ребята... кто-то, чего-то". В общем, какую-то нес околесицу.

Когда ему, Станиславу Ивакову, который по бумагам учился в Московском авиационно-технологическом институте на последнем курсе, на следствии показали значок интеграла и спросили, что это такое, он ответил: "Я не знаю, что это точно, но очень похоже на нитепроводник или на нитеводитель похоже очень".

Еще чуть-чуть и в его анкете значилось бы, что он имеет "высшее образование". Станиславу Ивакову захотелось еще и всеобщего признания, которое могла дать ему хорошая должность.

Вот тогда он и полез во власть. Заручившись поддержкой со стороны, он вступил в КПСС, что обещало ему продвижение по карьерной лестнице.

Из-за того, что у него денег появилось, как у дурака махорки, а также из-за того, что заручился поддержкой руководителей района, он чувствовал себя абсолютно безнаказанно, вел себя, как ему в башку взбредет и как захочется, словно ему сам Брежнев все позволил.

Например, из материалов дела известен случай, когда он в пьяном виде ехал за рулем, то работник ГАИ его остановил, стал ему делать внушение, он же сорвал с гаишника погоны, шумел, кричал, плевал ему в лицо. В результате потом гаишника наказали, перевели в совер-

шенно другую окраину Московской области, то ли в Лотошино, то ли в Серебряные пруды, куда-то в самый медвежий угол. Вот такие у него нашлись покровители.

Впоследствии, уже после этого случая, он обзавелся специальным талоном "проверке не подлежит", обеспечивающим полную гарантию безопасности. При предъявлении такого талона и машина и сам водитель не подлежали ни задержанию, ни аресту, им должна оказываться всяческая помощь, несмотря на их поведение и состояние. Этот талон "проверке не подлежит" выдал сам заместитель руководителя ГАИ СССР. Документ подлинный, не фальшивый и выписан на имя Ивакова.

Во время следствия проводилась проверка, выясняли, от кого получен им ценный талон. Как обычно, Станислав Иваков рассказал, что он познакомился в ресторане за обедом с мужчиной среднего роста, среднего возраста, вот не помнит, с усиками или без. "Звали его, я не знаю, допустим, Матвей. Этот Матвей предложил: "Как, ты хочешь такой талон получить? Да я тебе помогу". Принес и дал мне этот талон". Как тот его достал, Иваков, естественно не знал, понятия не имел.

Цеховик не терпел никаких возражений по отношению к собственной персоне, никаких кривотолков, косых взглядов и прочее. Когда Иваков заходил в ресторан в сопровождении своей свиты Забурениных и Лукошников, то оркестр замолкал... Так их приучил Станислав, чтобы не мешали разговаривать и не заставляли повышать голос. Одновременно высказывали самые первые лица из руководства ресторана, сомнительных личностей выгоняли, а ему выдавали самое хорошее место.

В общем, все себя вели так, как будто приезжал барин. А Ивакову и эта кутерьма, и сама власть очень нравились. И он лез во власть всё дальше и выше.

Вот тут-то и сломал себе шею. Почему? Потому что, когда стали проверять, кто же лезет во власть и кто же такой Станислав Борисович Иваков, то для получения о нем сведений был вызван и Лукошников.

Чем придавить Лукошникова специалисты из КГБ знали, потому что вел он себя соответствующим образом. Лукошников, чтобы они его самого не трогали и не обижали, не привлекали, решил оказать органам безопасности какие-то услуги. Не ведая того, Лукошников сам себя и погубил.

Он начал рассказывать про художества Ивакова. В частности, про передачу денег судье Лепыкину за то, чтобы тот проявил снисхождение при определении судьбы Виктора Степникова.

Когда стали проверять судью и все его показания, то этим ковшом зачерпнули и Степникова. При его тщательных допросах выплыла информация и про Огарева, и про Луцкого, в общем, про всех. И дальше все поехало, поехало и поехало...

Выяснилось, например, что в окружении Ивакова был еще некто Гудман. Хотя вроде бы и еврейская фамилия, но на самом деле это был русский парень, унаследовавший от своих немецких предков такую непростую для наших соотечественников фамилию. Этот Володя Гудман только недавно освободился из мест лишения свободы, где сидел за грабежи. Он являлся приятелем Евгения Лукошникова и стал одновременно с ним соавтором еще двух эпизодов разбойного нападения.

Вот, например, Гудман и Лукошников пошли на подольский рынок, чтобы подобрать что-то из вещей. А, как уже было сказано, Гудман только что вернулся из мест лишения свободы и потому неказенной, гражданской одежды не имел. Что-то холодновато было на улице, но дубленочка у него отсутствовала, а очень хотелось. Только и дубленочки сами по себе считались тогда большой ценностью и просто так в магазинах не продавались.

Вот посмотрели два приятеля, как мужичок какой-то торгует дубленками. Гудман померил, вроде, ничего. Тогда Лукошников отвел этого мужичка в сторонку, да и стукнул его по голове кулаком. Мужик этот упал, а Гудман с той дубленкой, на нем надетой, так и ушел, не расплатившись. Из-за сотрясения мозга, которое у несчастного продавца установили врачи, такое завладение меховым изделием для Гудмана и Лукошникова совершенно справедливо расценили как разбойное нападение. Буквально на следующий день с ними произошел другой эпизод, как две капли воды похожий на первый и все на том же рынке. Получилось так, что на следующий день Гудман сказал Лукошникову: "Знаешь, эта дубленочка мне вот здесь в плечах жмет, и вот здесь, видишь, рукава немножко коротковаты".

"В чем дело?", - с готовностью исправить недостаток спросил Евгений.

Они пошли на тот же рынок, где другого мужика точно так же стукнули. На этот раз дубленка подошла. Вот два эпизода разбойных нападений, два мужика в больнице оказались.

Более подробно и красочно об этом случае на суде давала показания жена второго мужика. "Я, - говорит, - смотрю, а мой муж, как гусек, головой-то мотает, а у него шишка на голове, такая, что фуражка не налезает".

Вот так два дерзких преступления, совершенных одно за другим прямо в течение суток. За исследованный период 1976-1978 годов у Евгения Лукошникова обнаружилось еще три разбойных нападения и четыре грабежа.

Лукошников практически все их признавал, не соглашаясь, однако, с явными натяжками следствия.

Например, один из эпизодов был такой. Иваков сказал при всех: "Тут есть один чудила по фамилии Фокин. Его Гудман знает, так вот он такая паскуда, мне насолил крепко. Вы его, ребята, поучите как следует, чтобы в больницу попал".

Именно потому, что этот Фокин оказался приятелем Гудмана, Иваков и поручил проведение задуманной операции именно Гудману. Так прямо и сказал: "Вот ты возьмешь братьев Забурениных, они все сделают как надо. А ты, как хорошо его знающий, только им его покажи, чтобы не репутать".

Гудман решил схитрить и не ссориться со своим приятелем. К тому же и пожалел его. Поэтому он показал братьям Забурениным на другого человека с тем, чтобы Фокин им не достался. Так что досталось другому человеку, которого братаны Забуренины и отметили. Его избили так, как и велел Иваков: неизвестный мужик попал в больницу.

Потом Станиславу Ивакову доложили, что все исполнено, как положено. Однако случилось непредвиденное - Иваков совершенно случайно Фокина встретил на улице.

Иваков был просто в бешенстве: "Вы чего, как это так? Я вам что поручил? Вы кого отправили в больницу? Я своими глазами этого Фокина на улице видел. Этот сука Гудман специально все так подстроил. Короче говоря, вот идет с вами Лукошников, он все это проконтролирует сам. А ты, Гудман, сам лично возьмешь кол, из соседнего забора его выдернешь, и по ребрам его отхерачишь как следует. Это после того, как его Буренины вырубят. А чтобы убедиться, что именно это Фокин, то вы принесете мне его права и паспорт, он водителем работает, и документы всегда при нем находятся".

Так вот и Лукошникову, и Гудману этот эпизод был вменен не только как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, не только как похищение документов, но и как разбойное нападение, с чем мы согласны не были. Дело в том, что внутри паспорта оказалась денежная трехрублевая купюра.

В условленном месте один из братьев Забурениных ударом в голову вырубил этого Фокина. И когда тот упал, братья Забуренины подняли ему куртку, а Гудман, как ему было велено, выломанным от забора колом огулял Фокина и потом забрал у него из кармана бумажник с документами. Штакетником же из забора избили Фокина так, что тот попал в больницу и отлежал там месяца два с разрывом легкого.

Эти действия справедливо расценили как причинение тяжких телесных повреждений, а также как похищение документов, которые у него были изъяты.

Но поскольку в бумажнике оказались еще и три рубля, то преступление квалифицировали еще и как разбойное нападение с завладением имуществом граждан.

Имелись у Евгения Лукошникова эпизоды, которые были квалифицированы следователями как хулиганство, сопряженное с особой дерзостью. Но хулиганства, как мы считали, здесь никакого и не находилось. Вот, например, какой случай расценили как хулиганство со стороны Евгения.

В его автомашину сел какой-то взвинченный, распалцованный парень, стал корчить из себя воровского авторитета, запугивать, высказывал угрозы. А потом начал предъявлять претензии и положил ногу на приборную панель, где бардачок расположен.

Тогда уж Евгений Лукошников не стал его сладкоголосо увещевать, а просто ударил с левой в челюсть, чтобы тот ноги не ставил, куда не положено ему. Вот этот эпизод и был ему вменен как хулиганские действия, поскольку у парня оказалась сломана челюсть.

Евгений Лукошников в течение двух лет, которые велось следствие, содержался в следственном изоляторе №1 - Матросская тишина. Он вел там обособленный образ своей тюремной жизни и не примыкал ни к одной из возникших там группировок. Он ни во что не вникал и не участвовал в каких-либо разборках.

Сначала такое поведение показалось странным, но некоторые подобное поведение ошибочно восприняли как его слабость или состояние страха.

Здоровенный верзила, который был назначен "смотрящим" по хате (камере), интуитивно подозревал, что лучше с Евгением не связываться, поэтому к нему стали подсылать всяких мелких шавок, чтобы они его задевали, "разводили", задирали...

Евгений Лукошников сторонился всех внутрикамерных интриг и разборок вовсе не потому, что кого-то боялся. Страх ему был неведом. Только лишь потому, что справедливо полагал - ему и своих дел вполне достаточно, а тут еще и чужие могут на него навалиться...

Когда он быстро понял, что его специально задирают, чтобы втянуть в конфликтную ситуацию, он взял одного из твякающих на него "шавок" за шиворот, подвел к смотрящему и доходчиво объяснил:

-Я сам здесь никого не трогаю. Но и меня трогать я никому не советую. Ты здесь смотрящий? Вот и смотри за этими... Если будешь плохо за ними смотреть, а они меня достанут, то я буду не с ними, а с тобой разбираться...

Здоровяк-смотрящий стал было принимать угрожающую позу, но Лукошников его строго предупредил:

-Я тебе вот этой шариковой ручкой глаза выколю. Или когда будешь спать, я в наволочку десяток шлемок (металлических мисок) положу, да и звездану

(здесь он употребил более емкое слово) тебе по башке. Тебя тогда утром уже холодным из камеры вперед ногами и вынесут...

Вид Евгения при этом был такой, что всем сразу стало ясно - он никого в своих утверждениях не обманет. На этом все обсуждения и дискуссии в камере вокруг его персоны закончились.

А когда Евгению Лукошникову принесли и вручили четыре тома обвинительного заключения, где целую страницу занимали только перечисления номеров вмененных ему статей Уголовного кодекса, то его и вовсе стали обходить стороной. У всех обычное обвинительное заключение состояло из пяти-шести листов...

Да и судебный процесс тоже шел с разными лирическими отступлениями.

Значительная часть свидетелей, допрошенных по делу, оказались общими.

Это были подставные лица - "ротики", которые оформлялись на работу в колхозы и расписывались за денежные средства в ведомостях. Встречались и руководители колхозов, которые клялись в том, что ничего не ведали и оказались подло обмануты проходимцами. Им, правда, было трудно объяснить, как они относились к полученным от этих подсобных цехов деньгам, которые золотым дождем полились в колхозы.

Иногда забавные случаи оживляли и разбавляли монотонность текущего судебного процесса. На Старицком сельскохозяйственном объединении по искусственному осеменению сельскохозяйственных животных (Тверской области) также имелся подсобный цех с аналогичным процессом производства. На допрос в суд пришла здоровенная, как шкаф баба, под два метра ростом и с руками, как с граблями. Она пришла вся нарядная, в одежде такой раскраски, что можно было предположить - это наверняка ее быкам должно понравиться. А, возможно, ее сам сторож колхозный раскрашивал. Да еще она пришла словно клоун размалеванная. И вся такая жеманная, здоровенная, с более чем коровьим выменем и телячьими глазами. Впрочем, её бюст при таких габаритах не выглядел безобразно. И когда судья стал задавать вопрос: "А вы где работаете?", - ответ прозвучал густым басом: "В Старицком объединении по искусственному осеменению сельскохозяйственных животных".

- А кем вы работаете?

-Бычаром.

-Простите, бычаром? А это что значит?

Женщина очень сильно смутилась, покраснела, потупила глаза и также тяжелым басом ответила:

-Чего-чего... За быками я там ухаживаю...

Отдельной чередой шли свидетели по эпизоду Огарева и его матери. Они не имели отношения к общему делу. Они касались только Лукошникова и Степникова.

Целыми вереницами проходили онанисты, лесбиянки, гомосексуалисты и другие извращенцы. Они и поведением резко отличались от всей остальной массы свидетелей. Секретарша брезгливо, двумя пальцами подавала им отдельно выделенную специальную ручку, чтобы они могли расписываться об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний на специальном листе бумаги. Их сразу можно выделить от прочих свидетелей по манере держаться, по специальным голосам и интонациям в голосе, по жеманным повадками и чудным жестам. В общем, публика соответствующая.

Закончился этот процесс для всех очень плохо. Он завершился вынесением четырех расстрельных, смертных приговоров.

Ивакову, Турину, Лукошникову и Степникову вынесли смертные приговоры. Лукошников и Степников были приговорены за убийство Валерия Огарева и его матери. Причем, показаниями Степникова сослались на виновность Лукошникова, а показаниями Лукошникова обосновали виновность Степникова.

Этого нельзя было сделать по той простой причине, что достоверность одних показаний исключала достоверность других, и друг другу они совершенно противоречили. Одновременно признать те и другие достоверными было невозможно. Не бывает одновременно две правды. Невозможно, но признали. И их обоих признали личностями, представляющими исключительную опасность для общества, и потом расстреляли.

Просто дело оказалось заказное. В этом деле, устанавливающим сроки следствия свыше тех, что указаны в Законе, для изменения самого Закона были подписи Л.И. Брежнева и стояла печать диаметром более десяти сантиметров Президиума Верховного Совета СССР.

О деле написали в газетах, что лишний раз подтверждает давление на него и руководящие указания со стороны партийных органов. Не надо конкурировать с государством в зарабатывании денег. И чтобы другим не повадно было, Ивакова расстреляли тоже, чтобы во власть не лез. А Турину, который занимался только подсобными цехами, хотя у него действительно имелись миллионы заработанных на этой ниве денег, заменили смертную казнь на 15 лет лишения свободы хотя бы из-за того, что он не высовывался, не влезал во властные структуры, не обеспечивал себя телохранителями и не вел себя явно вызывающе и раздражающе.

И.Д. Брауде (1885-1955 гг.) - член Московской коллегии защитников

## Убийство или самоубийство?

Этот роман политеатральной богемы, силою трагического случая облеченный в формы уголовного дела в советском суде, имел свой глубокий криминологический и бытовой интерес.

Этим лишь можно было объяснить то исключительное внимание, которое было уделено этому делу, разбиравшемуся в Московском губернском суде, со стороны квалифицированной публики, судей, адвокатов и журналистов, в течение пяти дней напряженно следивших за ходом процесса.

Убийство или самоубийство? Сама ли покончила с собой артистка Яблонская<sup>1</sup> эксцентричная, неуравновешенная женщина, вся - продукт отживших капиталистических отношений и связанной с ними угарной опереточно-ресторанной обстановки, или здесь действительно имело место исключительное по коварному замыслу, безмерно холодное по своей жестокости и обдуманности преступление.

И обвиняемый Батаев, молодой человек 25 лет в пенсне, невысокого роста, с незначительными чертами лица типа людей, о которых принято говорить - "бесцветный блондин", всем своим внешним видом при самой пылкой фантазии не давал оснований подозревать, что перед судом - закоренелый преступник. Правда, вспыхивавшие порой маленькие колючие глазки и неожиданно появлявшиеся в ответах на вопросы суда и сторон стальные нотки в голосе вызывали мысль, что этот юноша значительно и серьезнее, чем об этом можно было судить по его внешности.

Незаконченный юрист, актер, помощник режиссера и мелкий театральный администратор - вот выявившийся на суде стаж его, не заключающий в себе, однако, ничего ни авантюрного, ни рокового.

Но рано утром 14 января 1922 года этот молодой человек явился в 23-е отделение милиции взволнованный и расстроенный. Он подошел к дежурному участковому надзирателю и, положив на стол фотографические карточки и письма, прерывающимся от волнения голосом сказал:

"Сегодня ночью, когда я спал и утомленный ничего не слышал, жена моя Александра Яблонская покончила самоубийством, вскрыв себе вены на руке".

В одном из писем, которые Батаев представил милиции, было женским почерком написано следующее:

"Мой любимый, я умираю и ты последний, которого я люблю, и потому люблю всех больше и всех сильнее. Я умираю потому, что не могу жить без твоих нежных ласк, которых я никогда не знала, но которых так жаждала и о которых мечтала. Мое сердце было полно красных роз страсти, а душа была полна белых лилий чистоты моих чувств. Я прошу тебя в последний раз нашего земного соприкосновения, укрась мой гроб этими цветами, эмблемой моих чувств.

Я умираю с наслаждением и с радостью, потому что

уношу мой идеал любви с собою в тот мир, где он увянет. Мне не было места в этом мире, я казалась в нем странной и ненормальной даже тебе, мой возлюбленный, потому что всегда стремилась к мечте прекрасной, как сон, и непонятной окружающим меня. Шура".

На письме этом был указан следующий адрес: "Моему милому, что был дороже мне всего на свете, Борису".

Другое письмо, написанное чернилами на листе линованной бумаги, было такого содержания:

"Мой милый Борис. Когда ты проснешься и увидишь меня мертвой, не пугайся и не бойся меня, потому что, если мы не теряем сознания после смерти и наши души живут, то по-прежнему, как при жизни, я тебя буду любить, а потому одного только добра и счастья буду желать тебе.

Если встреча с тобой была для меня роковой, то и любовь и наслаждение были такими же, а поэтому особенно остро незабываемыми никогда и нигде.

Прошу тебя, поцелуй меня крепко в губы. На них осталась жажда томительная и жгучая прикосновения твоих губ, ибо ты так редко дарил меня поцелуями и ласками, от чего я страдала так сильно. Шура".

На одной фотографической карточке была такая надпись:

"Если возможно из того мира, куда я ухожу, следить за твоей жизнью, я бы хотела только знать, будет ли любить тебя кто-нибудь крепче, чем я. Шура. 1/1-1922 г."

На другой значилось следующее: "Когда поймешь, что жизнь не для тебя, удар за ударом убедят тебя в этом, то умри так же смело, как умерла я, ибо в этом есть красота. Шура. 1/1-1922 г."

Вследствие сделанного Батаевым заявления, участковый надзиратель Иванов и агент МУРа Линке совместно с Батаевым отправились на место происшествия на квартиру Яблонской.

Дверь комнаты, в которой проживала Яблонская, была заперта на ключ; ключ находился в кармане у Батаева. Милиция вошла в комнату. На диване, на правом боку лежал труп женщины еще не старой, красивой наружности. На ней был шелковый пеньюар, белые чулки и белые туфли. Лежала она левой стороной тела к стене; правая рука была вытянута, вены на ней были в двух местах разрезаны; левая рука была в согнутом положении; на шее замотано полотенце, причем между узлом, в который были завязаны концы этого полотенца и подбродком, было значительное расстояние.

Рядом с диваном стоял белый кувшин и металлическая кастрюля, наполненная кровью; на полу валялся окровавленный маникюрный инструмент и отломанное от ручки лезвие маленького перочинного ножа. Голова трупа Яблонской лежала на подушке, покрытой следами крови.

При поверхностном осмотре трупа обнаружено следующее: труп женщины среднего роста, хорошего телосложения и питания; губы полуоткрыты и искривлены в

правую сторону; ушные и носовые отверстия чисты; на шее на 11/2 см. вправо от адамова яблока заметны ссадины и полоса светло-фиолетового цвета; в области живота - светло-фиолетовые трупные пятна и полудуговая вдавленность, совпадающая с половыми органами; на правом бедре выделяются трупные пятна светло-фиолетового цвета, на нижней трети бедра полосы от завязок; на левой коленке есть давление.

Приглашенный милицией судебный врач после осмотра трупа дал заключение, что, судя по данным осмотра, а также оставленным покойной письмам, надлежит предположить, что Яблонская собственной рукой перерезала себе лучевые артерии и вены с целью самоубийства.

Допрошенный вкратце Батаев показал, что жена его, с которой он сожительствует около трех месяцев, страдала тяжелым нервным заболеванием, но отказывалась лечиться, несмотря на все его предложения. Еще накануне утром она передала ему письмо, в котором писала, что решила умереть, так как убедилась, что он ее не любит. Он посмотрел на это письмо, как на обычное проявление ее истеричности и предложил ей прекратить подобные глупости.

Последний вечер он хотел встретить новый год в семье родителей, но жена упросила его, чтобы он этот вечер, вечер под Новый Год, провел с нею. В 11 часов вечера он приехал к ней и нашел ее несколько возбужденной. Она была одета для встречи Нового Года, как на бал, была оживлена и ласкова. Когда ушли родные, встречавшие вместе с ними Новый Год, он лег спать один, так как жена сказала, что сегодня для нее торжественный день, а потому она хочет остаться чистой и ляжет в постель только тогда, когда он уснет.

Заснул он очень крепко, так как всю предыдущую ночь был в гостях и не спал. Проснувшись утром, в начале 10-го часа, неожиданно увидел, что на диване лежит жена, уткнувшись лицом в подушку, на правой руке ее кровь и на шее слабо стянутое полотенце. Подбежав к ней, он быстро развязал полотенце и увидел, что она уже мертва; взял ее за левую ногу и, приподняв на диване, выпрямил. Затем взял письмо и фотографические карточки с надписями, лежавшие на столе, наскоро оделся и, покрыв труп шалью, пошел заявить о случившемся в 23-е отделение милиции.

Несмотря на то, что впоследствии на предварительном и на судебном следствии участковый надзиратель Иванов утверждал, что обстановка, в которой труп был обнаружен, сразу заронила в нем подозрение о насильственной смерти, правдоподобность показаний Батаева и, главным образом, письма и надписи на карточках покойной не давали формальных оснований к прямым подозрениям против Батаева.

Милиция собиралась уже уходить, как в комнату неожиданно вбежала соседка Яблонской по квартире Полина Львова. Вздвигнувшись, она обратилась к милиции с криком:

"Не верьте ему, он ее сам уморил; в час ночи я и мой муж слыхали из ее комнаты необыкновенно сильные стоны и выкрикивания; я подошла к самой двери ее и снова слышала стоны, а потом все стало тихо".

Затем Львова рассказала милиции, что отношения между супругами были, с ее точки зрения, очень странные

и между ними происходили постоянные скандалы на материальной почве.

Вызванный вслед за Полиной Львовой ее муж подтвердил, что и он также слышал стоны и выкрики из комнаты Яблонской.

В виду возникших таким образом подозрений о насильственной смерти Яблонской, делу был дан соответствующий законный ход, вылившийся в чрезвычайно подробное и длительное обследование всех обстоятельств, предшествовавших смерти Яблонской.

По мере расследования стали выявляться все новые и новые факты, усилившие подозрения следственной власти в виновности Батаева, если не в прямом убийстве, то в сознательном оставлении без помощи своей умирающей жены.

Одним из серьезных, уличающих моментов обвинительная власть считала то обстоятельство, что перерезы вен у Яблонской были на правой руке, а не на левой, тогда как было твердо установлено, что Яблонская левшой не была.

Казалось странным также, что Батаев, обнаружив рано утром смерть своей жены, не нашел нужным сообщить об этом никому в квартире и даже проживавшему в соседней комнате родному брату Яблонской, Павлову, а сразу, захватив все подтверждающие самоубийство материалы, побежал в милицию.

Невероятным представлялся следственной власти также факт свободного разгибания ног у трупа Яблонской после истечения не менее 8-9 часов с момента смерти.

Недоверие вызвало и заявление Батаева о том, что он ничего не слышал и не видел, между тем как спал рядом в небольшой комнате на расстоянии 2-х аршин от Яблонской с ночи и до 10 часов утра.

Был опрошен целый ряд родственников и знакомых покойной Яблонской и следствием действительно было установлено, что между супругами в последнее время были постоянные ссоры на почве денежных расчетов.

В квартире Батаева и Яблонской был произведен обыск. В комнате Батаева был обнаружен мешочек с золотыми монетами, как впоследствии выяснилось, принадлежавшими Яблонской, а в комнате последней, среди различных писем, были найдены дневник ее и следующие документы:

Договор, написанный рукою Батаева, такого содержания: "Мы, нижеподписавшиеся, граждане города Москвы, Батаев, с одной стороны, и Яблонская, с другой стороны, заключили между собой настоящий договор в том, что Батаев обязуется жениться на гр. Яблонской на следующих условиях:

1. В течение недели от 5/II по 12/XII должен быть заключен брачный договор в комиссариате.
2. Венчание должно произойти в первых числах февраля 1922 года.
3. Гражданка Яблонская предоставляет гр. Батаеву полную свободу во всех его действиях как служебных, так и касающихся личной стороны его жизни.

Примечание 1. Никаких сцен и ссор в жизни гр. гр. Яблонской и Батаева быть не должно.

Примечание 2. Возможны единичные измены как с той, так и с другой стороны, которые, конечно, не могут являться причиной к разводу.

4. Гражданин Батаев гарантирует гражданке Яблонской совместную жизнь до тех пор, пока гр. Яблонская сама не захочет развода.

5. В случае развода гр. Батаев обещает уплатить из всего наличного своего состояния гр. Яблонской при точном учете совместно с нею всего состояния.

6. В случае нарушения хотя бы одного пункта настоящего договора, весь договор должен быть расторгнут, но обязательно при соблюдении п. 5.

Подписи: Батаев и Яблонская. Свидетели.

Затем была найдена следующая надпись рукою Яблонской такого содержания:

"Мы, нижеподписавшиеся, Яблонская и Батаев заключили между собою следующие условия:

1. Я, Яблонская, отдаю гр. Батаеву в день заключения нашего брака 125.000.000 рублей (Все цифры в дензнаках 1922 г.).

2. Расходы по бракосочетанию и стоимость первых 3-х месяцев жизни после вступления в брак принимаю на себя я, Яблонская.

3. В случае расторжения брака по желанию Яблонской я, Батаев, обязуюсь возратить Яблонской, моей жене, половину взятой мною у нее суммы, исчисляя размер таковой в момент возврата, соответственно курсу денежного знака в переводе на золотую валюту в момент заключения брачного договора, т. е. определив, какому количеству золотых рублей эквивалентна взятая мною у Яблонской вышеозначенная сумма.

4. В случае расторжения брака по моему желанию, я, Батаев, обязуюсь возратить всю сумму целиком в порядке, изложенном в п. 3 сего условия.

5. Издержки по нашей совместной жизни по истечении 3-х месяцев после вступления нашего в брак лежат на мне, Батаеве.

6. В случае, если временно я не буду проживать совместно с моей женой, Яблонской, в замужестве Батаевой, без того, чтобы наш брак считался расторгнутым, расходы на ее жизнь я принимаю на себя.

Батаев.

Свидетели.

Соответственно сему договору получил от Яблонской Батаевой 125.000.000 рублей".

Кроме того, в комнате Яблонской была найдена расписка, написанная рукою Батаева, нижеследующего содержания:

"Получены от Яблонской 4 млн. рубл. в счет пая на организацию театра".

Свидетельскими показаниями было установлено, что, вскоре после замужества Яблонской с Батаевым, в конце 1921 г. он продал один из двух бывших у нее крупных, по 9 каратов, бриллиантов и получил за него 138 млн. рубл. советскими дензнаками, взяв из них на 48 млн. рубл. золотыми монетами. Эти 138 млн. рубл., а также оставшийся у Яблонской нереализованным бриллиант и были главной причиной постоянных ссор между Батаевым и Яблонской.

Среди свидетелей, характеризовавших взаимоотношения между Батаевым и Яблонской, особенно подробные объяснения дал некто Зубов, уже пожилой человек, когда-то очень богатый и до появления Батаева состоявший у Яблонской на положении не то мужа, не то "ста-

рого друга", как она называет его в своем дневнике.

Сам Зубов на суде утверждал, что он был ее мужем и жизнь их была основана на взаимном доверии; к его несчастью, он определил ее в музыкальную драму, где она и познакомилась с Батаевым. Зубов и на следствии, и на суде, между прочим, показал:

"Яблонская неоднократно мне говорила, что Батаев ее, видимо, надул, что он ее не любит, и она не знает, каким образом вернуть от него хотя бы часть денег и разойтись с ним. Также Яблонская мне рассказала, что Батаев как-то ночью душил ее из-за денежных расчетов. Я ей советовал уйти от него. Какие были ценности у Яблонской, я не знаю, но перед тем, как она выходила замуж за Батаева, она мне говорила, что собирается выйти замуж, но Батаев не соглашается на ней жениться без денег и поэтому она хочет продать один ценный камень". Далее, свидетель Зубов рассказал, что, по словам Яблонской, за камень она получила часть советскими дензнаками, а часть золотыми монетами. Приблизительно за неделю до смерти она показывала ему деньги и в его присутствии подсчитывала их. Советскими дензнаками было 78 млн. руб., из которых, по ее словам, 50 млн. руб. она собиралась истратить на котиковое манто. Золотые деньги находились в отдельном мешочке, и какое количество их было, свидетель не помнит.

О меркантильном характере отношений Батаева и Яблонской говорит и свидетельница, подруга покойной, Марина Шлиппе. По ее словам: "Яблонская по натуре была человеком крайне религиозным и в тоже время скупой. Бывали случаи, когда она отказывала себе в обеде, лишь бы не продавать ценности". О начале сближения между Батаевым и Яблонской свидетельница рассказывает:

"Приблизительно за 2-3 месяца до смерти Яблонской она мне поведала, что увлеклась неким Батаевым, которого я раньше не знала. Она меня с ним познакомила, и вскоре я узнала, что она с ним сошлась. Приблизительно в ноябре Яблонская мне рассказывала, со слов Батаева, что у него есть молодая невеста, у каковой к тому же есть деньги. Она, то есть Яблонская, спросила его, что, если бы у нее оказались деньги, то согласился бы он на ней жениться и нравиться ли она ему. Он будто бы ответил, что готов был бы на ней жениться, так как она ему нравится. Тогда она ему показала свои камни, и он был крайне поражен, так как до этого она часто занимала у него деньги маленькими суммами. Они сговорились и стали женихом и невестой... Впоследствии при мне был инцидент, когда он хотел получить у нее все ее деньги, она же не давала. Тогда он выпросил у нее 15 млн., якобы в виде задатка на театр... Когда она дала ему большую сумму денег, я не знаю, но знаю, что она обещала уничтожить договор в день церковного брака.

Родственник Яблонской, Ветров, свидетельствует о чрезмерной, по его мнению, имущественной заинтересованности Батаева, выразившейся, якобы, в стремлении Батаева завладеть деньгами и имуществом Яблонской даже после ее смерти.

Свидетель Ветров, равно как и свидетель Зубов, утверждали, что Батаев сумел внушить Яблонской убеждение в том, что он очень дельный человек и в самый короткий срок сумеет извлечь огромный доход из реализованных

ею ценностей. Яблонская не раз говорила им, что Батаев рисовал перед нею блестящие перспективы, говорил, что он устроится пайщиком в кино "Амбир", что у Арбатских Ворот, снимет на святки Охотничий клуб, где Яблонская будет играть первые роли, войдет пайщиком в кино "Труд" и т. д. Несмотря на то, что Ветров, а также и другие родственники покойной не советовали ей выходить замуж за Батаева, т. к. видно было по всему, что он женится на ней исключительно из-за денег, она этому верить не хотела. Впоследствии она жаловалась им на то, что Батаев ее надул, что все его коммерческие планы являются мыльными пузырями, и она поняла, что Батаев ее не любит. Убедившись в последнем, она хотела разойтись с Батаевым и требовала возвращения ей хотя бы 20 млн. рублей из взятых у нее сумм.

Поведение Батаева после смерти Яблонской представляется свидетелю Ветрову странным и подозрительным. После того, как арестованный сначала Батаев был вскоре отпущен на поруки, он снова пришел на квартиру с какими-то мужчиной и женщиной и заявил, что вздорное обвинение против него снято, и он сможет теперь похоронить жену где и как захочет. Между прочим, он говорил, что похороны устроит шикарные, осыплет ее цветами и похоронит ее "невестой", как она этого хотела.

"Я, - говорит свидетель, - возражал против устройства богатых похорон, ссылаясь на то, что после Яблонской остались братья и сестры совершенно без средств к жизни. На это Батаев отвечал, что он муж Яблонской и его право распоряжаться ее средствами, как ему угодно; что же касается родственников Яблонской, то он сам о них позаботится. На этой почве у нас произошла ссора, после которой я попросил Батаева оставить мою квартиру.

За день до похорон, рассказал далее свидетель Ветров, Батаев снова пришел на квартиру. В этот раз уже он не претендовал на устройство шикарных похорон и просил не ссориться, а разойтись по хорошему, говоря, что ничего из имущества Яблонской ему не нужно.

Между прочим, я спросил Батаева, куда же делись ее ценности, в особенности индийский бриллиант, который, как нам было известно, должен был остаться у Яблонской и который при обыске не был обнаружен. На это Батаев ответил мне, что если бы он мог зайти в комнату Яблонской (комната была опечатана), то он нашел бы там эти ценности".

По словам свидетеля Ветрова, он понял Батаева так, что утром, обнаружив труп трагически погибшей жены, Батаев до ухода в милицию успел не только припрятать все находившиеся на виду ценности, но еще и обыскать труп.

Впоследствии на суде обвинитель тов. Пинес этому моменту придавал значение исключительной улики, как подтверждавшей эгоизм и холодный расчет в действиях Батаева.

Свидетель Шевтель, портной, который шил Яблонской котиковое манто, рассказывает, что после смерти Яблонской у него осталось ее старое пальто. По истечении приблизительно 2-х недель уже после смерти Яблонской к нему приехал Батаев и требовал это оставленное Яблонской пальто, на что жена свидетеля сообщила ему, что пальто у него взял брат покойной, приезжавший к нему с Зубовым. Батаев на это возразил, что лично про-

тив свидетеля он ничего не имеет, но с Зубовым рассчитается, так как он не имел права получать пальто.

Спустя, приблизительно, месяц свидетель встретил случайно Батаева на Трубной площади, причем Батаев сказал ему, что он получит пальто, принадлежащее ему, Батаеву, по праву и рассчитается с Зубовым.

Свидетель Петров показал, что 12 января он зашел к Батаеву на квартиру и обратил внимание, что на столе у него лежали золотой портсигар, золотые часы и несколько золотых монет. Петров поинтересовался, откуда у Батаева эти вещи. Батаев ответил, что он выиграл крупную сумму в карты и приобрел все эти вещи. Затем Батаев рассказал ему, что он женился, и показал договор. Вечером Батаев пригласил Петрова на квартиру Яблонской. В этот вечер у Яблонской происходила пирушка, на которой присутствовала подруга Яблонской Шлиппе. Утром 13 января Батаев и Петров пошли в кафе "Аре" пить кофе, и там Батаев показывал Петрову письмо Яблонской о том, что она кончает жизнь самоубийством. Петров по поводу этого письма сказал Батаеву, что, по его мнению, Яблонская, - женщина больная и ее нужно лечить.

Между прочим, как сам Петров, со слов Батаева, так и Шлиппе, и другие свидетели показали, что истеричная Яблонская приходила в нервное возбуждение от каждой житейской неприятности или неурядицы, она часто угрожала окружающим самоубийством, писала письма с угрозами покончить с собою, но в исполнение своих угроз обычно не приводила.

В этом смысле большой интерес представляет показание близкой подруги Яблонской, Гилевой, учившейся с ней в юности в гимназии и переписывавшейся с ней до последнего времени.

"Числа 11 января по ст. стилю я получила от Яблонской письмо, в котором она сообщила, что заключила гражданский брак с каким-то Батаевым и намерена обвенчаться с ним и церковным браком после крещения по старому стилю. В этом же письме она усиленно звала меня в Москву на свадьбу, говоря, что ей надо посоветоваться со мной, прежде чем выйти замуж за Батаева, так как она ему не доверяет, хотя и любит его. Он был моложе ее на несколько лет.

14 января я отправилась в Москву по зову Яблонской. Прибыв во вторник в Москву, не застала Яблонской в живых...

С своей стороны должна сказать, что у меня являются сомнения, могла ли Яблонская сама лишиться себя жизни. Она была женщина экспансивная, сумасбродная и за последнее время, как я узнала от ее родных, стала кокаиновой.

Однако, мне известно, что Яблонская любила жизнь и жадно цеплялась за нее. По рассказам Яблонской в ее жизни был уже такой случай, когда она, желая испугать любимого человека, пыталась отравиться, но была спасена. Это было лет 11 тому назад и потому подробностей этого случая я не помню.

Пока я ездила в Москву, без меня в Вятке получили письмо от Яблонской на мое имя. Она в этом письме умоляла меня приехать; так как хочет покончить с собой".

Тягчайшей уликой в глазах следствия и обвинительной власти было следующее обстоятельство.

Свидетель Свитальский показал:

"Батаева я знаю с 1921 года. Он был у меня администратором спектаклей в клубе МКХ. Встречались мы с ним также и в столовой Чибисовой, где обедала преимущественно артистическая молодежь. Беседа со мной и делаясь со мною своими переживаниями, Батаев поведал мне однажды, что он собирается жениться на одной студийке. Через некоторое время после этого он показал мне штук 5-6 фотографических карточек - открыток женской головки. Когда я спросил его, кто эта женщина, он ответил: моя невеста. "Как - возразил я тогда, - ведь вы любите студийку". "Да, - сказал он, - но это ничего не значит; я вступаю в брак по любви; то есть я женюсь на 600 млн. руб., а там дальше видно будет".

"Прошло много времени, Батаев не был уже администратором в моем театре. Однажды, встретившись со мною, он отвел меня в сторону и сказал:

"Виктор Иванович, не можете ли вы мне достать сильного яду грамм 5-10. Мне нужно отравить мою любимую собаку, она больна, мучается, и я хочу отравить ее сам".

На это я ответил ему иронически: "Зачем вам это делать; ведь у вас есть сейчас деньги; заплатите ветеринару и он вам выполнит всю эту работу законным путем, ибо имейте в виду, что это преследуется законом".

Разговор наш был прерван приходом в контору нескольких лиц, в числе которых был один военный врач, к которому Батаев и обратился с тою же просьбой дать ему яд. Врач дал ему при мне какой-то порошок, а другой обещал принести позднее.

По этому же самому моменту дал показания и театральный врач Гамбург:

"Батаев несколько раз обращался ко мне с просьбой выписать ему рецепт на стрихнин. На мой вопрос, для какой цели ему нужен этот яд, Батаев говорил, что у него имеется старая, очень больная собака, которая мучается и ему необходимо ее отравить. Эту просьбу Батаев несколько раз повторял в присутствии служащих канцелярии театра, говорил об этом громко и не стесняясь. Я яда для собаки не выписал и сказал ему, что лично я не мог бы отравить даже и такой собаки. Просьба эта была обращена ко мне приблизительно в декабре 1921 года, а затем просьбы эти неоднократно повторялись и были очень настойчивы, но я ему все же рецепта не дал".

Большим материалом для обвинения явилось показание брата покойной Яблонской, Дмитрия Павлова, последнее кроме Батаева видевшего ее в вечер накануне смерти:

"Так как в этот вечер был канун нового года по ст. ст., то во время ужина у нас завязался разговор на святочные темы. Потом сестра стала рассказывать о своей заграничной жизни, а я - о жизни фронта. Во время разговора сестра кашлянула и я шутя сказал ей, что она уже становится старухой. На это она мне ответила, что она до этого времени не доживет и у нас начались разговоры на тему о смерти: я рассказывал как умирают на фронте, а сестра - как умирали древние римляне. Я предложил сестре, шутя, веревку повеситься, она сказала, что не согласна умирать такой смертью и хотела бы умереть, как умирают римляне. Затем она взяла с меня слово, что я пойду с ней на следующий день в Яузскую больницу навестить нашего младшего брата Александра, причем

говорила, что одна идти в больницу боится, так как на ней новое манто и его могут украсть, если она разденется, в приемной. В первом часу ночи пришел Батаев и я ушел в свою комнату, брат же мой ушел еще раньше...

Через несколько времени я снова зашел к сестре в комнату и увидел, что сестра сидит за письменным столом, в правой руке у нее фотографическая карточка, та самая, которая мне была предъявлена, а на столе лежат еще фотографические карточки. Я попросил у нее папиросу, и она велела взять ее в шкафу, и дать также ей одну. В это время вошел Батаев и сел на кресло возле печки. Когда я вышел, Батаев поднялся и запер на ключ дверь комнаты. Я пошел к себе в комнату и сразу же лег спать. Утром около 10 часов я услышал, как Батаев отпер дверь в комнате сестры, вышел, запер ее и ушел через черную дверь на кухню.

О смерти сестры я узнал только на следующий день, придя домой со службы".

Другой брат Яблонской, Георгий Павлов, рассказал подробнее о моменте, когда Яблонской принесли котиковое манто.

Сидевшая до этого несколько грустная, Яблонская, принимая и примеряя манто, воскликнула: "Ну вот, как я счастлива, мне больше ничего в жизни не надо. Котиковое манто - это моя мечта".

В виду всех этих добытых следствием данных, обвинение Батаеву было сформулировано следующим образом:

"Воспользовавшись удачно сложившейся обстановкой, в ночь на 14 января 1922 года когда Яблонская, прибегнув к своему излюбленному способу симулирования самоубийства, написала прощальное письмо и сделала соответствующие надписи на фотографических карточках, гражданин Батаев сделал то, на что не хватало ни силы воли, ни желания у самой Яблонской, а именно: перерезал вены на ее руке, предварительно приняв меры к тому, чтобы не были слышны соседям ее стоны и крики, для чего стянул ей шею полотенцем, обнаруженным при осмотре трупы Яблонской, вследствие чего гражданин Батаев 25 лет обвиняется в том, что, заключив в конце декабря 1921 года с артисткой Яблонской 34 лет брачный договор исключительно с намерением воспользоваться ее денежными средствами и ценностями и получив в свое полное распоряжение вскоре после вступления в брак значительную долю ее состояния, он задался мыслью избавиться от Яблонской, надоедавшей ему ссорами из-за денежных расчетов и угрозами покончить жизнь самоубийством, и воспользоваться остатками ее имущества; для чего в ночь с 13-го на 14-ое января 1922 г. решил использовать для осуществления своего преступного намерения созданную Яблонской в своей комнате обстановку, вполне благоприятную для симулирования самоубийства, перерезал левую артерию правого предплечья Яблонской, отчего последовала смерть Яблонской, т.е. в преступлении, предусмотренном п.п. А и Д 142-ой статьи Уголовного Кодекса".

Как развернулось на суде это любопытное дело?

Перекрестный допрос судей, прокурора, поверенного гражданского истца и двух защитников развернул дело значительно шире, нежели оно представлялось на предварительном следствии. Многие моменты, казавшиеся

темными и неясными на следствии, получили объяснение после обстоятельных показаний самого Батаева и экспертизы проф. Минакова. В то же время некоторые необъяснимые действия Яблонской сделались понятными и логически последовательными лишь в свете ее личности, отразившейся в подробно разобранным на суде ее дневнике.

Батаев еще в стадии предварительного следствия подал на имя следователя любопытное заявление, в котором объясняет характер его взаимоотношений с Яблонской и пытается пролить свет на некоторые темные моменты в его деле:

"Уважаемый гр. следователь. Строго продумав в течение почти 2-х месячного заключения все происшедшее, прошу присовокупить к моему делу это мое подробное показание, освещающее стороны дела.

#### 1. Наши взаимоотношения.

Моя жена - актриса, живущая аффектированной жизнью, где игра и жизнь так тесно переплетаются, что границы становятся незаметными. Ведь мы на сцене чуть ли не ежевечерне умираем, или делаем попытку к самоубийству или угрожаем, что покончим с собою. Мы к этому так привыкли, что нас этим не удивишь. Жена была актрисой всеми фибрами души. Она жила сценой, она переносила ее в дом. Должен сказать, что одной из причин нашего душевного расхождения и было то, что жена и дома была актрисой, а мне хотелось отдохнуть в обстановке реальной, неаффектированной жизни. Я искал житейской правды, а находил сценическую красоту.

#### 2. Любил ли я или не любил свою жену?

Я к ней относился хорошо, предупредительно, внимательно, но она утомляла до изнеможения мою нервную систему. Эти вечные разговоры о самоубийстве, этот экзальтированный культ смерти, навешанный театрально-сценической полуискренностью, меня настолько утомляли, что я впадал в полную апатию и безразличие.

#### 3. Отчего жена хотела умереть?

Я не психолог, чтобы проникнуть в тайники души женщины-артистки с возбужденным воображением, воспитанной в условиях сценической деятельности. Трудно будет и вряд ли вообще возможно сделать это и вам.

Во всяком случае, жена была на 9 лет старше меня и это играло роль не в моих, а в ее глазах, и в письмах, оставленных ею перед смертью, есть фраза, свидетельствующая, что в цепи мыслей, наполнявших голову этой женщины, заметную роль играла мысль, столь тяжелая для многих женщин, а в особенности для актрисы, мысль о приближающемся увядании.

Примешивалось ли к этому также и чувство ревности? Жена знала, что у меня была давняя спокойная привязанность к одной особе, но это было не активное чувство, а скорее чувственно окрашенное воспоминание. Возможно (и последнее письмо дает основание так думать), этот факт играл некоторую роль в трагической смерти жены; возможно, что у нее создалась сложная идея "жертвы", идея "своевременного добровольного ухода с пути" и пр. Повторяю, я не психолог и высказываю одни лишь догадки. Одно несомненно, и я это утверждаю, что все эти идеи и страхи были болезненно преувеличены, что я к ним не подавал прямого повода, я их только смутно, пассивно воспринимал, и у меня было чувство тяже-

лой, тупой усталости. Впрочем, иногда разговоры о смерти приводили меня в состояние нервного возбуждения, что бросалось в глаза даже и посторонним. Я даже обращался к знакомым с просьбой достать яд. Конечно, эти обращения были не серьезны, ибо если бы я хотел достать яд, мне это было бы легко сделать, но в этом обращении был крик досады, накопившейся в моей душе, а может быть, желание показать жене, что я в ее угрозы покончить с собой абсолютно не верю.

Здесь я хочу твердо установить один основной кардинальный факт. Я спал, крепко спал во время ее убийства и ничего не слышал из того, что делалось в нашей комнате. Она умерла от истечения крови. Если вы читали Сенкевича, вы должны знать, что это самый тихий, приятный вид смерти, а если вы пробовали не спать ночь, то вы знаете, как глубоко человек может заснуть после бессонной ночи.

Кроме того, она в этот день абсолютно ничем не проявила себя, что могло бы заставить меня бояться приведения в исполнение ее угроз. Если находится свидетельница, которая говорит, что слышала стоны и хрип в нашей комнате, то это показание должно лечь на совесть этого свидетеля; для доказательства моей вины оно совершенно несущественно. Экспертиза твердо установила отсутствие признаков насильственной смерти. Весь вопрос в том, могли ли меня разбудить этот легкий стон и хрипы, которые слышали свидетели, приложив ухо к двери, а что этот стон мог быть только легким, ясно также и из того, что он мог быть следствием не боли (подобная смерть безболезненна), а следствием сопутствовавшего или предшествовавшего душевного состояния жены.

#### 4. Мое поведение после пробуждения.

Почему я не поднял шума? Спросите об этом у психологов и у психиатров, но не полагайтесь на обывательские рассуждения. Именно с точки зрения обывательской я и должен был бы симулировать ужас, поднять крик, если бы я был причастен физически к ее смерти или даже если бы только морально, сознательно способствовал ей. Мое состояние было состоянием оцепенения, вероятно, хорошо известным, когда человек способен к целесообразным действиям, поступкам и даже наблюдению и вместе с тем у него парализованы высшие формы сознания. Только в милиции я стал выходить из этого состояния и у меня появилась способность плакать.

В заключение я хочу сказать, что при всех строях общества люди останутся людьми, будут любить, ревновать, стариться, сожалеть об этом. При всех строях будет иногда иметь место и душевный разлад между мужчиной и женщиной, между человеком более уравновешенного характера и человеком болезненно экзальтированным, волею случая соединенных жизнью в браке. При всех строях одним будет житья легко, а у других душа будет изранена трагизмом переживаний, выпавших на их долю. Может быть, мы больше повинны в страданиях ближних, чем нам это кажется. Может быть, перед высшим судом совести это может быть формулировано даже как не оказание помощи, но в таком случае измерьте и себя тою же мерою. Скоро уже год, как вы мучаете меня, пережившего драму столь ясную и столь очевидную, стараясь подвести под судебную норму. Не мучайте меня, чтобы вам самим не быть повинным в от-

ношении меня в неоказании помощи. Ведь мои душевные силы висят на волоске".

На суде Батаев давал пространные объяснения в плоскости этого же письменного своего показания и детально на вопросы сторон развивал отдельные моменты. Он целиком отрицал меркантильный характер его брака с Яблонской, утверждая, что первый договор был заключен по инициативе самой Яблонской, а о втором договоре он не имел никакого представления и его не подписывал. Согласился он заключить первый договор и взять у Яблонской деньги для вклада в прибыльное, по его мнению, предприятие, так как опасался, что сам не сможет материально ее обеспечить. Просьбу о том, чтобы он дал движение ее ценностям, воспринял охотно, так как полагал, что сможет в интересах самой же Яблонской значительно увеличить ее капитал.

Показания Ветрова и других о, якобы, грубой материальной заинтересованности, проявленной им после смерти Яблонской, он считает вымышленными и возникшими на почве собственной же у этих свидетелей имущественной заинтересованности. Вскоре после смерти Яблонской Ветров и другие родственники Яблонской требовали от него расписки в том, что он никаких притязаний на оставшееся после Яблонской имущество иметь не будет, обещая в случае согласия выдать расписку о том, чтобы способствовать прекращению возникшего уже уголовного дела, а в противном случае создать против него улики, которые его погубили бы.

В основном Батаев категорически утверждал и доказывал на суде, что он не только не повинен в смерти Яблонской, но в роковую ночь ровно ничего не слышал, в угрозы самоубийством серьезно не верил и поэтому смерть ее для него явилась полной неожиданностью.

Следует в то же время отметить, что личность Батаева, представшего на суде столь мрачно в приведенных уже показаниях свидетелей Зубова и Шлиппе, в устах ряда других лиц, допрошенных по делу, его бывших сослуживцев по театру, кино и др. учреждениям, получила совершенно иное освещение.

Они говорили о нем как о культурном, честном и способном молодом человеке, отдавшем свой досуг общественной работе, увлекавшемся всякими начинаниями в области искусства, не плохом администраторе и прекрасном товарище.

Между обвинением и защитой после судебного следствия произошли продолжительные прения, соответствовавшие всей сложности этого своеобразного дела.

В интересах краткости мы приведем в порядке изложения соображений защиты и те основные положения, на которых базировалось обвинение.

Главным аргументом защиты против обвинения Батаева в убийстве Яблонской был дневник покойной и ее письма, ибо, с точки зрения защиты, эти документы с определенной и железной последовательностью говорили об одном: Яблонская - типичная истеричка со свойственными истеричкам постоянными изменениями настроения от крайнего возбуждения к глубокой депрессии. На протяжении последних лет у нее наблюдается навязчивая мысль о самоубийстве, укрепляющаяся с каждым го-

дом и в последнее время принявшая характер некоего непреодолимого патологического желания.

Дневник написан рукой женщины с несомненным литературным дарованием. Он обнимает несколько лет, начиная с 1916 года. В нем обрисовывается женский тип, черты которого, прежде всего, отражают среду мелкобуржуазной богемы с ее мешанской идеологией, с одной стороны, и наигранными театрализованными стремлениями к внешним эффектам, с другой. Дневник носит характер рисовки, некоторого самолюбования, но душевный разлад, раздвоенность автора отражает, по-видимому, правильно.

В то же время дневник, несомненно, правильно отражает социальный тип Яблонской на фоне специфических, экономических и бытовых отношений последних лет дореволюционного времени и первых лет послеоктябрьского периода.

Яблонская сама о себе говорит, что ее "культ" - это "культ любви", и во многих местах дневника дает понять, что этому культу она служила не всегда бескорыстно.

Себя в своем дневнике она определяет так: "Я слишком люблю жизнь, люблю любовь. Разве я виновата, что так создана природой. Одна актриса назвала меня трепещущей самкой. Это выражение очень грубое, но возможно, что оно отчасти подходит".

Поездки за границу, Ницца, Монте-Карло, шумные рестораны Западной Европы, встречи с князьями, графами и просто с богатыми купцами, подарки драгоценностями и деньгами пестрят в ее дневнике и говорят о том, что от жизни, от той шумной ресторанной, угарной жизни, в которой покойная, по-видимому, чувствовала себя на своем месте и без которой жить ей было тяжело, Яблонская взяла очень много. Но уже в 1916 году Яблонская, по-видимому, находит у себя седой волос, этот первый признак увядания. Это заставляет ее, преданную "культу любви", оглянуться на прошлое и с тревогой и тоской взглянуть в будущее.

Она таит в себе ряд противоречий. Любовь к красивым жесту и фразе, поэтические грезы и слова, мечты об искусстве и красоте. И в то же время бесконечно судится с дворниками и домоуправлением, ссорится с соседками из-за каждой кастрюли.

Через весь дневник проходит также склонность ее к мистицизму и грубому суеверию.

Ее социальное мировоззрение складывается в нескольких фразах:

"У меня есть сердце и душа, у меня есть внешность, что особенно важно для женщины, у меня есть бриллианты, тряпки и немного денег, у меня есть способности и энергия. Кажется, я обладаю многим, что нужно для сносного существования и вместе с тем я изнываю без радостей и любви".

Однако, тоску по радостям любви она в другом месте объясняет своеобразно:

"Время теперь тяжелое, а у меня нет настоящей крепкой поддержки. Все случайные, разве только один Е., но и его помощь при теперешней дороговизне очень маленькая".

В другом месте она пишет:

"Все рушится, надежду сменяет разочарование и так без конца. Обильно льются слова и обещания, не рождая

конкретных последствий..."

"Каждый день кто-нибудь приходит и что-нибудь обещает, но уходит и забывает или меняются обстоятельства и он не может сделать обещанного".

Отношение к революции у нее мещански обывательское. Она ее не понимает и замечает лишь постольку, поскольку революция приносит ей целый ряд внешних неприятностей и жизненных затруднений. "Третий день сижу дома и слушаю выстрелы, которые раздаются за окном. Магазины и лавки закрыты, газеты не выходят, телефон не работает. Скука и тоска такая, что можно дойти до сумасшествия и неизвестно, когда все это кончится и кто победит - большевики или Временное правительство. Я не принадлежу ни к какой партии и хочу только покоя и мира".

Может быть, чутьем понимая, что революция еще больше, чем физическое увядание лишает ее надежд на возрождение прошлой шумной и веселой жизни, она начинает анализировать это прошлое и говорит: "Мы все несчастны, вся наша семья. Как будто чье-то проклятие лежит на роду. Идеалисты в душе, с камнем материализма на шее. Черное и белое, наполовину смешанное с красными пятнами страсти, это - мы, ни то ни се, мечтательные и бездеятельные сумерки".

"Разнообразен путь моей жизни и покрыт колючими терниями. Я иду, подняв голову, потому что я хочу смотреть вверх, и часто на что-нибудь наталкиваюсь, спотыкаюсь и падаю. Поднимаюсь, израненная и обессиленная, и продолжаю идти, слабея с каждым днем".

"Как я устала. А когда-то я была горячо любима. Много их было, любящих и влюбленных, но я смеялась, играла со всеми, никого не любя. Мне доставляло удовольствие мучить, причинять страдания и с наивной улыбкой слушать жалобы и видеть слезы. Довести мужчину до слез было так забавно".

Теперь же она начинает испытывать страх одиночества. Революция рождает мысли о неопределенном и туманном будущем и невольно в ней зарождается тоска о постоянной и крепкой привязанности.

"Теперь же я ищу любви. Если бы наша, хранила бы как драгоценный сосуд, полный мирры".

Уже в этой части ее дневника начинает сказываться свойственное ей мистическое настроение, вызывающее у этой истеричной женщины ряд навязчивых представлений.

Она боится Рождества и этот страх перед рождественскими праздниками, мысль о том, что именно на Рождестве она должна умереть, проходит у нее через весь дневник.

"Завтра Рождество и как всегда печально на душе. Ни разу в своей жизни я не встречала этого праздника весело и радостно. Даже в детстве я не любила Рождества, точно предчувствовала, что оно никогда не принесет мне радости: наоборот, печаль и тоска увеличиваются в эти дни".

Революция разрушает старые жизненные отношения, весь прежний экономически-бытовой уклад; каждый день приносит новые неожиданности и неприятности. Прежним влиятельным и богатым друзьям не до нее; они, удрученные и раздавленные личной катастрофой, которую внесла революция в их привычную комфорта-

бельную жизнь, забыли о Яблонской.

Единственный друг ее Зубов также разочаровал ее. Семья его устраивает постоянные скандалы, причиняющие ей страдание.

"Куда бежать в это безвременье. О, если бы явился сказочный рыцарь спасти меня и очистить от всего".

Но рыцарь не появляется, поиски его тщетны и по мере того, как падают надежды на появление этого сказочного рыцаря, в душе Яблонской - отчаяние и неуклонно, постоянно выявляемая в дневнике мысль о смерти.

"Я делаюсь истеричкой, просыпаюсь среди ночи и плачу, утром просыпаюсь в поту и сердце бьется до боли, руки и ноги холодны, как лед, безумно хочется бежать куда-то... Некуда... У меня нет места в мире, всюду лишняя и ненужная, всюду ждет тоска. Чаше и чаще задумываюсь, как окончить все..."

Эти настроения особенно резко проявляются в рождественские праздники, и апогея достигают в ночь под новый год.

"Кончился, кончился этот тяжелый год, давший мне столько горя и слез. Что даст новый - неизвестно, но я почувствовала душевное облегчение, когда пробило 12 часов. Я в одиночестве встретила его, как 10 лет тому назад. Я мысленно перебрала все новогодние ночи, пережитые с тех пор. Они проходили разное, но всегда в чьем-либо обществе и только сегодня повторилась такая же ночь, как и тогда, с тою лишь разницей, что тогда впереди была вся жизнь, а я сама хрупкая, нежная и совсем юная... Теперь же я огрубела, устала и впереди ничего нет. Все лучшее прошло и зеленого берега я не достигла.

Что я такое? - Мятущаяся душа, не находящая себе покоя и места, странствующая, как вечный жид. Скорбь ночным покровом окутывает меня, уныние духа, отверженность, безнадежность гнетут меня. Я в эту ночь молилась о том, чтобы умереть".

В письме к своей подруге Гинеевой в этот же промежуток времени отражается такое же ее настроение:

"Я несколько раз хотела покончить с собою, только не имела никакого яда или оружия. Жизнь слишком тяжела и впереди все безнадежно. Молодость прошла, а с нею кончились все благие упования. В душе остались только какие-то искорки, которыми нельзя зажечь новой жизни и любви. А поэтому пустота и тоска, бывшее пламя погасло, искорки тоже скоро погаснут и тогда совсем воцарится в душе холод и тьма и не хочется дожидать до этого. Хорошо бы теперь умереть..."

И вот Батаев, с которым неожиданно встретила в этот год растерянная и отчаявшаяся Яблонская, оказался ей тем сказочным рыцарем, о котором она мечтала, и - вновь смена настроений, опять надежды на новую красивую жизнь вырываются в бурных строках.

"Я долго не писала и снова взяла тетрадь, чтобы записать, что я вновь люблю. Вновь зазвучали аккорды струн, так неожиданно, внезапно, и полилась небесная гармония и осветила все вокруг.

Он молод, он слишком молод мой возлюбленный. Ему всего 22 года. Я старше его и что он чувствует ко мне, я не могу понять. Но ужас... После трех безумных, счастливых ночей он признался в том, что он женат. Какой ужас охватил мою душу при сознании, что проклятие, тяготеющее надо мною, еще не снято. Он не подозрева-

ет всей драмы моей жизни. А между тем я создала себе сказку, олицетворив ее в себе.

Вот женщина идет в венке из красных роз с колючими терниями, с руками, полными красных маков, по берегу моря, а за нею вереница мужчин, скованных цепями, и конец этих цепей прикреплен к целой группе женщин, стоящих позади их, и каждая женщина, прикрепленная к мужчине, тянет его назад и напрягает все усилия к тому, чтобы не дать ему приблизиться к идущей в красном венке из роз, с красными маками. Многие из них окружены детьми или родными, которые помогают ей также тянуть закованного мужчину, а дети к тому же плачут и зовут отца и все их проклятия и слезы обрушиваются на голову идущей впереди и в венке ее все больше и больше появляется терний".

Это экзальтированное настроение Яблонской заполняет первые недели ее супружеской жизни. Но в письме к своей подруге Гинеевой, написанном уже через короткое время, наряду с изливаемыми ею восторгами чувствуется, что в душу ее уже закрадываются сомнения.

"Милая Ниночка, - пишет она Гинеевой, - я вышла замуж, т. е. в комиссариате брачный контракт уже подписан, а в январе предполагаем сделать церковное венчание. Моя фамилия теперь уже другая - Батаева. Моему мужу 25 лет, и он довольно красив, но легкомысленный ужасно. Ссоримся с ним ежедневно, но пока до венчания живем еще врозь. Материальные дела мои поправились благодаря моему замужеству, но каким образом, расскажу, когда приедешь. Милая, приезжай поскорее или хотя ответь мне. Я тебя убедительно прошу об этом. Мне так нужен дружеский и искренний совет... Я люблю мужа моего, но не верю ему ни в чем. Слишком он молод и увлекающийся... Мне все кажется, что мой брак принесет мне много горя, и сердце очень болит по этому поводу. Но когда ты приедешь и увидишь его, то скажешь свое мнение... Целую тебя крепко, твоя Шура, колеблющаяся, сомневающаяся в будущем счастье..." (Письмо это датировано 15 декабря 1921 г.)

Несмотря на все эффектные фразы, которыми приветствует Яблонская свое вступление в брак с Батаевым, трудно сказать, что говорит в ней сильнее - привязанность ли и жажда ощущений, которые давал ей молодой и сильный Батаев, или же наряду с этим в ее расчетливой голове коммерческие планы Батаева об увеличении состояния играли еще большую роль.

Понемногу деньги и ценности переходят к Батаеву. Этот увлекающийся театральными предприятиями, но не имеющий ни коммерческого опыта, ни, видимо, деловых способностей молодой человек, теряет деньги на первых же своих комбинациях. Начинаются споры из-за денежных расчетов, из-за хозяйственных мелочей. Красивые грезы, созданные Яблонской в дневнике, претворяются в мещанскую мелкую драму с дрязгами и повседневными ссорами из-за денег. В душу закрадываются сомнения, что она снова обманута, снова одинока и на этот раз безнадежно, что "рыцарь", которого она так ждала, больше думал о ее ценностях, нежели о ней самой.

Зубов, старик, который не переставал ревниво относиться к ее жизни с Батаевым, "раскрывает ей глаза" на него, сообщив, что ее состояние пошло прахом. Яблонской овладевает отчаяние, ибо одновременно погибли

состояние и вера в любимого человека. В письме от 10 января 1922 года к Гинеевой это настроение выливается в строках, полных тоски и безысходного горя:

"Если бы ты приехала, ты выручила бы меня из большой беды. Я вышла замуж и крайне неудачно и сейчас еще более одинока и несчастна, чем была раньше... Твое присутствие дало бы мне нравственную поддержку. Ты покидаешь меня в самую критическую минуту жизни. Если бы ты приехала, как хотела, то ничего бы со мной не случилось, так как от одиночества и тоски я потеряла голову и рассудок, и это стоило мне 135 млн. рублей, да, не удивляйся, 135 млн. рублей, вот в чем главный ужас, что я теперь переживаю. Если бы были друзья вокруг меня, с этой суммой можно было бы делать многое, а теперь она улетела в воздух. Ах, Нина, в этой жизни нет ни красоты, ни простой честности, только пошлость, ложь и обман. Приезжай, ради бога, прошу тебя в последний раз, а то может быть никогда не увидимся больше на этом свете. Целую тебя крепко. Твоя Шура".

"Постскриптум. Надо иметь сверхчеловеческие силы, чтобы переносить такие страдания, какие выпали на мою долю, я или с ума сойду, или брошусь под поезд...". Через три дня после того как Яблонская отправила это письмо, она была уже мертва.

Расстройства настроения и постоянная мысль о самоубийстве, проходившие через дневник и письма Яблонской, носили, по мнению защиты, настолько ярко выраженный патологический характер, что возникал вопрос, не была ли больна Яблонская какой-либо душевной болезнью, в собственном смысле этого слова, и не было ли самоубийство тесно связано с этой формой заболевания. Защита и возбудила перед судом ходатайство о вызове экспертов-психиатров для психиатрического исследования дневника и писем покойной и дачи, на основании этих материалов, как равно и по свидетельским показаниям, заключения о психическом состоянии Яблонской в последние годы ее жизни и в моменты, предшествовавшие смерти.

Суд в этом ходатайстве защиты отказал, и в качестве экспертов в деле участвовали лишь представители общей судебно-медицинской экспертизы - проф. П. А. Мианков и д-р Симановский.

В связи же с возбужденным обвинителем - вопросом о подлинности писем и надписей на карточках Яблонской, на суде фигурировала и каллиграфическая экспертиза в лице эксперта Ладнова, признавшего, что все эти документы писаны бесспорно собственной рукой Яблонской.

В споре с обвинением защита придавала огромное значение этим цитированным выше дневнику и письмам Яблонской.

Они, по мнению защиты, ясно свидетельствовали о том, что мысли о смерти, мечты о самоубийстве были не только фразой и саморисованием, а исходили из патологических душевных особенностей Яблонской.

То обстоятельство, что ряд свидетелей говорил о частых угрозах Яблонской покончить самоубийством, не приводившихся в исполнение, несколько не колеблет этой мысли. Мечты о самоубийстве у этой мистически настроенной женщины имели характер какой-то навязчивой с религиозным оттенком мысли. Если на протяжении нескольких лет она каждый раз в ночь под Рождест-

во и под Новый Год с особой торжественной подчеркнутостью говорит о том, что именно в эти дни должна умереть, то последующая смерть ее, в ночь под Новый Год по ст. стилю, в день, давно приуроченный ее мистицизмом - последнее подтверждение того положения, что эта смерть была добровольной и желанной.

Почему прежние угрозы самоубийством не приводились в исполнение и производили впечатление и на мужа и на окружающих несерьезных театральные вспышки? Да потому что всегда оставалась еще какая-то надежда, и если приходилось разочаровываться в "рыцарях", то были деньги и ценности, которым Яблонская придавала в жизни огромное значение и благодаря которым она чувствовала под собой, несмотря на все разочарование, некоторую прочную материальную базу.

Встреча с Батаевым разрушила все надежды этой женщины. Исчезли мечты о семейной жизни и беззаветно преданном "рыцаре"; и, наконец, на ветер полетели деньги и ценности, собранные в течение целой жизни. Исчезла любовь, исчезла материальная база, впереди - неприглядная, одинокая старость, а может быть и тяжелые материальные лишения, которых она больше всего боится. Вот почему отчаяние, охватившее ее, когда она поняла и оценила последствия от брака с Батаевым, было последней каплей, переполнившей чашу. Последние стимулы к жизни, тормозившие ее стремление к смерти, перестали существовать, и она, ничем более не привязанная к жизни, покончила с собой.

Общественный обвинитель тов. Пинес считал исключительно существенным моментом то обстоятельство, что покойная за два-три часа до смерти уславливалась со своим братом отправиться на другой день в Яузскую больницу навестить больного младшего брата. Это, с точки зрения обвинителя, абсолютно твердо доказывает, что, во всяком случае в эту ночь, Яблонская не собиралась умирать и не предвидела возможности своей смерти. К такому же выводу приводит обвинителя и эпизод с манто.

"Женщина, - не без остроумия утверждал в своей речи т. Пинес, - которой в двенадцать часов ночи принесли котиковое манто, не может в час ночи покончить с собой..."

Защита противопоставила этому утверждению ту, с ее точки зрения, бесспорную истину, что Яблонская страдала резкой формой истерии, со свойственными ей расстройствами и неожиданными сменами настроений.

Нет ничего удивительного в том, что Яблонская, уже, по-видимому, принявшая твердое решение умереть, на минуту поддавалась радости по поводу принесенного манто. Это не мешало ей, однако, здесь же, через несколько минут, вслух высказать затаенную мечту о смерти по способу древних римлян. Планы же о посещении больницы на следующий день могли быть просто хитростью с целью усыпить подозрение у мужа и братьев, каковое могло у них возникнуть в связи с ее разговорами о смерти. Улики по делу, с точки зрения обвинения, были двойного характера. Улики психологические и улики судебно-медицинские.

Защита подвергла выводы обвинения подробной критике приблизительно в следующем порядке.

В корыстной, холодной расчетливости, проявленной Батаевым в договорах, предшествовавших браку его с

Яблонской, в совместной их жизни и, наконец, после ее смерти, обвинение видело тот общий фон, на почве которого созрела у Батаева мысль об убийстве.

Мотив у убийцы, по мнению обвинения, двойной: избавиться от тяжелой истеричной женщины, расстаться с которой мирным путем после того, как были истрачены ее ценности, представлялось нелегким, а, с другой стороны, стремление овладеть оставшейся частью имущества.

Что можно сказать против этого положения? - Батаев несомненно отражает среду, характерную для этой эпохи переломного периода экономических и брачных отношений. Он не хуже и не лучше других представителей этого отмирающего уже теперь типа мелко-буржуазной богемы. В этом смысле и Батаев, и Яблонская по своей социальной сущности и восприятию внешнего мира близки друг другу. Но отсюда далеко еще до убийства. О нем можно было бы говорить, если бы были действительно объективно серьезные улики. Между тем, разбор улик на суде, после подробного судебного следствия дал серьезные возражения против каждой из них.

Так, огромное значение придавалось обвинением показаниям свидетельницы Львовой. Казалось бы, что категорическое показание этой женщины не оставляет места сомнениям в том, что налицо кошмарное преступление. А между тем это впечатление сразу же исчезло, как только Львова предстала перед судом в качестве свидетельницы.

Нервная и возбужденная, по одному внешнему облику являвшая собою яркий тип истерички, Львова не показала, а прокричала суду все то, что за последние месяцы занимало ее тревожную мысль. Когда же по просьбе защиты были оглашены все прежние показания Львовой, которых было несколько в разных стадиях процесса, стало ясным, что каждое более позднее показание прибавляло новые штрихи, новые подробности и детали, не имевшие места ранее.

Если в первом показании Львова слышала только стоны, то в следующем ей чудились уже стоны и шаги двух лиц, а в позднейших показаниях - стоны, шаги, возня и борьба. Нервная женщина, потрясенная трагической смертью Яблонской, жившая среди людей, невольно захваченных происшедшей на их глазах кровавой драмой, впитывала в себя каждую версию, каждый слух и догадку окружающих, и, по мере того, как росли новые подробности, версии и рассказы, у Львовой оживало и укреплялось убеждение в виновности Батаева, и появлялись все новые и новые детали, созданные ее истеричной фантазией.

Слышала ли она вообще что-нибудь из комнаты Яблонской в роковую ночь?

Проф. Минаков по этому поводу высказал следующее мнение:

"После нанесения ран Яблонская могла еще ходить некоторое время по комнате, так как потеря сознания вследствие кровоистечения должна была у нее наступить только через несколько минут после разреза артерий".

"Люди, умирающие от истечения крови, обычно стонут и хрипят в агонии перед смертью. Возможно, что Львова слышала стоны истекающей кровью Яблонской".

Таким образом, если Львова в действительности и слышала стон Яблонской, то это обстоятельство еще ни

в какой мере не говорит за насильственность ее смерти. Стоны могут иметь место и при самоубийстве.

Прямой уликой, занявшей исключительное место в прениях сторон, был факт поисков Батаевым яда.

Обвинение видело в этом моменте совершенно непреклонное доказательство заранее созревшего у Батаева намерения отравить свою жену.

Защита, однако, отстаивала ту точку зрения, что показания в этой части Батаева, приведенные выше в его заявлении следователю, объясняющие поиски яда только попыткой отучить таким путем жену от угроз самоубийства, психологически вполне правдоподобны и находят себе некоторое подтверждение в одном примере из судебно-медицинской литературы:

Некоему истерику, надоедавшему окружающим угрозами застрелиться и беспрестанно требовавшему револьвер для этого, одно близкое ему лицо вручило револьвер со словами: "На, стреляйся". Истерику не только не застрелился, но и навсегда отучился от угроз самоубийством.

Батаев, может и неосведомленный об этом случае, психологически правильно хотел повторить этот прием в отношении надоевшей ему постоянными угрозами отравиться жены.

С другой стороны, слишком открытые просьбы Батаева в присутствии посторонних лиц в конторе театра, обращения к врачам с просьбой достать яд, даже маскированные ложью о больной собаке, - все же говорят за малую вероятность действительного умысла на отравление.

Среди улик судебно-медицинского характера наиболее серьезное значение придавалось обвинением тому обстоятельству, что порезы у Яблонской были сделаны на правой руке, между тем как с точностью установлено, что она левой не была.

По этому поводу проф. Минаков полагал, "что постороннее лицо могло нанести Яблонской порезы на предплечии лишь при условии, если она находилась во время нанесения этих ран в таком физическом состоянии, что была не способна обороняться, двигать руками и вообще принимать какие-либо меры к самозащите".

"Но на судебном следствии не отмечено никаких данных, на основании которых можно было бы сделать предположение, что Яблонская действительно могла находиться в таком состоянии".

В связи с этим заключением эксперта, защита не могла не отметить, что в этом случае большое значение имеет тот внешний вид и обстановка, в которой был обнаружен труп Яблонской: непомятое платье, абсолютное отсутствие кровавых пятен на нем, вид внешнего спокойствия, отмеченный свидетелями очевидцами, говорили за то, что смерть Яблонской последовала вне какого-либо сопротивления или борьбы.

Почему все же раны были нанесены на правой руке?

По этому поводу проф. Минаков отметил, что судебно-медицинская практика знает целый ряд случаев, когда самоубийцы наносили себе раны не только на правой руке, но и на обеих руках.

Защита, однако, выдвинула перед судом возможность и другого чисто психологического обоснования этого странного на первый взгляд явления.

Толчком к предположению защиты послужил осмотр

на месте комнаты, в которой умерла Яблонская, принятый судом вместе со сторонами в первый же день процесса. Защита тогда же обратила внимание суда на следующее обстоятельство:

Яблонская была найдена мертвой, как уже было сказано выше, на кушетке, прислоненной к стене. Батаев, по его словам, спал на кровати, находившейся у другой стены, перпендикулярно первой. Яблонская, разумеется, могла бы на той же кушетке лечь и иначе, приняв такое положение, при котором с кровати свешивалась бы левая рука, и на ней и сделать порезы. Но здесь уместно припомнить все то, что мы знаем об этой женщине по характеристике ее, сделанной Батаевым и другими лицами, а, главным образом, по ее дневнику и письмам.

Театрализованная женщина, увлекавшаяся внешними эффектами, она и в смерть свою не могла не внести эффектной театральной позы. Говоря в своем предсмертном письме о том, что умирает красиво, а в письмах к Гинеевой указывая на разочарование в Батаеве как на причину своей смерти, она должна была, конечно, с точки зрения оценки ее натуры, умирая, видеть лицо того, которого по-своему все же любила. Видеть же Батаева, умирая, она, по характеру размещения мебели в комнате, могла только в том положении, в котором ее нашли мертвой; при этом же положении левое плечо и рука были прислонены к стене.

Следующим моментом, на котором остановились стороны, было полотенце, завязанное на шее, узел которого находился на значительном расстоянии от подбородка, и окровавленный жгут, найденный на полу.

Какое значение имело это полотенце? Обвинению представлялось несомненным, что характер расположения полотенца свидетельствовал о том, что Батаев пытался задушить им Яблонскую.

По этому поводу проф. Минаков дал следующее заключение:

"Самоубийцы во время совершения акта самоубийства находятся в состоянии более или менее сильного душевного волнения, душевная деятельность их бывает в большей или меньшей степени расстроена и, во всяком случае, не нормальна. В это время они могут совершать различные действия, из которых одни необходимы для выполнения самоубийства, а другие не нужны, бессмысленны и могут указать лишь на ненормальное состояние психики самоубийцы. Поэтому не всегда бывает возможно объяснить, почему самоубийца сделал то или другое, поступил так или иначе и для какой цели воспользовался тем или иным предметом. Теоретически возможно, что в данном случае Яблонская до разреза артерий делала попытку самоудушения, а может быть это указывает на желание заглушить стоны, чтобы не разбудить спавшего здесь же мужа".

Свою мысль проф. Минаков иллюстрировал следующим примером:

В одном из московских мест заключения в дореволюционное время заключенный облил себя керосином из лампы и поджег. Чтобы не вызвать внимания тюремного сторожа криками и стонами, он завязал себе рот полотенцем, которое впоследствии спало и приняло приблизительно то же положение, какое оно имело на шее у Яблонской.

О чем говорит окровавленный жгут, найденный на полу?

По этому поводу проф. Минаков обратил внимание суда на следующие моменты. При осмотре этого свернутого жгутом и запачканного кровью полотенца можно было видеть, что наибольшее количество крови находится преимущественно на тех местах полотенца, которые являются наружными частями жгута, а на внутренних частях жгута крови меньше или совсем ее нет. Отсюда можно заключить, что на полотенце попала кровь тогда, когда оно было свернуто жгутом. В деле нет данных, чтобы определенно выяснить, для чего именно было скручено полотенце жгутом и при каких условиях оно было сильно запачкано кровью, но возможно лишь сделать следующее предположение: во время нанесения самой себе ран Яблонская под влиянием сильной боли при виде крови и в состоянии сильного душевного волнения могла изменить свое намерение лишить себя жизни и тогда с целью остановить кровотечение взяла полотенце и, свернув его жгутом, обмотала им раненую руку, причем обильно вытекавшая из ран кровь попала в большом количестве на жгут.

Следующим вопросом, требовавшим разрешения суда и истолкованным обвинением так же, как улика против Батаева, было заявление Батаева, что он утром, обнаружив, что жена мертва, взял ее за левую ногу и, приподняв на диване, выпрямил.

С обывательской точки зрения представлялся невероятным факт свободного разгибания ног у трупа по истечении не менее 8-9 часов с момента смерти. Но и в этот вопрос проф. Минаковым была внесена полная ясность:

"Если не считать весьма редких случаев наступления трупного окоченения непосредственно после смерти, - заявил проф. Минаков, - оно в подавляющем большинстве случаев развивается в трупах взрослых людей от 2-го до 13-го часа после смерти и развивается последовательно и постепенно, начиная с мышц жевательных и затылочных, переходя затем на мышцы шеи и груди, а затем на верхние и нижние конечности. Окончательное и полное окоченение всего тела наступает к концу суток.

Если предположить, что Яблонская умерла около часа ночи, то возможно, что в 9 час. утра, т. е. через 8 часов после смерти, в ее ногах могло еще не наступить трупное окоченение, которое сделало бы невозможным выпрямление ее согнутых ног.

В виду этого можно поверить заявлению обвиняемого о том, что когда он переложил труп Яблонской на кушетку, то ноги трупа выпрямились".

Судебное следствие подробно остановилось также и на ссадине величиною с конопляное зерно, обнаруженной на шее Яблонской.

Экспертиза в этом отношении дала заключение в таком смысле, что ссадина эта или прижизненного или посмертного происхождения. Она могла произойти перед смертью за несколько часов или даже дней. Рассматривать ее следует как ссадину случайного происхождения. Отсутствие странгуляционной полосы и каких-либо иных подозрительных признаков исключает возможность предположения, что эта ссадина связана с попыткой удушения Яблонской.

Правдоподобно ли заявление Батаева о том, что он так

крепко спал, что не слышал, как жена его все подготовила к самоубийству и привела его в исполнение, находясь в той же самой комнате? Возможно ли, что его не разбудили ни шаги, ни стоны истекающей кровью жены?

Этот вопрос был также поставлен на разрешение экспертов. Ответ был следующий:

"Есть лица, у которых сон так глубок, что они не слышат даже сильных громких звуков. Наиболее глубоким сон вообще бывает в первые два часа после засыпания, а потом глубина сна уменьшается. Известно, что сон вообще бывает глубже, если человек не спал или мало спал предшествовавшую ночь".

Таким образом, опираясь на данные экспертизы и на шаткость улик по делу, защита высказала убеждение, что в данном случае не имело место убийство и что Яблонская в последние годы ее жизни, вследствие патологических особенностей ее натуры, неуклонно шла и пришла к самоубийству.

Однако, перед сторонами и судом стоял в этом деле и другой вопрос. Если здесь не было убийства, то, может быть, были два других преступления, предусмотренные ст. ст. 163-й и 158-й Уголовного Кодекса, т. е. содействие или, вернее, провоцирование самоубийства и оставление без помощи в момент опасности?

Нет никакого сомнения, что, как указано было выше, потеря денег и разочарование в Батаеве были последним толчком к самоубийству. Это было так по объективным обстоятельствам дела, ибо так сложились последние месяцы ее жизни. Но была ли здесь субъективная вина Батаева, который сознательно и намеренно провоцировал бы отчаяние Яблонской, добиваясь осуществления ее постоянных угроз самоубийством?

По мнению защиты, Батаев сам глубоко верил в свои коммерческие и театральные комбинации. Этот театральный предприниматель принадлежал к числу рискованных молодых людей, которые охотно бросают не только чужие, но и свои деньги на самые фантастические дела и одинаково легко относятся и к чужим и к своим потерям.

В то же время никто, однако, не констатировал, чтобы он проявлял по отношению к Яблонской какую-либо особую грубость, издевался бы над ней, третировал бы ее так, что это могло повлечь за собою отчаяние Яблонской. Были мелкие раздоры, были ссоры, которые слышали соседи, но отношение Яблонской к нему не дает оснований предполагать, что Батаев сознательно направлял и руководил ее последним решением.

В этом смысле характерны ее предсмертные письма и надписи. Она умирает примиренная и любящая, даже благодарная Батаеву, который в жизнь этой одинокой и мятущейся души сумел, очевидно, все же внести какую-то теплоту. И письма ее говорят за то, что в предсмертном ее сознании не было ничего, осуждающего Батаева. Смерть ее, когда все, как ей казалось, рушилось, была в глазах этой охваченной религиозным мистицизмом женщины каким-то своеобразным жертвоприношением.

"Я умираю с наслаждением и с радостью, потому что уношу мой идеал любви с собою в тот мир, где он увянет".

Если бы Яблонская умирала с чувством ненависти и гнева к "виновнику" ее преждевременной смерти, этим

словам не было бы места в ее последнем письме.

"Моему милому, что был мне дороже всего на свете", пишет она адрес на этом письме, а в другом: "по-прежнему, как и при жизни, я тебя буду любить, а потому одного только добра и счастья буду желать тебе".

Эти надписи - предсмертный приговор Яблонской Батаеву. Женщина, чувствующая себя намеренно обманутой и грубо оскорбленной, этих строк не написала бы.

Остается последнее предположение:

"Не оказал помощи, хотя должен был понимать, получив накануне письмо, что Яблонская может покончить с собою".

И по этому моменту между сторонами были горячие споры. Защите казалось, что после многократных, не приводившихся в исполнение угроз Яблонской покончить с собою Батаев уже не верил, да и не мог верить в серьезность этих угроз, и утверждение его, что он не придавал никакого значения ее предсмертному письму, при данных обстоятельствах представлялось защите более чем правдоподобным. Вопрос же о том, слышал ли он приготовления жены к самоубийству и ее стоны, полностью разрешен уже отмеченной выше экспертизой.

Губсуд по обвинению Батаева в убийстве, за недоказанностью, оправдал его и признал виновным:

а) в содействии самоубийству гр. Яблонской, которая, вследствие своей болезни - истерии не могла руководить своими поступками;

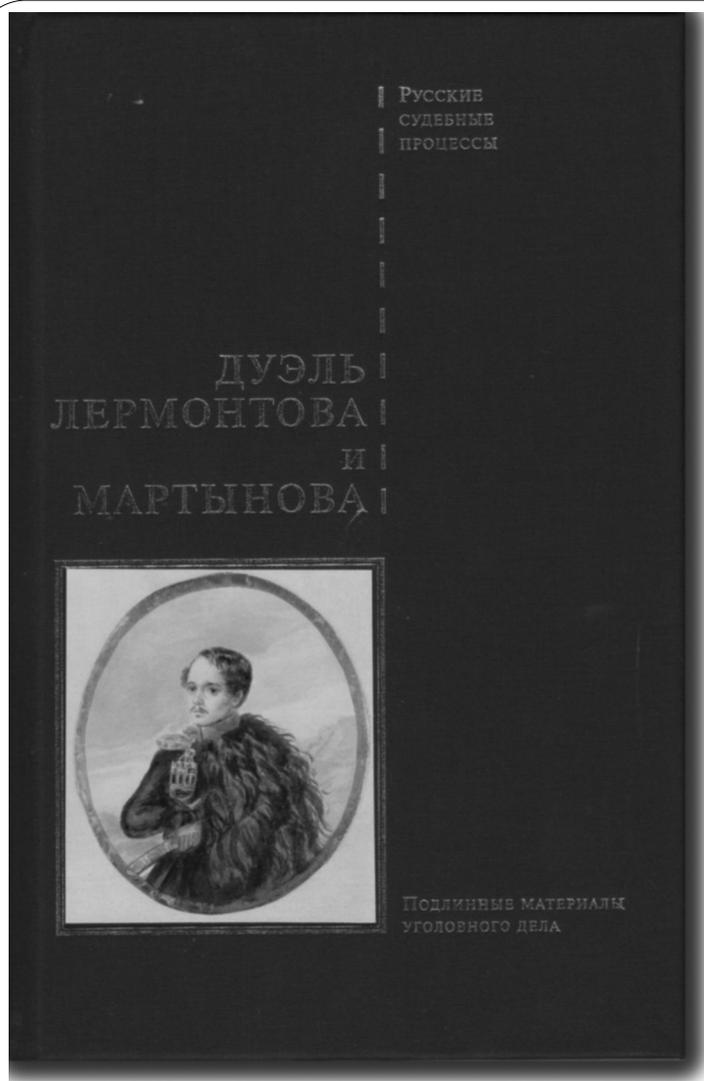
б) в оставлении без помощи Яблонской, которая находилась в опасном для жизни положении, между тем как он должен был иметь заботы о ней,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 14-й, 148-й и 163-й Уголовного Кодекса, и приговорил Батаева по совокупности к 3 годам лишения свободы, снизив по амнистии срок наказания на 2/3.

(из книги: И.Д. Брауде. В уголовном суде. Из записок защитника. 1922-1927 гг. "Право и жизнь", М., 1927.)

## Ссылки

<sup>1</sup> Фамилии обвиняемого, покойной артистки и свидетелей изменены. Дело слушалось в Московском губернском суде 3, 4, 5, 6 и 7 апреля 1923 г. под председательством члена губсуда Анны Глузман. Общ. обвинителем выступал И. Г. Пинес, поверенным гражд. истца М. В. Гринберг; защищали И. И. Тарховской и И.Д. Брауде.



### Дуэль Лермонтова и Мартынова: подлинные материалы уголовного дела

Под общей редакцией  
президента адвокатской фирмы  
"Юстина" кандидата юридических наук  
В.Н. Бурбина

После убийства на дуэли великого русского поэта А.С. Пушкина его преемником стал М.Ю. Лермонтов. Смерть Лермонтова, так же, как и Пушкина - на дуэли, потрясла общественность России. Возникли различные теории о заговоре с целью убийства, необоснованные домыслы об обстоятельствах дуэли.

Предлагаемые вниманию читателя подлинные материалы уголовного дела позволяют установить многие важные обстоятельства дуэли Лермонтова и Мартынова, составить собственное мнение о дуэли, в том числе узнать, были ли нарушены правила поединка, и исключить целый ряд ошибочных версий произошедшего.

Кроме того, данные исторические документы дают представление о том, как велось военно-судебное производство по делу в то время, и какие обстоятельства принимались во внимание при назначении наказания за участие в дуэли.

## Немного юмора...

\* \* \*

- "Ах так!" - воскликнул Президент Грузии Маргвела-швили и назначил своим советником Януковича.

\* \* \*

Чтобы что-то изменить в этой стране, вам потребуются терпение, спокойствие и выдержка - эти неотъемлемые качества настоящего снайпера.

\* \* \*

- "Мы смело отступаем на заранее подготовленные позиции, а противник с позором бежит за нами", - заявил Пётр Порошенко.

\* \* \*

В основе правовой системы любой развитой страны лежит римское право, то есть право рабовладельческого общества. А что, всё логично - демократия начиналась с возможности поболтать, пока рабы вкалывают.

\* \* \*

- У меня для вас не очень хорошая новость: печень у вас здоровая...

- Доктор, а что же в этом плохого?  
- Я говорю о размерах...

\* \* \*

- Он несет какую-то чушь! Что за ерунду он говорит?!  
- Ты просто нетерпим к чужому мнению.  
- Я терпим! Но у него мнение неправильное!!!

\* \* \*

- Недолюбиваю Канта с его категорическим императивом. Мне ближе три стадии человеческого существования Кьеркегора.

- А как ты относишься к диалектике Гегеля и его философии духа?

- Черт, обычно после моей первой фразы люди вокруг почтительно молчат.

\* \* \*

Вы агрессивны? Вы ненавидите людей? Вам хочется унижать и причинять боль? Не знаете, как делать это законно? Стоматологический институт ждет вас!

\* \* \*

Не получается Европа от Лиссабона до Владивостока?  
Ну, есть ещё выбор - Азия от Пекина до Дублина, или Африка от Хартума до Стокгольма.

\* \* \*

Жалко девушек - в кризис на шубу тяжело не только заработать, но и наистерить.

\* \* \*

Когда уже совсем нечем хвастаться, всегда можно похвастаться своей скромностью.

\* \* \*

- Подсудимый, вы признаёте, что украли у потерпевшего тромбон?

- Да, признаю.

- Вы что, умеете на нём играть?

- Не имею понятия, как это делается.

- А зачем же вы его украли?

- Видите ли, мой сосед тоже не имеет понятия, но, тем не менее, играл на нём каждый вечер...

\* \* \*

Чтобы стать счастливым, совсем не обязательно искать кого-то или чего-то.

Иногда достаточно от кого-то или чего-то избавиться.

\* \* \*

Барак Обама пригрозил, что если Путин заблокирует в России Твиттер, то он в Америке заблокирует Одноклассников.

\* \* \*

Кризис - это когда покупаешь в магазине верёвку, а на мыло не хватает денег.

\* \* \*

- М-да... Алкоголизм непобедим.

- А почему?

- А зачем?

\* \* \*

Только не надо говорить мне, что я постоянно наступаю на одни и те же грабли. Они разные! Эти немного длиннее, у этих ручка изолентой замотана...

\* \* \*

- Дорогая, завтра суббота. Надо будет с утра нам с тобой в гараж сходить, потом к моим родителям заехать, затем в алкомаркет и охотничий магазин, а вечером нас Вася в гости звал, хоккей посмотрим, пивка попьём!

- Ты обалдел что ли?!

- Нет! Но примерно так мы проводим все выходные по твоим планам!

\* \* \*

На собрании родителей первоклассников папу Вовы Сидорова спросили, кем он работает, и что может сделать для школы.

Папа ответил - прокурором.

Сразу выяснилось, что школа вообще ни в чём не нуждается.

\* \* \*

Вообще это странно: агент 007...  
007 - международный телефонный код России...

\* \* \*

Полиция Петербурга задержала художника-мошенника, по вине которого была безвозвратно утрачена бесценная картина XVIII века. В его мастерской были обнаружены три экземпляра картины, один из которых по всем сведениям подлинный, но который - понять решительно невозможно!

\* \* \*

- Девушка, вам никто не говорил, что у вас пронзительно-проницательные глаза!  
- Ага, чего только не говорили! Молодой человек, проезд оплачиваем!

\* \* \*

В институте:  
- Какие предметы будешь сдавать?  
- Бутылки...

\* \* \*

Известного хирурга как-то спросили:  
- Какая самая удачная операция в вашей жизни?  
- Женидьба.

\* \* \*

Показать свою крутизну при помощи мата возможно только в шахматах.

\* \* \*

Уже изобрели дезодоранты, которые не оставляют следов на одежде. Осталось теперь придумать алкоголь, который не оставляет перегара и похмелья.

\* \* \*

Коррупция в России достигла таких невероятных размеров, что уже составляет 7% от украинской.

\* \* \*

Каждый раз, задумываясь о своем образе жизни, я надеюсь, что через лет 20 медицина шагнет далеко вперед и я смогу все себе пересадить и вылечить.

\* \* \*

- Да кто мы такие, чтобы противостоять силам природы?! Так, пылинки на окраине Вселенной...  
- Петрович, гад, бери лопату и убирай снег!

\* \* \*

Любую депрессию надо встречать с улыбкой.  
Депрессия подумает, что вы идиот, и сбежит.

\* \* \*

Паранойя 1 уровня:  
"Закрыв ли я дверь в квартиру?"  
Паранойя 2 уровня:

"Я закрыл дверь. Но могу ли я себе доверять?"

\* \* \*

- Копейка рубль бережёт. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Не жили богато, нечего и начинать.  
- Министр финансов, вы закончили доклад?

\* \* \*

Философский:  
Никак не могу понять, почему пешеходы уверены в исправности тормозов у моей машины больше, чем я?!..

\* \* \*

Намечается новый прикол:  
Курс доллара вернется на место, а рублевые цены... тоже останутся на месте.

\* \* \*

- Как называется лицо, помогающее преступнику до того, как он совершил преступление?  
- Сообщник.  
- А если оно помогает преступнику после того, как он совершил преступление?  
- Адвокат.

\* \* \*

- Прошу к столу. Как говорится, угощайтесь чем Бог послал.  
- Тут нет ничего!  
- Сам же сказал, что атеист.

\* \* \*

- Слышал, цены на водку снижают! Неужели всё так плохо?  
- Плохо будет, когда её бесплатно станут наливать. По 100 грамм. Каждому фронтовику.